

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)

ГУКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

**СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ**

Материалы
межрегиональной научно-практической конференции

18 марта 2026 года

Ростов-на-Дону
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
2026

УДК 378

ББК 67

С56

Редакционная коллегия:

д. ю. н. Подройкина И. А.,

к. ф. н. Дунаева Н. Н., к. ю. н. Коруненко Е. Ю., к. ю. н. Маркина Е. В.,

Краснова В. Е., Гончаров М. М., Рогальская В. В.

С56 Современное законодательство: перспективы и пути развития : материалы межрегиональной научно-практической конференции, 18 марта 2026 года. – Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2026. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования : Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader. – Текст : электронный. – 252 с.

ISBN 978-5-7972-3586-6

Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых, студентов, аспирантов, преподавателей вузов «Современное законодательство: перспективы и пути развития» отражают круг актуальных вопросов различных отраслей права, проблемы правового регулирования широкого круга общественных отношений, вопросы необходимости объединения научного потенциала теории и отраслевых юридических наук, реализации и защиты прав человека в современном обществе, оптимизации государственной национальной политики.

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным проблемам теории и истории права и государства, отраслевых юридических наук, правовым и организационным вопросам борьбы с преступностью.

Материалы конференции представляют научный интерес для бакалавров, магистров, аспирантов и преподавателей, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

УДК 378

ББК 67

*Утверждены в качестве материалов
межрегиональной научно-практической конференции
редакционно-издательским советом РГЭУ (РИНХ)*

ISBN 978-5-7972-3586-6

© Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	8
<i>Сорокин В. В.</i>	
ПРОБАЦИЯ КАК РЕАЛЬНАЯ МЕРА ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ ЛИЦАМ, ОКАЗАВШИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ.....	8
<i>Толков Д. В.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОТ ИХ ПРОПАГАНДЫ.....	11
<i>Бережная А. В.</i>	
КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	14
<i>Горашко Д. А.</i>	
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ	19
<i>Горбачева А. В.</i>	
ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИКТИВНОЕ И ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО	22
<i>Калмыков П. С.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ	26
<i>Киндяков Е. В.</i>	
ПОДГОТОВКА К СОВЕРШЕНИЮ ДИВЕРСИИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ПОКУШЕНИЯ.....	30
<i>Колованов А. И.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕДАЧЕ АБОНЕНТСКИХ НОМЕРОВ	34
<i>Кучияш А. С.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, РЕПУТАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	39
<i>Мильцев А. А.</i>	
ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДЛЯ БЮДЖЕТА И ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ.....	45
<i>Попов Д. В.</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ПОЛУЧЕНИЮ КРЕДИТА	48

Семановский Н. Д.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	52
---	----

Яковенко П. А.

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ	57
---	----

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	62
--	----

Бандуров П. Г., Маркина Е. В.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	62
---	----

Баринев Э. Э., Лозовой М. Е.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА	69
---	----

Башурова П. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	76
--	----

Береза В. С.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК НОВЫЙ ВИД КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	82
---	----

Васильченко С. С., Маркина Е. В.

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	87
--	----

Вертий Ю. М., Маркина Е. В.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	94
--	----

Гаркушенко А. Ю.

РОЛЬ СУДА В ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, ВКЛЮЧАЯ ЗАЩИТУ ОТ УГРОЗ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	98
---	----

Горбачев Д. В.

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ТРУДОСПОСОБНЫХ ДЕТЕЙ,
ДОСТИГШИХ 18 ЛЕТ, ОБЕСПЕЧИВАТЬ РОДИТЕЛЕЙ 103

Зыбина А. В.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ И
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 107

Измайлова С. С.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ:
ДИСБАЛАНС ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ 112

Инасаридзе А. М.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕГРАЦИИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ПРАВОСУДИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ..... 115

Лапа И. С., Маркина Е. В.

ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДА
И АВТОНОМИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ..... 120

Маркина Е. В., Миронова М. М.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 125

Маркина Е. В., Туров С. С.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ 134

Маркина Е. В., Шамсутдинов Д. С.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПОПРАВOK 2020 ГОДА..... 138

Панкевич Д. В.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ,
ОСОБЕННОСТИ..... 144

Пушкарева К. В.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РФ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ГОСУДАРСТВА 149

Семенов А. М.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА 152

Тушева О. М.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	156
--	-----

Тюрин К. А.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ	160
---	-----

Хабибулина А. М.

УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	165
---	-----

Шейка В. С.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	169
---	-----

Яцун Д. А.

ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ В УСТАВАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	173
--	-----

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	178
--	-----

Гончаров М. М.

СТРАХОВОЙ РЫНОК: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	178
--	-----

Авчинникова А. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПРАВ.....	181
--	-----

Алексеев А. А.

РОССИЙСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА	184
---	-----

Винтилова Ю. Л.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	188
--	-----

Воищева О. А.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО АРЕНДЕ НЕЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ	192
---	-----

Гармаш Д. Э.

ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ОСАГО).....	197
--	-----

Горашко Д. А.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ	201
--	-----

Джелаухова Е. В., Дорошенко А. А., Комарова С. Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ТУРИЗМА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	204
--	-----

Замула А. В.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ.....	210
---	-----

Каменков Д. С.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ	213
---	-----

Китаева Е. К.

ИНСТИТУТ ЭСКРОУ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	217
---	-----

Козлова В. В.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	220
--	-----

Малашенко О. С.

ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ.....	224
---	-----

Пронина В. П., Комарова С. Н.

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ	228
---	-----

Стойков С. С.

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	232
--	-----

Сысоева А. Ю.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ	235
--	-----

Чернов А. Н.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ	239
--	-----

Шевченко В. А.

ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	244
НАШИ АВТОРЫ.....	249

СЕКЦИЯ 1. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сорокин В. В.

ПРОБАЦИЯ КАК РЕАЛЬНАЯ МЕРА ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ ЛИЦАМ, ОКАЗАВШИМСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена оказанию помощи осужденным лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: пенитенциарная система, надзор в исправительных колониях, уголовно-исполнительное право; воспитание осужденных.

В РФ давно назрел вопрос о поддержке людей, отбывших наказание в местах лишения свободы. В 2023 году Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал закон о введении института probation для осужденных. Данный закон предусматривает систему мер социальной адаптации.

В данной статье мне хотелось бы выразить свои мысли о Федеральном законе «О probation в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ, который предусматривает так называемую probation осуждённых, освободившихся из мест лишения свободы, другими словами меры государства направленные на их нормальное возвращение в общество.

Все мы знаем, что осужденные к реальным срокам и те, кто наказан условно, имеют уникальную возможность получить помощь. Помощь может прийти от волонтеров, меценатов, равнодушных граждан или от государственных органов. Для этого необходимо просто написать заявление на имя начальника колонии или ФСИН, где гражданин состоит на учете.

Те, кто за время отбывания наказания потерял жильё, связь с друзьями и родственниками, зачастую, не могут полноценно вернуться в повседневную жизнь, не могут трудоустроиться, теряют навыки социального общения. У заключенных перестраивается система ценностей, и впоследствии возрастает процент рецидива преступлений. Такие люди просто не могут встроиться в ритм жизни, теряют какую-либо надежду, что называется, возвращаются на дно и в безысходности опять совершают преступление, возвращаясь в места лишения свободы и конечно, эту ситуацию необходимо переломить и без комплексного подхода государства это сделать просто нельзя.

К примеру, девушка оступилась, связалась с компанией, где употребляют «запрещенку». Попробовала и обрела зависимость. А у самой высшее образование, работа в лаборатории. Конечно же, для производителей дурмана это ценный кадр. Дальше – хуже. Задержание, обыск, арест, следствие, суд и в итоге колония. Но в колонии пришло раскаяние, открылось желание прожить жизнь заново и не совершать такие глупые ошибки.

Подобным лицам просто необходимо идти навстречу. Собственно для данных целей и был внесён законопроект о пробации в Государственную Думу.

Закон предусматривает несколько мер направленных на адаптацию бывших заключённых к жизни после их освобождения, что включает в себя восстановление и формирование социально полезных связей, консультации по социальным и правовым вопросам, психологическую помощь, содействие в трудоустройстве, помощь в получении образования либо рабочей профессии, помощь в предоставлении временного места пребывания, социальную, медицинскую и другие виды помощи. При этом законом предусмотрено, что граждане, освободившиеся из мест лишения свободы могут добровольно проходить такую адаптацию и обращаться за помощью к государству, то есть это не будет обязательно. На самом деле я думаю, что именно добровольное участие в такой программе поможет отсечь ту часть бывших заключённых которые не хотят что-либо менять в своей жизни. Под их влияние в процессе адаптации могут попадать все.

На мой взгляд, данная проблема назрела давно. Ведь ни для кого не секрет, что ранее государство не оказывало материальную или иную помощь освободившимся из мест заключения. Помощь таким лицам оказывалась из «общака», ведь ни для кого не секрет, что существовал воровской «общак». Но помощь конечно же оказывалась не всем, а «правильным» осужденным, тем кто зарекомендовал себя в тюремном сообществе. Остальным категориям освободившихся помощь не оказывалась и таким лицам порой ничего не оставалось как становиться на преступный путь и совершать рецидив.

Поэтому государство позаботилось и о судьбе людей, отбывших наказание в местах лишения свободы. Считаю, что это своевременно и уместно, т.к. таким людям бывает порой трудно или просто невозможно найти работу. Ведь не каждый работодатель рискнет взять на работу отбывших наказание в местах лишения свободы.

Коснемся другого вопроса. Зачастую данная категория лиц имеет хронические, недолеченные болезни, часто туберкулез, заболевания сердечно-легочной

системы, пищеварительной системы. Поэтому государственная помощь по снабжению бесплатными лекарственными средствами тяжело больным лицам данной категории просто необходима.

Поэтому считаю, что программа probation заслуживает положительной оценки.

Библиографический список

1. Геранин, В. В. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний / В. В. Геранин, С. Н. Мальцева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – № 1. – С. 64–68. – ISSN 1999-9917.

2. Грязнов, С. А. Проблема ресоциализации осужденных / С. А. Грязнов // Основы экономики, управления и права. – 2020. – № 3. – С. 47–49. – ISSN 2305-8641.

3. Демидочкина, М. Ю. Общение как важное условие исправительного воздействия на осужденных / М. Ю. Демидочкина, В. А. Анфиногенов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 32–53. – ISSN 2221-1373.

4. Дергачев, А. В. Совершенствование надзора в системе профилактики правонарушений среди осужденных в исправительных колониях / А. В. Дергачев, А. М. Смирнов, С. Л. Бабаян // Уголовно исполнительное право. – 2015. – № 1 (19). – С. 87–94. – ISSN 1819-0928.

5. Долгополов, К. А. Исправительная колония как фактор конвенциональности уголовного наказания в России / К. А. Долгополов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 2 (82). – С. 12–23. – ISSN 2223-6430.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОТ ИХ ПРОПАГАНДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы отграничения склонения к потреблению наркотических средств от пропаганды наркотиков. Рассмотрены основные критерии разграничения составов, проанализированы сложности квалификации в цифровой среде. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: склонение к потреблению, пропаганда наркотических средств, уголовно-правовая ответственность, разграничение составов.

Разграничение склонения к потреблению наркотиков и их пропаганды – сложная правовая проблема, связанная с различием в характере действий, их направленности и правовых последствиях. Эти понятия регулируются разными нормами закона и имеют существенные отличия в субъективной и объективной сторонах состава деяния.

Определение пропаганды наркотиков дано в части 1 статьи 46 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Ей признается распространение информации и (или) материалов, в том числе в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»):

1) о способах, методах незаконных разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, сбыта, приобретения, использования, потребления, ввоза на территорию Российской Федерации, вывоза с территории Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, местах их приобретения;

2) о способах, методах незаконных приобретения, хранения, перевозки, пересылки, культивирования наркосодержащих растений, местах их приобретения;

3) о допустимости, привлекательности либо необходимости незаконного потребления наркотических средств или психотропных веществ, потребления их аналогов;

4) о каких-либо преимуществах незаконного использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений;

5) об использовании в медицинских целях, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на его психическое или физическое здоровье наркотических средств, психотропных веществ, наркосодержащих растений;

6) о совершении иных незаконных действий с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами и прекурсорами, наркосодержащими растениями путем их оправдания или представления как общепринятых норм поведения.

Согласно пункту 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог.

Главная проблема отграничения склонения к употреблению наркотиков от их пропаганды заключается в различии направленности действий и умысла, что часто сложно однозначно установить на практике. Эти понятия регулируются разными нормами права, но их границы могут размываться в конкретных ситуациях.

Закон не всегда детально прописывает границы между этими понятиями, что приводит к разночтениям на практике. Например, не всегда ясно, когда распространение информации переходит из категории «просто информирования» в «пропаганду» или «склонение». Подозреваемые или обвиняемые часто отрицают, что их действия были направлены на стимулирование употребления наркотиков, объясняя их как желание поделиться опытом, шутку и т. д. Иногда действия содержат элементы обоих составов. Так, если лицо в публичном пространстве не только распространяет информацию о наркотиках, но и прямо призывает конкретных слушателей или зрителей их употребить, это может быть квалифицировано как сочетание пропаганды и склонения.

Таким образом, главная проблема отграничения заключается в необходимости точного определения направленности действий и умысла виновного, что особенно сложно в условиях цифровизации и размывания границ между персонализированным и массовым воздействием.

Необходимо уточнить в законодательстве направленность пропаганды на неопределенный круг лиц, закрепив ее юридические признаки. Это помогло бы четче разграничивать эти деяния со склонением.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2012. 06 марта.
3. Земцова. С. И. Способы склонения к потреблению наркотических средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 27. № 3. – С. 60–69.
4. Лачин А. А, Лачина Е. А. Уголовная ответственность за незаконную рекламу наркотических средств: российский и международный опыт // Ученые записки. 2020. № 1. – С. 84–86.
5. Савинков А. А. Научные подходы к разработке новой редакции статьи 230 УК РФ и ее судебно-практического толкования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. – С. 83–94.

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В работе киберсоциализация рассматривается как современный инструмент профилактики преступности среди молодежи. Из-за того что цифровая среда стала основным пространством жизни молодого поколения, она несет существенные риски для него, в связи с чем актуальным становится поиск новых способов профилактики преступности в киберпространстве.

Ключевые слова: киберсоциализация; профилактика преступности; молодежная среда; цифровое пространство; позитивный контент; правовое просвещение.

Современная молодежь является поколением «цифровых аборигенов», для которых онлайн-пространство – это естественная среда обитания, общения и формирования идентичности. Традиционные методы профилактики преступности, игнорирующие этот факт, теряют свою эффективность. Вместо борьбы с увлеченностью молодежи интернетом, актуальной становится задача трансформации цифровой среды в инструмент позитивного влияния. Этот целенаправленный процесс интеграции личности в социум через интернет-коммуникацию с целью усвоения социальных норм и ценностей и составляет суть киберсоциализации как профилактического инструмента.

1. От цифровых рисков к возможностям: смена парадигмы профилактики

Традиционный подход к профилактике преступности в молодежной среде, касающийся цифрового пространства, долгое время базировался на парадигме противодействия и запрета. Интернет воспринимался преимущественно как источник угроз и криминогенный фактор, что порождало реактивную стратегию, направленную на фильтрацию контента, ограничение доступа и информирование о потенциальных опасностях (кибербуллинг, мошенничество). Однако эта стратегия демонстрирует ограниченную эффективность в условиях, когда цифровая среда стала для молодежи не просто инструментом, а ключевым социальным хабом, пространством для самоидентификации, общения и формирования картины мира.

Кризис запретительной парадигмы проявляется в нескольких аспектах.

- Эффект «запретительного плода»: жесткие ограничения, накладываемые без альтернативы, лишь повышают привлекательность девиантных форм поведения в сети.

- Техническое несовершенство: скорость распространения информации и анонимность сети делают практически невозможным полный контроль и блокировку всего вредоносного контента.

- Отсутствие формирования иммунитета: защищая молодых людей от рисков, никто не учит их самостоятельно распознавать и нейтрализовать эти риски, создавая уязвимость на всю жизнь.

- Культурный разрыв: подход, основанный на запретах, часто исходит от поколения «цифровых иммигрантов» (взрослых) и игнорирует ценности, язык и коммуникативные коды поколения «цифровых аборигенов» (молодежи), что приводит к отторжению любых назидательных сообщений.

В противовес этой устаревшей модели предлагается новая парадигма, суть которой заключается в проактивном использовании потенциала цифровой среды. Речь идет о переходе от логики «защиты от» к логике «развития в». Цифровое пространство должно быть преобразовано из поля битвы с угрозами в платформу для опережающей социализации, позитивного воспитания и конструктивного диалога.

Содержание новой парадигмы.

- Признание цифровой среды как «третьей» реальности: онлайн-пространство перестает быть виртуальным – оно становится полноправной частью социальной реальности молодежи. Соответственно, процессы социализации (усвоение норм, ценностей, образцов поведения) все активнее протекают именно здесь. Задача общества – не игнорировать этот факт, а целенаправленно участвовать в данном процессе.

- От информационного просвещения к формированию цифровой личности: вместо запугивания последствиями необходимо формировать у молодежи просоциальную цифровую идентичность. Это означает воспитание таких качеств, как цифровой гражданский активизм, ответственность за слова и поступки в сети, этика сетевого взаимодействия, эмпатия по отношению к другим пользователям. Профилактика преступности в таком контексте – это не внешнее ограничение, а естественное следствие внутренней культуры личности.

- Трансформация роли институтов социализации: школа, университет, органы правопорядка, социальные службы должны не бороться с цифровой средой, а активно осваивать ее, становясь ее полноправными и конкурентоспособными агентами. Это требует создания качественного, профессионального и, что крайне важно, релевантного для молодежной аудитории контента, который мог бы на равных конкурировать с деструктивными влияниями за внимание пользователя.

- Принцип «цифрового иммунитета» через опыт: новая парадигма предполагает, что устойчивость к угрозам формируется не через изоляцию, а через контролируемое столкновение с ними в безопасной среде. Например, использование игр-симуляторов, где подросток может «наступить на грабли» и увидеть последствия противоправного действия без реального ущерба для себя, является мощным инструментом выработки поведенческих паттернов.

Таким образом, смена парадигмы означает стратегический поворот: от попыток оградить молодежь от цифрового мира – к грамотной интеграции этого мира в профилактическую деятельность. Киберсоциализация становится ключевым инструментом, позволяющим направить естественную увлеченность молодежи цифровыми технологиями в конструктивное русло, превратив интернет из источника рисков в мощный ресурс для формирования законопослушного и социально ответственного поведения.

2. Создание и продвижение позитивного контента как альтернативы деструктивному влиянию

Ключевым элементом новой парадигмы киберсоциализации является активное наполнение цифрового пространства качественным просоциальным контентом. В условиях, когда внимание молодежи является главным ресурсом, борьба с деструктивным влиянием не может ограничиваться удалением запрещенного материала. Необходимо предлагать убедительную, профессионально созданную и релевантную целевой аудитории альтернативу, которая сможет на равных конкурировать за пользовательский интерес. Эта работа должна вестись по нескольким стратегическим направлениям.

- Блоги, сообщества и микроплатформы правовой и социальной тематики.

Данное направление нацелено на трансляцию правовых ценностей и моделей поведения через форматы, органичные для цифровой среды. Переход от официального языка к языку цифровой культуры. Вместо сухих правовых ликбезов от государственных учреждений эффективнее работают каналы и блоги, ведущие которых говорят на одном языке с молодежью. Это могут быть: популярные блогеры и лидеры мнений, выступающие в роли «цифровых наставников». Их задача – не чтение морали, а живое обсуждение острых тем (что делать, если стал жертвой буллинга; как распознать мошенника; почему участие в несанкционированном митинге может иметь последствия) через призму личного опыта и разбора реальных проблем.

- Геймификация и интерактивные симуляторы: профилактика через опыт.

Наиболее мощным инструментом воздействия на подростковую и молодежную аудиторию является геймификация, поскольку она позволяет не просто

получить информацию, а пережить опыт и увидеть последствия своих решений в безопасной виртуальной среде. Например, серьезные игры правовой тематики, где речь идет не о примитивных «обучалках», а о полноценных игровых продуктах, сюжет которых построен вокруг морального выбора и его последствий.

Как пример, симулятор правовых последствий: игрок оказывается в роли молодого человека, сталкивающегося с различными ситуациями – от предложения «заработать» легкими деньгами (распространение наркотиков) до участия в травле одноклассника в сети или вандализме. Каждое решение имеет ветвление сценария, ведущее к разным исходам: условный срок, реальная судимость с потерей перспектив, общественное порицание, либо, напротив, успешная социализация.

Другой пример – квесты по кибербезопасности: игрок выступает в роли «детектива» или «хакера добра», расследующего кибермошенничество, разгадывающего механизмы вербовки в деструктивные культы и защищающего данные других пользователей. Это позволяет в интерактивной форме усвоить алгоритмы безопасного поведения.

И самый современный пример – интерактивные VR-проекты (виртуальная реальность): технология VR обладает уникальной способностью вызывать эмпатию.

Можно создать симуляцию, где пользователь на несколько минут оказывается в роли жертвы кибербуллинга, ощущая на себе весь психологический прессинг, или в ситуации, когда он под давлением сверстников совершает противоправное действие. Такой «эффект присутствия» обладает мощным профилактическим потенциалом, формируя глубокое личностное понимание вреда девиантного поведения.

Таким образом, создание позитивного контента – это не второстепенная мера, а стратегическая линия обороны и наступления в информационном пространстве. Его эффективность определяется не дидактичностью, а способностью говорить с молодежью на ее языке, отвечать на ее запросы и предоставлять ей инструменты для самостоятельного, осознанного и правомерного выбора. Конкуренция с деструктивным влиянием должна вестись на уровне качества, актуальности и вовлекающей силы контента, что требует привлечения к его созданию не только педагогов и юристов, но и специалистов по медиа, маркетингу и игровой индустрии.

3. Образовательные онлайн-курсы и развитие цифровой гигиены

Системное образование в области кибербезопасности является фундаментом профилактики.

Профилактика кибербуллинга: специализированные курсы и вебинары должны учить не только жертв, как действовать, но и свидетелей – как правильно

вмешаться и поддержать жертву, а также самих потенциальных агрессоров – осознавать последствия своих действий.

Противодействие мошенничеству и деструктивным сообществам: интерактивные модули, построенные на реальных примерах, могут наглядно демонстрировать методики вербовщиков и мошенников, обучая подростков критическому мышлению, проверке информации и распознаванию триггеров, используемых деструктивными группами.

Система образовательных онлайн-курсов по цифровой гигиене представляет собой не вспомогательный, а центральный элемент профилактической стратегии. Она обеспечивает не просто информированность, а сформированную цифровую компетентность, которая позволяет молодежи самостоятельно, осознанно и безопасно ориентироваться в сложном мире цифровых коммуникаций, минимизируя риски как стать жертвой, так и в силу незнания или непонимания совершить противоправное действие. Это инвестиция в создание поколения цифровых граждан, способных нести ответственность за свою виртуальную деятельность.

Таким образом, киберсоциализация представляет собой современный и адекватный вызовам времени подход к профилактике молодежной преступности. Превращение цифрового пространства из арены противодействия в поле для сотрудничества и просвещения позволяет говорить о формировании новой профилактической среды. Ее основу составляют не запреты, а создание привлекательных альтернатив – позитивного контента, интерактивных образовательных продуктов и просоциальных онлайн-сообществ, которые способствуют усвоению молодежью правовых норм и развитию навыков безопасного и ответственного поведения в сети. Успех данной стратегии зависит от консолидированных усилий государства, образовательных учреждений, институтов гражданского общества и самих цифровых платформ.

Библиографический список

1. Бочавер, А. А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 16, № 4.
2. Плешков В. А. Теория киберсоциализации человека. – М., 2011.
3. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. – М., 2013.
4. Чудова Н. В. Психология интернет-среды. – М., 2017.
5. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ

***Аннотация.** В данной работе речь будет идти о том, что в настоящее время необходимо уделять особое внимание вопросу правовых проблем освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. Будут рассмотрены конкретные проблемы.*

***Ключевые слова:** уголовное право, институт освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, деятельное раскаяние.*

Актуальность исследования правовых проблем освобождения от наказания в связи с изменением обстановки обусловлена тем, что в условиях гуманизации уголовной политики государства особое значение приобретают институты, позволяющие минимизировать применение мер уголовной репрессии. Статья 80.1 УК РФ является одним из таких институтов, однако ее потенциал используется не в полной мере.

Целью данного исследования является выявление существующих проблем, связанных с институтом освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, посредством правового анализа действующих норм, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и внедрению необходимых правовых мер.

Несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, правоприменение сталкивается с серьезными трудностями. Статья 80.1 УК РФ применяется крайне редко в отношении лиц, которым вынесено итоговое решение по уголовному делу. Столь низкий показатель свидетельствует не столько о редкости жизненных ситуаций, подпадающих под действие нормы, сколько о сложности ее толкования и нерешенности ряда фундаментальных правовых проблем.

Одни авторы (например, В. В. Мальцев) полагают, что перемещение нормы было ошибочным, поскольку изменение обстановки как объективный фактор должно исключать саму постановку вопроса об ответственности, а не только о наказании. Другие (Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев) считают такое решение оправданным, так как освобождение от наказания применяется после вынесения обвинительного приговора, когда факт совершения преступления уже констатирован судом, и речь идет лишь о нецелесообразности назначения наказания.

Последствия законодательного решения оказались весьма значительными. Статистика свидетельствует о резком сокращении применения нормы после 2003 года. Если ранее по ст. 77 УК РФ ежегодно освобождались тысячи лиц, то сейчас применение ст. 80.1 УК РФ носит единичный характер.

Однако, как показывает анализ практики, суды не всегда проводят четкое различие между указанными категориями. В одних случаях суды признают достаточным основанием призыв на военную службу или заключение брака, в других отказывают в применении статьи при аналогичных обстоятельствах. Указывая на отсутствие связи с общественной опасностью деяния.

Отсутствие легального определения понятия «изменение обстановки» порождает существенные сложности в судебной практике. Как справедливо отмечается в научной литературе.

В различных уголовных делах будет возможность найти веские основания для освобождения от уголовного наказания, если такие нормы были бы приняты за образец.

Бывает, что одни и те же действия лица рассматриваются и как изменение обстановки. К примеру, если лицо после совершения преступления устроилось на работу и таким образом доказало свое исправление, это можно трактовать и как изменение обстановки, поскольку изменилась среда, в которой находится лицо, и как деятельное раскаяние, поскольку лицо активно подтверждает свое исправление.

В судебной практике при наличии признаков деятельного раскаяния суды, как правило, применяют именно статью 75 УК РФ, поскольку она содержит более конкретные условия. В результате статья 80.1 УК РФ используется лишь тогда, когда лицо не предпринимало активных действий, но объективные обстоятельства изменились таким образом, что необходимость в наказании отпала.

Традиционно доктрина рассматривала призыв лица в Вооруженные Силы РФ как одно из оснований для вывода об утрате общественной опасности. Однако судебная практика не всегда следует этому подходу.

По одному из дел суд отказал в ходатайстве об освобождении от наказания в связи с призывом на военную службу, указав, что сам по себе факт призыва не свидетельствует о том, что лицо утратило общественную опасность; необходимо также учитывать обстоятельства совершения преступления, отношение к службе и т. п.

В связи с принятием Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ, введшего ст. 78.1 УК РФ, возникает вопрос о соотношении этой нормы со ст. 80.1 УК РФ. Представляется, что ст. 78.1 УК РФ является специальной нормой, и при

наличии оснований для освобождения от ответственности применение ст. 80.1 УК РФ исключается.

В судебной практике при наличии признаков деятельного раскаяния суды, как правило, применяют именно статью 75 УК РФ, поскольку она содержит более конкретные условия. В результате статья 80.1 УК РФ используется лишь тогда, когда лицо не предпринимало активных действий, но объективные обстоятельства изменились таким образом, что необходимость в наказании отпала.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, предусмотренный статьей 80.1 УК РФ, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Главным тормозом применения нормы остается отсутствие легальных критериев «изменения обстановки». Суды вынуждены оперировать оценочными категориями, что порождает противоречивые решения. Необходимо дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 разъяснениями о том, какие именно обстоятельства (например, увольнение с должности, связанной с преступлением, или объективные изменения в социальной среде) могут признаваться значительными и необратимыми.

Норма сформулирована таким образом, что ее применение на практике вызывает значительные трудности. Отсутствие четких критериев оценки изменения обстановки, неопределенность в разграничении со смежными институтами, проблемы доказывания и широкое судебское усмотрение приводят к тому, что данная норма применяется крайне редко.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Бриллиантов А. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2018. № 3. – С. 10–14.
3. Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2008.
4. Прошляков А. Д. О применении статьи 80.1 УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 1. – С. 45–52.
5. Тыдыкова Н. Проблемы определения понятия «изменение обстановки» в ст. 80.1 УК РФ // Юрислингвистика. 2020. № 15. – С. 55–59.

ПРОБЛЕМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФИКТИВНОЕ И ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО

***Аннотация.** В данной статье анализируются проблемы привлечения к уголовной ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство в Российской Федерации, раскрываются сложности доказывания умысла и разграничения преступных действий с предпринимательским риском, а также предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** фиктивное банкротство, преднамеренное банкротство, уголовная ответственность, финансово-экономическая экспертиза.*

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению случаев, когда физические и юридические лица сознательно предпринимают попытки скрыть имущество и финансовые ресурсы от кредиторов. Это происходит несмотря на то, что фиктивное и преднамеренное банкротство прямо запрещены законом и влекут судебное преследование. Анализ правоприменительной практики позволяет оценить, насколько часто в России виновные лица привлекаются к ответственности и какими способами выявляются подобные схемы.

Фиктивное банкротство представляет собой заведомо ложное заявление о финансовой несостоятельности при фактическом наличии достаточных активов для расчетов с кредиторами.

Иными словами, должник сознательно создает иллюзию неплатежеспособности, вводя в заблуждение суд и заинтересованных лиц с целью получения преимуществ процедуры банкротства без реальных оснований.

Подобное поведение по своей сути направлено на уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами, банками или государственными органами. Главная задача фиктивного банкротства – добиться освобождения от долговой нагрузки, сохранив при этом контроль над собственными активами и избежав принудительного взыскания.

Преднамеренное банкротство, в отличие от фиктивного, связано с реальным наступлением финансовой несостоятельности. Однако такая ситуация возникает не в силу объективных экономических обстоятельств, а вследствие целенаправленных противоправных действий. Лицо осознанно принимает решения, которые приводят к утрате платежеспособности, нередко преследуя цель перераспределения имущества или извлечения личной выгоды.

Доведение до банкротства может осуществляться руководителем организации, ее собственником либо иными контролирующими лицами. На практике это выражается, например, в отчуждении имущества по заниженной стоимости, переводе денежных средств на счета аффилированных структур, заключении экономически необоснованных и заведомо убыточных договоров.

Ответственность за фиктивное и преднамеренное банкротство в Российской Федерации закреплена нормами Уголовного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

К субъектам ответственности могут относиться:

- руководители организаций, действия или бездействие которых привели к финансовой несостоятельности;
- учредители (участники), при условии доказанности их участия в противоправных операциях;
- индивидуальные предприниматели и граждане, умышленно скрывавшие имущество либо формировавшие искусственную задолженность.

На практике применение указанных норм связано с рядом серьезных трудностей.

1. Доказывание прямого умысла. Обязательным признаком состава преступления является наличие прямого умысла. Следственным органам необходимо установить, что лицо:

- осознавало характер и последствия своих действий;
- стремилось к наступлению неплатежеспособности (при преднамеренном банкротстве);
- либо понимало наличие достаточных средств для расчетов (при фиктивном банкротстве).

Разграничение противоправного поведения и допустимого предпринимательского риска нередко вызывает сложности, поскольку не каждое неудачное управленческое решение свидетельствует о преступном намерении.

2. Значение финансово-экономических экспертиз. Расследование подобных дел практически всегда опирается на специальные знания. В основу выводов ложатся:

- результаты бухгалтерских экспертиз;
- финансово-экономические исследования;
- анализ хозяйственных операций и заключенных сделок.

При этом экспертные заключения могут отличаться по выводам, поскольку оценка платежеспособности и экономической целесообразности действий допускает различные подходы. Это существенно влияет на доказательственную базу и позицию сторон.

3. Латентный характер правонарушений. Значительная часть подобных деяний остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Нередко финансовые проблемы объясняются неблагоприятной рыночной ситуацией или управленческими просчетами, а спор разрешается в рамках арбитражного процесса посредством привлечения к субсидиарной ответственности без возбуждения уголовного дела.

В результате статистика уголовных дел по данным составам несопоставима с общим количеством процедур банкротства.

Современная практика показывает, что гражданско-правовые механизмы, в частности привлечение контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, применяются значительно чаще. Уголовное преследование используется реже и иногда становится элементом стратегии в корпоративных конфликтах либо в спорах между кредиторами.

Размер причиненного ущерба. Одним из условий уголовной ответственности является причинение ущерба в крупном размере. Если установленный законом порог не достигнут, основания для возбуждения уголовного дела могут отсутствовать, даже при наличии признаков недобросовестного поведения.

Практические аспекты расследования. Дополнительные трудности создают:

- продолжительные сроки расследования;
- выявление аффилированных и контролирующих лиц;
- использование номинальных руководителей;
- вывод активов за пределы юрисдикции Российской Федерации;
- отсутствие либо утрата первичной документации, осложняющая финансовый анализ.

Ниже приведены несколько предложений по решению данной проблемы.

1. Упрощение доказывания умысла. Закрепить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ четкие критерии оценки умысла. Это позволит уменьшить пространство для формального оправдания действий «предпринимательским риском».

2. Стандартизация финансово-экономических экспертиз. Разработать единую государственную методику определения признаков преднамеренного банкротства.

3. Усиление работы по выявлению бенефициаров. Активнее применять инструменты финансовой разведки. Расширить обмен данными между налоговыми органами, банками и правоохранительными органами. Закрепить более четкие критерии установления фактического контроля (например, по признакам распоряжения денежными потоками).

4. Снижение латентности преступлений. Обязать арбитражных управляющих направлять материалы в правоохранительные органы при выявлении признаков преднамеренного банкротства. Усилить ответственность управляющих за сокрытие выявленных нарушений.

5. Оптимизация порога ущерба. Пересмотреть критерии крупного ущерба с учетом инфляции и экономических реалий. Рассмотреть возможность установления ответственности не только по размеру ущерба, но и по характеру действий (например, организованный вывод активов). Это исключит ситуации, когда серьезные злоупотребления остаются без уголовной оценки из-за формальных оснований.

Для повышения эффективности ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство необходимо организовать комплексный подход, что позволит сделать механизм привлечения к ответственности реально работающим, а не формальным.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. «О несостоятельности (банкротстве)»: Закон РФ от 26 октября 2002 г.
4. Гурылева К. И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): учебное пособие. – М.: Проспект, 2023. – 189 с.
5. Чиркова М. Б., Коновалова Е. М. Учет и анализ банкротств: учебное пособие. – М.: Эксмо, 2022. – 200 с.
6. Шешукова Т. Г., Пащенко Т. В. Методологические основы выявления неправомерного банкротства: учебное пособие. – М.: Проспект, 2024. – 65 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХИЩЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

***Аннотация.** В статье анализируются изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, вступившие в силу в марте 2026 года, которыми цифровая валюта официально признана имуществом. Рассматриваются проблемы квалификации хищения цифровых активов, вопросы разграничения смежных составов преступлений, а также правоприменительные сложности, возникающие при изъятии криптовалюты в ходе следственных действий.*

***Ключевые слова:** цифровая валюта, криптовалюта, хищение, кража, мошенничество в сфере компьютерной информации, изъятие цифровых активов, уголовная ответственность.*

Вопрос о правовом статусе цифровой валюты в уголовном праве России на протяжении многих лет оставался открытым. Суды и следователи вынуждены были самостоятельно решать, можно ли считать криптовалюту имуществом, подлежащим изъятию и защите, либо же она находится за пределами уголовно-правового регулирования. Эта неопределенность порождала серьезные проблемы: в одних случаях правоохранительные органы отказывались возбуждать дела по фактам хищения криптовалюты, ссылаясь на отсутствие предмета преступления, в других – пытались квалифицировать такие деяния по статьям о компьютерных преступлениях, что не всегда соответствовало характеру содеянного [4].

Ситуация изменилась 3 марта 2026 года, когда вступил в силу Федеральный закон № 38-ФЗ, которым цифровая валюта была официально признана имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ. Эта законодательная новелла призвана устранить существовавший правовой пробел и создать механизмы для эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровых активов. Вместе с тем, как это часто бывает, принятие закона поставило перед правоприменителем новые вопросы, связанные с квалификацией таких деяний и реализацией процессуальных механизмов изъятия криптовалюты.

Федеральным законом № 38-ФЗ в статью 5 УПК РФ было внесено дополнение: понятие «имущество» теперь включает не только вещи, денежные средства и ценные бумаги, но и цифровую валюту. Одновременно Уголовно-процессуальный кодекс был дополнен новой статьей 164.2, регламентирующей особен-

ности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий. Согласно этой статье, изъятие должно проводиться с обязательным участием специалиста, материальный носитель с криптовалютой подлежит опечатыванию, а при наличии технической возможности возможен перевод цифровой валюты на специальный адрес-идентификатор для обеспечения ее сохранности [3].

В уголовном законе ключевое изменение коснулось примечания к статье 104.1 УК РФ, где также было закреплено, что для целей Уголовного кодекса цифровая валюта признается имуществом [2]. Это означает, что теперь криптовалюта может быть предметом хищения, вымогательства, легализации преступных доходов и иных преступлений против собственности и в сфере экономической деятельности.

Несмотря на то что законодатель официально признал цифровую валюту имуществом, вопрос о том, по какой именно статье следует квалифицировать ее хищение, остается дискуссионным. Здесь возможны как минимум три варианта: кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ) либо мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ).

Выбор конкретной статьи зависит от способа доступа к криптовалюте. Если злоумышленник тайно завладевает ключами от кошелька (например, копирует их или похищает файл с кошельком), содеянное вполне может квалифицироваться как кража. Однако здесь возникает проблема, на которую обращают внимание исследователи: хищение криптовалюты нередко требует активных действий в цифровой среде – взлома, подбора паролей, использования вредоносных программ. В таких случаях более уместной видится квалификация по статье 159.6 УК РФ, которая специально предусмотрена для мошенничества в сфере компьютерной информации.

Как отмечает А. П. Перетолчин, до принятия последних изменений в правоприменительной практике наблюдались серьезные проблемы при квалификации смешанных составов: суды не могли определиться, считать ли неправомерный доступ к криптокошельку с последующим переводом средств хищением либо вмешательством в функционирование компьютерной информации [4]. Теперь, когда цифровая валюта прямо названа имуществом, эта проблема не исчезла полностью, но получила законодательную базу для своего разрешения.

Еще одна сложность связана с определением момента окончания преступления. Для кражи этот момент наступает, когда виновный получил реальную возможность распорядиться похищенным. Но применительно к криптовалюте во-

прос о том, что считать такой возможностью, не всегда очевиден. Перевод активов на другой кошелек еще не значит, что преступник может ими распорядиться. Особенно если он использовал миксеры или многоуровневую анонимизацию.

Следующая проблема – оценка стоимости похищенной криптовалюты. Яни справедливо указывает: ущерб считается на момент преступления, но оценивать имущество нужно по реальной, а не по номинальной стоимости [5]. Для криптовалюты это сложно из-за волатильности. Курс электронной валюты может резко измениться за пару часов. Непонятно, что брать за основу: момент, когда преступник получил ключи, момент самого перевода или момент экспертизы?

Если криптовалюту купили легально, а потом украли, нужны документы, подтверждающие ее стоимость. Если же речь об обороте запрещенных веществ или оружия, где цифровая валюта была средством расчета, оценить ущерб еще труднее.

Закон (ст. 164.2 УПК) позволяет изымать цифровую валюту. Но на практике возникают вопросы. Кто именно должен переводить криптовалюту на специальный адрес – следователь, эксперт или сторонняя компания? Что делать, если преступник не дает ключи? И как защитить средства, если сам адрес-идентификатор взломают?

Анализ новых норм и научных работ подсказывает, как улучшить правоприменение. Во-первых, нужно, чтобы Пленум Верховного суда четко объяснил, как квалифицировать кражу криптовалюты. Важно определить, где проходит граница между обычной кражей и мошенничеством в сфере компьютерной информации – в зависимости от того, как именно злоумышленник получил доступ к кошельку.

Если злоумышленник использует вредоносное программное обеспечение или осуществляет несанкционированное вмешательство в систему, содеянное должно квалифицироваться по ст. 159.6 УК РФ. Если же он тайно завладевает ключами без воздействия на компьютерную информацию – как кража.

Во-вторых, требуется методика определения стоимости похищенной криптовалюты. Представляется обоснованным подход, при котором ущерб исчисляется исходя из среднерыночного курса на момент совершения преступления, подтвержденного данными официальных бирж или агрегаторов. В случае существенных колебаний курса целесообразно назначать соответствующую экспертизу.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 249. Ст. 4911.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 20 февраля 2026 № 38-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 8. Ст. 773.
4. Перетолчин А. П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием криптовалют // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4. – С. 167–180.
5. Яни П. С. Проблемы квалификации экономических преступлений, а также применения норм Общей части уголовного закона: Учебник – М.: Проспект, 2025. – 560 с.

ПОДГОТОВКА К СОВЕРШЕНИЮ ДИВЕРСИИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ И ПОКУШЕНИЯ

Аннотация. Автором статьи были рассмотрены аспекты квалификации неоконченных преступлений при совершении диверсии, проанализированы разъяснения высших судебных инстанций по поводу разграничения смежных составов, а также исследован международно-правовой опыт по квалификации указанного преступления.

Ключевые слова: ст. 281 УК РФ, диверсия, приготовление к преступлению, финансирование терроризма, Верховный Суд РФ, международное право.

В юридической науке диверсией считается серьезное преступление против основ конституционного строя и безопасности государства. Несмотря на предусмотренную Уголовным кодексом ответственность на стадии подготовки и покушения, правоприменители сталкиваются с рядом проблем. Прежде всего, сложность отражается в отграничении диверсии от иных смежных состав преступлений с последующей квалификацией.

Эти вопросы разъясняются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 [4]. Пленум ВС РФ определяет ключевые различия между диверсией и террористическим актом:

- целью диверсии следует считать подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации;
- смысл террористического акта состоит в дестабилизации деятельности государственных органов или международных организаций либо влияние на принятие ими решений;
- в случае, если доказательная база по наличию специальной цели отсутствует, то действия даже при формальном признаке подготовки не могут быть квалифицированы по признакам ст. 281 УК РФ.

Для подтверждения и развития существующий позиции важно обратиться к Пленуму Верховного суда № 29 [5]. Несмотря на то, что нормативный акт посвящен проблемным вопросам хищений, его положения по поводу приискания средств и орудий, сговор участников и умышленный характер создания условий могут быть применимы к диспозиции ст. 281 УК РФ [1].

В 2021 году Конституционный Суд РФ подготовил позицию по делу гражданина Н. Г. Гришина. В Постановлении [3] было указано, что меры по борьбе с

финансированием противоправной деятельности, включая диверсии, являются законными и направлены на защиту прав и интересов граждан и государства. Подозрения кредитных организаций в области в финансировании терроризма и (или) диверсий допустимы в ограниченном объеме.

Квалификация финансирования диверсионной деятельности вызывает значительные трудности в правоприменительной практике. В зависимости от стадии, на которой были предоставлены средства, и роли лица, их передающего, действия могут быть квалифицированы по-разному.

Финансирование на этапе подготовки к преступлению. Пример: перевод денежных средств для приобретения взрывчатки необходимо квалифицировать как пособничество в форме предоставления средств, основываясь на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Кроме того, финансирование считается завершенным с момента передачи средств, даже до начала диверсии.

Важным документом, который выявляет такого рода преступления на ранней стадии, является Федеральный закон № 115-ФЗ. Статья 6 трактует перечень операций, подлежащих обязательному контролю; статья 7.4 закрепляет кредитным организациям возможность блокировать подозрительные операции [2]. В случае если перевод денежных средств был заблокирован с отсылкой на вышеуказанный закон, умысел на диверсию установлен – действия будут квалифицированы как покушение на пособничество диверсии. Если умышленность на диверсию не доказана, но финансовое стимулирование экстремистской деятельности подтверждено – возможно применение административной ответственности по статье 15.27.1 КоАП РФ.

Российское правотворчество в области противодействия финансированию и подготовке к тяжким преступлениям, несомненно, прогрессирует, а также находится в активной взаимосвязи с международными стандартами.

Заслуживает внимания Римский статут Международного уголовного суда, принятый в 1998 году. В статье 25 [6] законодатель закрепил принцип универсальной юрисдикции, распространив уголовную ответственность не только на лица, которые совершили преступления, но и на тех, кто предпринимал некоторые попытки их совершения, а также на субъектов, осуществлявших действия, направленные на подготовку к таким деяниям (пособников).

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года является еще одним актом, непосредственно регулирующим аспекты финансирования противоправной деятельности, в том числе диверсионных действий.

Согласно этому документу, понятие «средства» является комплексным и охватывает:

- материальные или нематериальные элементы, активы любой разновидности;
- нормативные акты (бумажные и электронные), удостоверяющие право на имущество или иные права.

Несмотря на общие тенденции, научный деятель С. И. Глазырин учел важную деталь. По его мнению, все происходящие изменения (в т. ч. в международном праве) нуждаются не только в апробировании практикой их реализации, но и в дальнейшем комплексном изучении для установки возможных пробелов и оптимальных путей по устранению в сфере приготовления и покушения на диверсию [7, с. 42].

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2021 № 31-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в связи с жалобой гражданина Н. Г. Гришина» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1471567/> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 11.03.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 11.03.2026).

6. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: оф. сайт. – URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 12.03.2026).

7. Глазырин С. И. Современный уголовно-правовой подход к обеспечению обороноспособности и экономической безопасности Российской Федерации путем установления запрета на осуществление диверсионной деятельности // The art of law. 2024. № 1. – С. 41–47.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕДАЧЕ АБОНЕНТСКИХ НОМЕРОВ

***Аннотация.** В работе проводится комплексный анализ правоприменительной практики по новым составам преступлений, предусмотренных ст. 274.4 и 274.5 УК РФ, введенных в действие Федеральным законом от 31 июля 2023 г. № 398-ФЗ. По итогам исследования предложены пути совершенствования правоприменительной практики и использования международного опыта противодействия обороту «серых» SIM-карт.*

***Ключевые слова:** ст. 274.4 УК РФ, ст. 274.5 УК РФ, киберпреступность, оборот SIM-карт, дропперы, международное сотрудничество.*

В течение нескольких лет в России фиксируется многократный рост преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий. По итогам конца 2025 – начала 2026 года впервые отмечено снижение показателей. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2025 году зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, что на 11,8% меньше аналогичного периода прошлого года.

Одновременно улучшился показатель раскрываемости – количество нераскрытых дел сократилось до 494,3 тыс. (на 13,5% меньше, чем годом ранее). Важно отметить, что в общей структуре преступности доля киберпреступлений до сих пор остается высокой и достигает отметки в 38% [7].

Масштабную угрозу вызывает теневой оборот абонентских номеров. По данным Роскомнадзора за 2025 год операторы заблокировали 18,5 млн SIM-карт – на 76% больше, чем годом ранее. Ведомство связывает столь резкий рост блокировок с комплексной проверкой достоверности персональных данных абонентов, особенно если речь идет о превышении установленного лимита количества номеров на одного человека: с 2025 года россиянам запрещено оформлять более 20 SIM-карт, иностранцам – не более 10 [5].

SIM-карта, ранее рассматривавшаяся исключительно как потребительский продукт, в настоящее время приобрела статус важного инструмента для идентификации личности в цифровом пространстве.

В январе 2025 года были опубликованы статистические сведения о состоянии преступности за 2024 год. Блок «ИТ-преступность» показал следующие данные [8]:

- зарегистрировано 40% правонарушений от общего показателя преступности;
- киберпреступность увеличилась на 13,1% по сравнению с 2023 годом;
- общее число тяжких и особо тяжких преступлений возросло на 4,8%.

Для профилактики преступности и противодействию вызову, в 2025 году законодателем был принят Федеральный закон № 398-ФЗ, который дополнил УК РФ новыми статьями – 274.4 и 274.5.

25 августа 2025 года в Московском городском суде зарегистрировано первое в Российской Федерации уголовное дело, возбужденное по новой статье кодекса. Дело под номером 2-0074/2025 [3] прошло все этапы судебного процесса в рекордно короткие сроки. Первое судебное заседание было назначено на 8 сентября 2025 года, а приговор вынесен 25 сентября 2025 года.

Таким образом, с момента регистрации до вынесения вердикта прошел всего один месяц, что является беспрецедентной скоростью для уголовного процесса. 9 октября 2025 года защита подала апелляционную жалобу на вынесенный приговор, и 18 ноября 2025 года дело было направлено в апелляционную инстанцию. Эти действия могут свидетельствовать о несогласии защиты с квалификацией действий обвиняемого или с назначенным ему наказанием.

Официальный представитель Министерства Внутренних дел Российской Федерации Ирина Волк подтвердила [6], что это первое уголовное дело, возбужденное по новой статье, вступившей в силу с сентября 2025 года. Фигурант дела представляет собой классический пример лица, действующего в качестве посредника в незаконном обороте SIM-карт по предложению знакомого. Этот прецедент имеет важное значение для квалификации действий лиц, занимающих нижний уровень в иерархии теневого оборота SIM-карт.

В Ростовской области фиксируется уникальная ситуация, связанная с нелегальным использованием SIM-карт. По состоянию на февраль 2026 года в местных судебных органах не зарегистрировано уголовных дел, связанных с данной формой правонарушений, что свидетельствует об отсутствии подобных инцидентов в регионе. Тем не менее жители области регулярно становятся фигурантами дел, возбуждаемых в других субъектах России.

Примером может служить инцидент, произошедший в январе 2026 года в городе Пермь. Гражданин Ростовской области был задержан по подозрению в незаконном использовании SIM-карт [9]. В ходе оперативных мероприятий у него были изъяты 3 устройства с 32 слотами, 542 нелицензированные SIM-карты, 32 антенны и маршрутизатор. Ежедневно ему осуществлялись переводы денежных средств в размере 400 долларов США на специальный электронный кошелек. В отношении него было возбуждено уголовное дело по статье о незаконном использовании оборудования для связи.

Важно подчеркнуть, что данное дело квалифицировано по ч. 2 ст. 274.3 УК РФ [1], однако изъятие SIM-карт и наличие организованной схемы их передачи

свидетельствуют о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 274.4 УК РФ. Это показывает, что следствие не всегда применяет новые составы даже при наличии очевидных оснований.

Следует отметить, что изъятие SIM-карт само по себе не является полноценным доказательством преступления, если не обнаружено соответствующее оборудование. Это указывает на возможную техническую сложность и организованность схемы незаконной передачи номеров. Дело в отношении данного гражданина будет рассматриваться в Перми, что не повлечет увеличения судебной нагрузки на Ростовскую область.

Анализ правоприменительной практики по статьям 274.4 и 274.5 УК РФ демонстрирует, что меры уголовно-правового противодействия незаконному обороту абонентских номеров только начинают формироваться. Несмотря на рекордное количество заблокированных сим-карт и рассмотрение первого уголовного дела Московским городским судом, системное единство в квалификации и доказывании этих составов пока не достигнуто.

Региональная практика выявила ряд проблем, требующих решения. В частности, отсутствует единый подход к квалификации действий дропперов: не решен вопрос, считать ли лиц, предоставляющих свои данные за вознаграждение, пособниками или самостоятельными исполнителями. Ситуация осложняется диспропорцией: в одних регионах (например, в Ростовской области) нет дел, но их жители привлекаются к ответственности в других (например, в Перми), а в некоторых регионах (Воронежская область, Краснодарский край) пока нет судебных precedентов по данным статьям.

Для лиц, многократно оформляющих сим-карты за вознаграждение, можно ввести презумпцию осведомленности о противоправном характере действий, что упростит доказывание корыстной цели у профессиональных дропперов.

Реализация этих предложений поможет сформировать единую практику, повысить эффективность борьбы с преступлениями и снизить уровень киберпреступности. Дальнейший мониторинг позволит своевременно корректировать законодательство и правоприменение.

Полезен опыт Казахстана, где создано системное законодательство в этой сфере. С сентября 2025 года в Уголовный кодекс введена статья 232-1 [4], которая предусматривает ответственность за участие в деятельности дропперов – от штрафа до семи лет лишения свободы с конфискацией имущества. Под действие статьи подпадают как организаторы, так и те, кто предоставляет свои счета и сим-карты для преступных целей.

В январе 2026 года введена обязательная биометрическая идентификация при оформлении сим-карт: номер можно получить только после сканирования лица и сверки с государственными базами, что исключает анонимное использование. Также введены ограничения – не более десяти сим-карт на одно лицо, а для превышения лимита требуется официальное обоснование.

При Национальном банке Казахстана создан Антифрод-центр, где операторы связи обмениваются информацией в реальном времени: подозрительная активность ведет к немедленной блокировке номеров, что позволяет пресекать мошеннические схемы на ранней стадии. Эффективность мер подтверждается конкретными делами: в Уральске задержан активатор сим-карт, причастный к трем эпизодам мошенничества; пресечен канал поставки более трех тысяч номеров через продавца аксессуаров, который оформлял сим-карты на клиентов без их ведома. Оба фигуранта арестованы.

Внедрение аналогичных механизмов в России – особенно биометрической идентификации и единого Антифрод-центра – может значительно сократить теневой оборот сим-карт и затруднить их использование в преступных целях.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 31 июля 2023 г. № 398-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32. Ст. 6130.
3. Дело 2-0074/2025 // Московский городской суд: официальный портал. – 2025. – URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-criminal/details/8b0362d0-817f-11f0-8e4d-03ed2d6fc126?print=1> (дата обращения: 25.02.2026).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: от 3 июля 2014 г. № 226-V (ред., введенная в действие с 16 сентября 2025 г.) // Информационная система «Параграф». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=3;-98#pos=3;-98 (дата обращения: 27.02.2026). – Ст. 232-1.
5. Абоненты в бане [Электронный ресурс] // Коммерсантъ: [сайт]. 2026. 13 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8422705?tg> (дата обращения: 27.02.2026).
6. В Москве впервые возбудили уголовное дело после вступления в силу новой статьи УК // Известия: [сайт]. 2025. 21 окт. URL: <https://iz.ru/1756773/2025->

10-21/v-moskve-vpervye-vozбудили-ugolovnoe-delo-posle-vstupleniia-v-silu-novoi-stati-uk (дата обращения: 25.02.2026).

7. Количество IT-преступлений в РФ сократилось до 675 тысяч в 2025 году [Электронный ресурс] // Смотрим: [сайт]. 2026. 9 февр. – URL: <https://smotrim.ru/article/4908050> (дата обращения: 24.02.2026).

8. МВД назвало число преступлений, совершенных с использованием IT-технологий // РИА Новости. – 20.01.2025. – URL: <https://ria.ru/20250120/mvd-1994678968.html> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Пермская полиция задержала жителя Ростовской области, обслуживавшего узел связи онлайн-аферистов [Электронный ресурс] // МВД Медиа: [сайт]. – 2026. – 28 янв. – URL: <https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/permskaya-politsiya-zaderzhala-zhitelya-rostovskoy-oblasti-obsluzhivavshego-uzel-svyazi-onlayn-aferi/> (дата обращения: 27.02.2026).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА, РЕПУТАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-правовой охраны чести, достоинства и репутации публичных лиц. Анализируются понятийный аппарат, составы преступлений, предусмотренные ст. 128.1, 298.1, 319 УК РФ, а также зарубежный опыт регламентации ответственности за диффамацию. Особое внимание уделяется проблемам квалификации клеветы в сети Интернет, защите посмертной репутации и репутации коллективных субъектов.*

***Ключевые слова:** публичное лицо, честь, достоинство, деловая репутация, клевета, оскорбление, диффамация, уголовная ответственность.*

Развитие цифровых коммуникаций и возрастающая роль средств массовой информации в формировании общественного мнения обострили проблему защиты репутации публичных лиц. Политики, государственные служащие, общественные деятели все чаще сталкиваются с распространением порочащих сведений, не соответствующих действительности. Отсутствие в российском законодательстве легального определения диффамации и единообразной судебной практики создает правовую неопределенность. В этих условиях особую значимость приобретает анализ уголовно-правовых средств защиты чести, достоинства и репутации, а также изучение зарубежных моделей регламентации ответственности для выработки оптимальных путей совершенствования отечественного права.

В российском уголовном законодательстве основным составом, охраняющим честь, достоинство и репутацию личности, является ст. 128.1 УК РФ «Клевета». Клевета – это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [15]. Верховный Суд РФ (далее по тексту – ВС РФ) разъясняет, что порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота [16, п. 7].

В юридической науке честь рассматривается как общественная оценка личности, достоинство – как самооценка, а репутация – как сложившееся мнение о

качествах лица, формирующееся на основании устойчивого мнения о достоинствах и недостатках человека [3, с. 12]. При этом репутация, в отличие от чести, может быть как положительной, так и отрицательной, и отражает любую оценку личности [1, с. 12]. Для публичных лиц репутация имеет особое значение, поскольку она непосредственно связана с доверием общества к институтам власти и эффективностью выполнения ими своих функций.

УК РФ содержит ряд специальных норм, защищающих честь и достоинство лиц, осуществляющих публичные функции. Так, ст. 298.1 УК РФ устанавливает ответственность за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава. Статья 319 УК РФ предусматривает наказание за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им должностных обязанностей. Кроме того, ст. 297 УК РФ охраняет авторитет суда, устанавливая ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства [2, с. 27].

В то же время в правоприменительной практике возникает вопрос о пределах критики в адрес публичных лиц. Согласно правовой позиции ВС РФ, государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении исполнения своих обязанностей, поскольку это необходимо для гласного и ответственного осуществления полномочий [14]. Однако такая критика не должна перерасти в распространение заведомо ложных сведений или оскорбление в неприличной форме. Принцип повышенной терпимости публичных лиц к критике, характерный для англо-американской правовой системы (стандарт *actual malice*), в российском праве не закреплен законодательно, однако учитывается судами при оценке соотношения права на свободу выражения мнения и защиты репутации [11, с. 31].

Интерес представляет зарубежный опыт регламентации ответственности за диффамацию. Англо-американская модель, основанная на стандарте *actual malice* и мерах против SLAPP-исков, максимально защищает свободу выражения [17, с. 121]. В США Верховный Суд в деле *New York Times Co. V. Sullivan* установил, что публичное лицо для удовлетворения иска о клевете должно доказать наличие «действительного злого умысла» (*actual malice*), то есть, что ответчик знал о ложности сведений или действовал с грубым пренебрежением к истине [5]. Это создает мощную защиту свободы слова, но может затруднить защиту репутации. В странах континентальной Европы, напротив, нередко предусматривается уголовная ответственность за диффамацию, включая специальные составы для защиты высших должностных лиц. Так, в Германии Уголовный кодекс содержит нормы о клевете в отношении политических деятелей, а также

пропаганде, направленной против бундесвера [22, с. 118]. В то же время практика Европейского суда по правам человека (дело «Фон Ганновер против Германии») требует соблюдения баланса между правом на частную жизнь и свободой печати, особенно когда речь идет о лицах, не выполняющих официальных функций [23].

Китайская модель демонстрирует иной подход: защита репутации подчинена интересам государства и общества, используются широкие инструменты цензуры, включая программу «Золотой щит». В Китае репутация публичных лиц включает не только защиту должностных лиц, но и сохранение памяти о героях и мучениках революции, закрепленное в Гражданском кодексе КНР [17, с. 124].

Распространение порочащих сведений через Интернет (киберклевета) создает дополнительные сложности для правоприменения.

Во-первых, анонимность пользователей и возможность использования чужих персональных данных затрудняют установление субъекта преступления [12, с. 547]. Часто порочащие сведения распространяются лицами, не связанными с потерпевшими, что усложняет установление умысла и мотивов [11, с. 107].

Во-вторых, возникает вопрос о моменте окончания преступления: следует ли считать таковым первую публикацию или удаление сведений? Представляется обоснованной позиция, согласно которой киберклевета имеет формальный состав и окончена с момента публикации сведений, доступных для восприятия третьими лицами [11, с. 108]. При этом деяние может быть признано продолжаемым преступлением, если автор вносит изменения или повторно публикует те же сведения, а срок давности следует исчислять с момента последней публикации [12, с. 550].

В-третьих, сложности вызывает оценка клеветы в отношении нескольких лиц. Ключевым критерием здесь выступает содержание умысла: если субъект намеревался опорочить нескольких лиц распространением одних и тех же сведений (например, касающихся одного факта, связанного с несколькими лицами), деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, в противном случае – как совокупность преступлений [3, с. 160].

Дискуссионным остается вопрос о возможности клеветы в отношении умерших. Хотя Гражданский кодекс РФ допускает защиту чести и достоинства гражданина после его смерти (ст. 132 ГК РФ), в уголовном праве единого подхода нет. Ряд авторов полагает, что умерший не может быть потерпевшим при клевете, так как утрачивает статус личности [8, с. 611]. Другие указывают, что общественное мнение о человеке сохраняется и после смерти, а порочащие сведения могут причинить вред его репутации и интересам родственников [7, с. 16;

4, с. 106]. Представляется целесообразным разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что термин «другой человек» в ст. 128.1 УК РФ охватывает и умерших лиц, что позволит привлекать к ответственности за посмертную диффамацию [12, с. 548].

Иллюстрацией эффективности судебной защиты репутации публичного лица может служить дело Владимира Слуцкера против Ольги Романовой, рассмотренное Высоким судом Лондона в 2015 г. Бывший сенатор РФ обратился с иском о клевете в связи с распространением журналисткой в эфире радиостанции «Эхо Москвы» и в опубликованных материалах сведений о его причастности к возбуждению уголовного дела в отношении ее супруга путем оказания влияния на правоохранительные органы России. Суд признал эти сведения ложными и порочащими, поскольку они не были подкреплены доказательствами, и присудил компенсацию в размере 110 тыс. фунтов стерлингов [13]. Данное дело демонстрирует гибкость англосаксонской системы, где публичные лица могут успешно защищать свою репутацию, несмотря на высокие стандарты доказывания, а также явление «судебного туризма» – обращения в благоприятные юрисдикции [17, с. 120].

На основе анализа зарубежного опыта и проблем правоприменения можно предложить следующие направления совершенствования регламентации ответственности за клевету.

1. Дополнить УК РФ специальными нормами об ответственности за клевету в отношении высших должностных лиц (Президента РФ, депутатов, глав субъектов РФ и муниципальных образований), а также кандидатов на выборные должности, поместив их соответственно в главы 30 и 19 УК РФ. Это позволит учитывать повышенную общественную опасность таких деяний, посягающих на основы государственной власти и избирательный процесс [12, с. 104]. В Германии, например, существуют отдельные составы клеветы в отношении политических деятелей, что подчеркивает публичность защиты этой категории лиц.

2. Исключить из ч. 2 ст. 128.1 УК РФ квалифицирующий признак «клевета в отношении индивидуально неопределенных лиц», поскольку его наличие противоречит природе клеветы как преступления против конкретной личности и создает трудности в доказывании. Как справедливо отмечают исследователи, данный признак выходит за пределы родового объекта – личности другого человека, и приближается к составу возбуждения ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ) [5, с. 152].

3. Дать разъяснение в постановлении Пленума ВС РФ о возможности привлечения к уголовной ответственности за клевету в отношении умерших, если распространенные сведения порочат их память и репутацию.

4. Унифицировать подходы к определению момента окончания киберклеветы, закрепив в судебной практике правило о том, что преступление считается оконченным с момента публикации сведений, доступных для неограниченного круга лиц, а при повторных публикациях – применять правила о продолжаемом преступлении.

Зарубежный опыт демонстрирует разнообразие подходов – от максимальной свободы слова в США до жесткой уголовно-правовой охраны в некоторых континентальных странах и тотального государственного контроля в Китае. Для России оптимальным представляется путь дифференциации ответственности с учетом статуса потерпевшего и способа распространения сведений, а также совершенствования судебного толкования с целью устранения правовой неопределенности. Предложенные изменения будут способствовать более эффективной защите репутации публичных лиц и укреплению доверия общества к институтам государства.

Библиографический список

1. Агильдин В. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления // Российский следователь. 2010. № 2. С. 11–14.

2. Алиев В. М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2017. № 20. – С. 26–31.

3. Васильев С. А. Правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности за клевету // VII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». 2019. С. 158–160.

4. Джафарова А. А. К вопросу о потерпевшем в составе клеветы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 4 (70). С. 104–108.

5. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Клевета в сети «Интернет» и в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2021. С. 151–156.

6. Исмагилов Р. А. К вопросу уголовно-правовой охраны чести и достоинства умерших // Права и свободы человека и гражданина в истории России. 2017. С. 13–19.

7. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 3 / Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с.

8. Радченко К. Н. Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за клевету // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 103–108.
9. Шовкопляс Е. Е. К вопросу о совершенствовании статьи Уголовного кодекса РФ о клевете: сфера интернет-пространства // Актуальные проблемы современного законодательства. 2020. С. 545–551.
10. Решение Сосногорского городского суда Республики Коми по гражданскому делу № 2-500/2018 от 17.08.2018. URL: <https://sosnsud--komi.sudrf.ru> (дата обращения: 28.02.2026).
11. Сердюк А. Л., Дерюшева О. И., Евплова К. А. Вопросы защиты деловой репутации органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3. С. 25–31.
12. Решение Высокого суда Лондона по делу Vladimir Sloutsker vs Olga Romanova [2015] EWHC 545 (QB). URL: <https://rapsinews.ru> (дата обращения: 28.02.2026).
13. Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4330.
14. Шабанов М. Х. Зарубежный опыт правового регулирования общественных отношений в сфере защиты репутации публичного лица // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 115–127.
15. Bürgerliches Gesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 28.02.2026).
16. New York Times Co. v. Sullivan, 376 U.S. 254 (1964). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (дата обращения: 28.02.2026).
17. Постановление ЕСПЧ «Фон Ганновер (Von Hannover) против Германии», № 59320/00 (2004). URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu> (дата обращения: 28.02.2026).
18. Лоос Е. В. Применение принципа повышенной терпимости публичных лиц к критике в свой адрес в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 29–34.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДЛЯ БЮДЖЕТА И ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

***Аннотация.** В данной работе исследуются проблемы экономических преступлений и их воздействие на бюджетную систему и экономику России. Выделены два основных типа последствий: прямые потери для бюджета и макроэкономические риски для всей системы. Рассматривается проблема того, что многие такие преступления остаются скрытыми, а также способы оценки реального ущерба от них.*

***Ключевые слова:** экономические преступления, бюджет, экономическая безопасность, ущерб, коррупция, теневая экономика, латентность.*

Экономические преступления сегодня выходят за рамки простого нарушения закона – они подрывают финансовую устойчивость государства, угрожая суверенитету. Статистика МВД за первые три квартала 2025 года показывает: ущерб от таких деяний в России превысил 266 млрд рублей, что на 20% больше, чем годом ранее. Большинство из них относятся к тяжким и особо тяжким.

Работа направлена на разграничение последствий: от прямых бюджетных потерь до скрытых макроэкономических рисков. Учёт высокой латентности преступлений делает оценку реальных масштабов задачей не просто аналитической, но и стратегической.

Деньги, выделенные на зарплаты, инфраструктурные проекты, оборонный заказ – исчезают из бюджета без возврата. В 2025 году по делу о хищении при выполнении гособоронзаказа было установлено хищение свыше 500 млн рублей. Нарушения не ограничиваются прямым хищением – часто средства расходуются вне целевого назначения. Результат: нехватка финансирования в ключевых отраслях, срыв программ развития, рост долговой нагрузки на регионы.

Схемы ухода в тень, подмена доходов и недекларирование операций сокращают поступления в бюджет. Проблему усугубляет вывод активов за границу – такие действия обесценивают внутренние рынки и снижают эффективность налогового контроля. Центробанк за первое полугодие 2025 года зафиксировал вывод более 8,5 млрд рублей и обналичивание почти 24 млрд – суммы, которые могли бы пойти на реальные инвестиции и социальную поддержку.

Официальная статистика фиксирует лишь часть инцидентов – уровень латентности экономических преступлений чрезвычайно высокий. Эксперты считают, что фактические потери могут быть втрое или даже больше официально заявленных цифр. Без учёта скрытых случаев оценка рисков становится крайне неполной.

Непрямые потери от экономических преступлений, в отличие от очевидных убытков, трудно измерить, но их влияние на структуру экономики существенно.

Коррупция подрывает деловую среду – взятки повышают операционные расходы, вытесняя инвесторов с рынка. Увеличение затрат за счёт незаконных платежей снижает привлекательность долгосрочных вложений. По расчетам экспертов, косвенные издержки достигают двух процентов ВВП.

В условиях системной коррупции победу одерживает неэффективность, а не качество. В госзакупках контракты чаще всего получают компании с доступом к чиновникам, что приводит к снижению стандартов продукции и уничтожению честных участников рынка. Конкуренция исчезает, когда результат зависит от связей, а не от эффективности.

Отток капитала в нелегальную сферу порождает неформальный сектор, где налоги не платятся, а контроль теряется. Государство вынуждено тратить ресурсы на мониторинг и борьбу с уклонением от ответственности. Эволюция схем обхода законодательства требует постоянного увеличения бюджета на безопасность и надзорные функции.

Систематические хищения средств, предназначенных для социальных программ, вызывают падение доверия к государственным институтам. Когда финансы на здравоохранение или образование исчезают без следа – реальное благополучие населения падает. Напряжение в обществе растёт, поскольку люди перестают верить в справедливость распределения ресурсов.

Последствия экономических преступлений выходят за пределы уголовной юрисдикции и затрагивают фундаментальные элементы экономической стабильности: сокращение доступных бюджетных средств; замедление темпов роста; ослабление институтов управления и контроля; деградацию доверительных отношений между гражданами и государством.

Борьба с этим явлением требует не только усиления работы правоохранительных органов, но и внедрения цифровых решений для прослеживания финансовых потоков – технологии способны значительно ограничить масштабы теневой активности при условии их грамотного применения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Анищенко Е. В. и др. Расследование экономических преступлений: Теоретико-методологические основы экономико-правового анализа финансовой деятельности, – М.: Юрайт, 2025. – 317 с.
4. Афанасьев А. Ю. Лубин А. Ф. Криминалистические основы деятельности по выявлению и расследованию преступлений экономической и коррупционной направленности, М.: Проспект, 2024. – 150 с.
5. Бажанов С. В. Состояние преступности в кредитно-финансовой отрасли российской экономики и опыт борьбы с ней в последние годы // Право и экономика. 2018. № 9. – С. 71–75.
6. Горпинченко К. Н. Власенко С. К. Черникова И. А. Сыпко С. Э. Факторный анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 6-1. – С. 28–35.
7. Дворяк И. А. Потоцкий Н. К. О проблемах квалификации экономических преступлений // Право и управление. 2023. № 3. – С. 240–244.
8. Иванов М. Г. Служебно-экономическая преступность как социально-правовое явление // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2017. № 6. – С. 142–146.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ПОЛУЧЕНИЮ КРЕДИТА

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы квалификации деяний, предусмотренных ст. 176 УК РФ, в аспекте потребительского кредитования, внедрения онлайн-финансовых услуг и увеличения числа случаев кибермошенничества. Основное внимание уделяется уязвимости скоринговых систем и их влиянию на правоприменительную практику.*

***Ключевые слова:** ст. 159.1 УК РФ, 176 УК РФ, банки, Верховный суд Российской Федерации, квалификация деяний, кредитование, кибермошенничество.*

Незаконное получение кредита предусмотрено российским уголовным законодательством и регулируется статьями 159.1 и 176 УК РФ [1] – эти статьи различаются по характеру умысла.

Статья 159.1 УК РФ подразумевает деяние как хищение, если заемщик с самого начала не планирует возвращать полученные деньги. Умысел на незаконное изъятие денег формируется у него до подписания кредитного договора.

Статья 176 УК РФ применяется, когда заемщик, будь то ИП или руководитель компании, предоставляет банку ложную информацию о своем финансовом состоянии. При этом его цель выступает не хищение денег, а в ведении бизнеса. Однако обман при получении кредита приводит к значительному ущербу, т. е. более 2,25 миллионов рублей.

На практике сложно определить, какой конкретно умысел был у заемщика на момент предоставления кредита.

Важно заметить, что невозврат фиктивно обеспеченных кредитных средств уменьшает ликвидность банков и их возможность кредитовать бизнес, что создает угрозу банкротства кредитных организаций.

Кроме того, подобные действия нарушают честную конкуренцию. Организации, которые прибегают к таким методам, получают необоснованные преимущества. Невозвращенные средства уходят в теневой сектор, что способствует подрыву экономики. Массовое распространение таких преступлений снижает инвестиционную привлекательность страны. Банкам необходимо учитывать риски при установлении процентных ставок для всех заемщиков, что замедляет экономический рост.

Главной задачей в применении вышеуказанных статей заключается в доказательстве намерений заемщика на момент получения кредита. Верховный Суд РФ в Постановлении от 30 ноября 2017 года № 48 подчеркнул [3]: предоставление ложных сведений не всегда является мошенничеством, если заемщик планировал выполнять свои обязательства. На практике судебные органы анализируют различные факторы: как заемщик использует полученные средства, погашает ли он долг, есть ли у него обеспечение и знает ли кредитная организация о его финансовом состоянии.

Более детально судебная практика демонстрирует, что доказать мошенничество в сфере кредитования бывает крайне затруднительно. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.11.2024 № 308-ЭС24-17897 [4] была сформулирована важная следующая правовая позиция: сам по себе факт неисполнения договорных обязательств и наличие убытков у кредитора не может служить безусловным доказательством преступного умысла, если сторона действовала в рамках хозяйственной деятельности и принимала меры к исполнению договора.

В другом случае, Ленинский районный суд города Ставрополя вынес обвинительный приговор [5]. Обвиняемый предоставил ложные сведения для получения кредита на 20 миллионов рублей. Хотя он частично погашал проценты, суд признал его виновным в мошенничестве, а также установил, что деньги были перечислены подконтрольному лицу, и у обвиняемого не было намерения возвращать долг.

Для мошенничества в кредитовании характерны такие элементы, как отсутствие реальной финансовой возможности возврата долга, вывод активов, нецелевое использование средств и фиктивность обеспечения. Для незаконного получения кредита важны: целевое использование средств, попытки обслуживания долга и наличие обеспечения.

Остаются актуальными и проблемы взаимодействия банков и правоохранительных органов при выявлении и пресечении незаконного получения кредитов. На практике часто возникает конфликт между обязанностью банков соблюдать банковскую тайну и необходимостью оперативно обмениваться информацией для раскрытия преступлений.

Банки нередко ограничиваются внутренними расследованиями и блокировкой подозрительных операций, не передавая материалы в правоохранительные органы вовремя. Это позволяет мошенникам выводить средства до возбуждения уголовного дела.

Еще одна проблема связана с правомерностью ограничений, которые вводят банки. В деле между «Х-Дзор» и «Альфа-банка» [6], рассматривавшемся Верховным Судом в феврале 2026 г., кредитная организация ограничила доступ к дистанционному обслуживанию счета, заподозрив клиента в отмывании незаконных доходов.

Проблема разграничения составов статей 176 и 159.1 УК РФ все еще актуальна. Судам приходится детально разбираться в умысле на получение кредита, использовании средств, попытках погашения долга и наличии обеспечения.

Изменения в законодательстве за февраль 2026 года значительно повысили эффективность в борьбе с мошенничеством. Согласно Федеральному закону № 44 [2] банкам теперь запрещено передавать идентификационные данные физических лиц платежным агентам, а микрофинансовые организации обязаны использовать ЕСИА, что усложняет оформление кредитов по украденным данным.

Изменения в территориальной подследственности киберпреступлений сделали расследования более эффективными.

Однако проблемы правоприменения остаются: конфликт между банковской тайной и обменом информацией, сложности в доказывании в цифровом пространстве, споры о правомерности банковских ограничений.

Для эффективной борьбы с незаконным получением кредитов необходимо интегрировать банковский сектор с государственными идентификационными системами и разработать единые стандарты взаимодействия банков и правоохранительных органов. Только комплексный подход, включающий законодательные, технические и правоприменительные меры, сможет защитить кредитно-финансовую систему от незаконных операций.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 23 февраля 2026 г. № 44-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2026. № 8. Ст. 779.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48: ред. от 15.12.2022. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 07.03.2026).

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2024 № 308-ЭС24-17897 по делу № А32-1234/2023 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 06.03.2026).

5. Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 18 сент. 2019 г. по уголовному делу № 1-145/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2026).

6. Занина А., Назаренко Я., Дементьева К. Бумага всему голова [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2026. 18 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442670> (дата обращения: 07.03.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности правового регулирования и применения дистанционного электронного голосования в Российской Федерации. Анализируются нормативные основы ДЭГ, технологические механизмы обеспечения его безопасности и опыт практического использования. Определяются перспективы развития дистанционного электронного голосования как способа реализации активного избирательного права в условиях цифровизации общества.*

***Ключевые слова:** дистанционное электронное избирательное право; цифровизация избирательного процесса; голосование.*

В условиях цифровизации многих сфер жизни общества, изменения происходят в том числе и в сфере реализации избирательных прав граждан. Цифровые технологии уже внедрены в избирательный процесс, следовательно появился и новый способ реализации активного избирательного права.

В статье пойдет речь о дистанционном электронном голосовании (ДЭГ), предполагающем для граждан возможность отдать свой голос за кандидата без физического присутствия избирателя на избирательном участке. Данный способ голосования можно рассматривать как один из инструментов модернизации избирательной системы и повышения уровня доступности участия граждан в выборах.

В Российской Федерации развитие ДЭГ связано с общими процессами цифровизации избирательной системы. Использование информационных технологий в данной сфере началось еще с 1993 года. В ходе выборов в российский парламент первого созыва и голосования по проекту Конституции страны было апробировано, в частности, автоматизированное суммирование протоколов избирательных комиссий. В 1994 г. ЦИК РФ, на основе анализа отечественного и зарубежного опыта, была подготовлена Концепция создания Государственной автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы»). В ней были сформулированы основные принципы применения в ходе избирательных кампаний автоматизированной обработки информации [9, с. 41]. Нормативное воплощение эти идеи получили в последовавших указах Президента РФ, благодаря которым был запущен один из важнейших общегосударственных проектов – создание

ГАС «Выборы» [3]. Годом позднее был создан Федеральный центр информатизации [4], главная задача которого заключалась в обеспечении функционирования и эксплуатации данной системы.

ДЭГ в настоящий момент регулируется следующими нормативно правовыми актами: п. 17 ст. 64.1 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 69 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», ч. 19 ст. 81 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/716-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», постановление ЦИК России от 08.06.2022 № 86/715-8 «О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования».

Одной из ключевых задач правового регулирования дистанционного электронного голосования является обеспечение соблюдения основных принципов демократического избирательного процесса. К таким принципам относятся всеобщность, равенство и тайна голосования, а также свобода волеизъявления граждан. Расширение области применения цифровых механизмов голосования требует формирования нормативных гарантий, которые обеспечивали бы соответствие электронных процедур данным принципам и предотвращали возможные нарушения избирательных прав граждан.

Исследователи обращают внимание на то, что современное правовое регулирование дистанционного электронного голосования в России пока не сформировано в виде целостной нормативной модели. Использование цифровых технологий в избирательном процессе осуществляется фрагментарно, что создает определенные правовые риски. В частности, внедрение электронных систем голосования может затрагивать такие аспекты, как обеспечение тайны голосования, прозрачность избирательных процедур и контроль за корректностью подсчета голосов [11, с. 88].

Особое значение в правовом регулировании дистанционного электронного голосования имеет также и обеспечение информационной безопасности. Использование цифровых технологий в избирательном процессе связано с возможностью несанкционированного доступа к информационным системам, вмешательства в процесс обработки данных и нарушения конфиденциальности голосования.

Одним из механизмов обеспечения безопасности ДЭГ выступает использование специальных криптографических технологий. В частности, применяются такие методы, как микс-сети и слепая электронная подпись. Их использование позволяет скрыть связь между избирателем и поданным им голосом, подтвердить подлинность электронного бюллетеня и обеспечить подсчет голосов без раскрытия индивидуального выбора каждого участника голосования. Такой механизм позволяет соблюсти один из ключевых принципов избирательного права – тайну голосования, а также повышает защищенность системы от внешнего вмешательства.

Гарантом безопасности сохранения голосов избирателей в системе дистанционного электронного голосования является технология блокчейн, представляющую собой распределенную базу данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, которые проводятся участниками системы [8, с. 31]. Информация, хранящаяся в этих базах, хранится в виде цепочки блоков. При добавлении нового блока информация, которая содержится в нем, записывается на все существующие блоки, а на него в свою очередь дублируется ранее записанная информация. Таким образом, данные не содержатся на общем сервере, а распределены между множеством устройств.

Технология блокчейн основана на принципах прозрачности и высокой степени защиты информации. Принцип прозрачности заключается в том, что участники системы имеют возможность получать доступ к данным, содержащимся в цепочке, а также могут отслеживать процесс их формирования и добавления. Благодаря этому любые попытки внешнего вмешательства оперативно выявляются и пресекаются. Принцип безопасности обусловлен особенностями структуры блокчейн: невозможно изменение информации в одном блоке без корректировки всех последующих, поскольку подобное вмешательство нарушило бы целостность всей цепочки данных. Такие свойства обеспечивают одновременно и открытость функционирования системы для пользователей, и высокий уровень защиты от кибератак извне.

Далее рассмотрим опыт применения ДЭГ в Москве и Нижегородской области при проведении общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ в 2020 г. Жители этих регионов России могли зарегистрироваться для участия в дистанционном электронном голосовании через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг» или портал города Москвы. Обработка заявлений осуществлялась с помощью ГАС «Выборы». Всего было подано 1,19 миллиона заявок на

участие в ДЭГ. Из них проголосовали 1,1 миллиона человек, что составило 17,5% от общего числа участников общероссийского голосования.

В процессе проведения голосования были зафиксированы отдельные нарушения и технические сбои при применении технологии ДЭГ. Так, в течение двенадцати часов в выписках из блокчейн-системы не отображались новые записи, несмотря на то что обновление данных должно происходить каждые тридцать минут.

Таким образом, анализ существующих подходов к определению дистанционного электронного голосования, а также практики его применения на выборах в Российской Федерации и выявленных преимуществ и недостатков позволяет сделать вывод о том, что дистанционное электронное голосование представляет собой новый способ реализации активного избирательного права граждан. В условиях цифровизации общественных процессов значение системы ДЭГ будет возрастать ввиду наличия запроса общества на использование современных технологий в сфере государственного управления.

Вместе с тем применение ДЭГ сопровождается и рядом проблем. К их числу можно отнести, например, недостаточное количество специалистов и наблюдателей, обладающих необходимой квалификацией для контроля за функционированием системы. Однако, несмотря на существующие сложности, технология продолжает развиваться и совершенствоваться. ДЭГ обладает значительным потенциалом и бесспорно расширяет возможности участия граждан в избирательном процессе. При условии формирования эффективного нормативного регулирования и обеспечения надлежащего уровня информационной безопасности, ДЭГ может стать важным элементом развития цифровой демократии.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, одобренных в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; 2020. – 4 июля.

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ: в действующей ред. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

3. О разработке Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». Указ Президента РФ № 1723 от 23.08.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&bpas=cd00000&intelsearch=23.08.1994+%E3.+%E2%84%961723&sort=-1> (дата обращения: 08.03.2026).

4. Об обеспечении деятельности Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы». Указ Президента РФ № 861 от 18.08.1995. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102034477> (дата обращения: 08.03.2026).

5. О Требованиях к проведению дистанционного электронного голосования: постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 8 июня 2022 г. № 86/715-8: в действующей ред. // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. – 2022. – № 6.

6. Виноградова И. М. Технология дистанционного электронного голосования в России: опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 30–38.

7. Махова А. В., Рокотянская А. А. Цифровизация избирательного процесса в России: правовые аспекты. Правовой порядок и правовые ценности. 2024; № 2(3). С. 39–45.

8. Фаттахов М. М. Цифровизация избирательного процесса: особенности и проблемы организации дистанционного магистерская диссертация. – Екатеринбург, 2024.

9. Шакурова Н. Е. Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 88–94.

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вызовы, связанные с совершением преступлений в сфере кибербезопасности в России, анализируются решения и нововведения в законодательство страны для борьбы с киберпреступностью.*

***Ключевые слова:** киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, фишинг, атрибуция.*

Стремительное развитие информационных технологий и всеобъемлющая цифровизация общественных отношений, будучи безусловными благами прогресса, породили одну из самых серьезных угроз XXI века – киберпреступность. Сегодня это явление вышло далеко за рамки компьютерного хулиганства, превратившись в высокоорганизованный, транснациональный бизнес, наносящий многомиллиардные убытки экономикам государств и угрожающий национальной безопасности. Киберпреступления характеризуются высокой латентностью, сложностью расследования и трансграничным характером, что делает традиционные правовые механизмы зачастую неэффективными.

Россия является одним из лидеров по числу кибератак во всем мире. За последние пять лет киберпреступность, согласно статистике, демонстрирует десятикратный рост. Исходя из опубликованных данных Генеральной прокуратуры за 2020 год правоохранительными органами РФ зарегистрировано около 200 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а в 2025 году их число составило 675,4 тыс. преступлений [3].

Это происходит потому, что действующая правовая база РФ в области кибербезопасности не позволяет эффективно предотвращать преступления в виртуальном пространстве. Ключевым направлением решения проблемы должно стать изучение причин и условий таких правонарушений с последующим созданием результативных инструментов для их нейтрализации.

Эволюция киберугроз не стоит на месте. Преступники оперативно адаптируют свои методы под развитие защитных механизмов и появление новых технологий. Среди ключевых вызовов последних лет можно выделить следующие.

Во-первых, это профессионализация и специализация преступных сообществ. Злоумышленники больше не являются одиночками («скрипт-кидди»), действующими из любопытства. Сегодня это организованные группы с четким распределением ролей, включая разработчиков вредоносного ПО, специалистов по социальной инженерии и лиц, обеспечивающих обналичивание похищенных средств.

Во-вторых, серьезным вызовом стало использование искусственного интеллекта (ИИ) в преступных целях. Технологии deepfake (генерирование ИИ изображений, подделка видео и голоса, имитирующих реальных людей) позволяют совершать мошенничества на новом уровне, например, имитировать приказы руководства компаний для перевода крупных сумм денег [7, с. 22].

В-третьих, фишинг остается одной из наиболее масштабных и устойчивых киберугроз. Как отмечает член Комитета Государственной Думы по информационной политике Антон Немкин, меняется структура фишинговых атак: если ранее основной целью были банковские карты, то сегодня мошенники концентрируются на компрометации аккаунтов в мессенджерах, социальных сетях и цифровых сервисах. Получив доступ к учетной записи, преступники используют доверие пользователя как инструмент для дальнейших атак. По данным системы Минцифры «Антифишинг», в 2025 году было выявлено более 217 тысяч противоправных ресурсов, из них свыше 74 тысяч – фишинговые [4].

Особую тревогу вызывает трансграничный характер киберпреступлений. Как отмечает исполнительный секретарь Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ Юрий Жданов, киберпространство стало определяющей ареной для современной преступности, объединив в себе все мыслимые виды преступлений, включая терроризм. Организованные преступные группы все чаще действуют как в цифровом, так и в реальном пространстве, используя онлайн-инфраструктуру для осуществления киберпреступлений, мошенничества и незаконных финансовых потоков [6].

Перечисленные причины преступных посягательств в сфере компьютерной информации не являются исчерпывающими. Существует и множество других причин, которые также нуждаются в более детальном изучении.

В ответ на эти вызовы государства вынуждены пересматривать подходы к регулированию цифрового пространства и совершенствовать уголовное законодательство.

В декабре 2025 года в профильный комитет Государственной Думы направлены новые законопроекты об усилении защиты граждан от мошенниче-

ства с использованием информационно-коммуникационных технологий. Предлагается ввести дополнительные меры по пресечению противоправных действий лиц, которые помогают мошенникам в выводе похищенных денежных средств. Для банков может быть введена обязанность применять средства защиты своих мобильных приложений и сайтов в сети Интернет от воздействия вредоносного кода и выявлять случаи воздействия такого кода на программное обеспечение. Также ввели ограничения на количество банковских карт, которые сможет оформить на себя гражданин; обязательную маркировку международных звонков; дополнительное регулирование вопросов взаимодействия операторов связи и кредитных организаций в целях пресечения мошеннических действий [2].

Одним из важнейших шагов стало ужесточение наказаний за преступления в сфере компьютерной информации.

Федеральным законом от 31 июля 2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», глава 28 Уголовного кодекса РФ была дополнена тремя новыми составами преступлений (ст. 274.3–274.5 УК РФ), направленными на борьбу с инфраструктурой киберпреступности, которые вступили в силу 1 сентября 2025 года [9]. Нововведения касаются ответственности за незаконное использование специального оборудования, оборот SIM-карт и данных для доступа к интернет-ресурсам.

Общая часть УК РФ, а именно ч. 1 ст. 63 была дополнена пунктом «ф», который относит к обстоятельствам, отягчающим наказание, совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, доступ к которым ограничен (в том числе VPN-сервисов) [8].

Важно отметить, что изменения 2025 носят комплексный характер. Одновременно с внесением изменений в УК РФ, Федеральным законом № 281-ФЗ были введены соответствующие составы административных правонарушений (ст. 13.29.1, 13.29.2, 13.29.3 КоАП РФ), что позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности деяния [10].

Практическая реализация новых законодательных норм неизбежно сталкивается с проблемами квалификации преступлений в цифровой среде. Ключевой сложностью выступает атрибуция – установление лица, фактически совершившего противоправные действия в киберпространстве. Как отмечается в экспертном сообществе, преступники активно используют анонимайзеры, криптовалюту, аренду зарубежных серверов, что затрудняет отождествление виртуальных следов с конкретным физическим лицом [6].

Формирование эффективной системы противодействия киберпреступности требует не только совершенствования уголовного законодательства, но и создания институциональных механизмов межведомственного взаимодействия.

С 1 марта 2026 года планируется запуск единой государственной системы «Антифрод», которая позволит оперативно обмениваться информацией всем участникам рынка: банкам, операторам связи, правоохранительным органам. Данная система будет обеспечивать проверку платежей на признаки мошенничества и позволит замораживать переводы клиентов, чьи телефоны участвуют в подозрительных операциях или заражены вирусами [1].

На международном уровне значимым событием стала ратификация Российской Федерацией Конвенции ООН против киберпреступности, подписанной уже более чем 74 государствами. Как отмечает Юрий Жданов, новый международный акт закладывает правовую основу для укрепления сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с информационной преступностью [6].

Завершающим, но не менее важным элементом системы противодействия выступает профилактика киберпреступлений, направленная на снижение виктимности населения и формирование устойчивых навыков безопасного поведения в цифровой среде.

Подводя итог, следует отметить, что борьба с киберпреступностью в современных условиях требует формирования целостной, многоуровневой системы противодействия, сочетающей правовые, технические, институциональные и профилактические меры.

Ключевым условием долгосрочной эффективности противодействия выступает формирование культуры цифровой безопасности у населения, позволяющей минимизировать риски стать жертвой мошенников.

Библиографический список

1. Государственное информационное агентство России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25304651> (дата обращения: 26.02.2025).
2. Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. Председатель направил в профильный комитет законопроекты об усилении защиты граждан от кибермошенничества [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/62766/> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Генеральная Прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/> (дата обращения: 25.02.2026).

4. Дума ТВ. Россиян предупредили о том, что фишинг остается из наиболее масштабных и устойчивых киберугроз [Электронный ресурс] // dumatv.ru. – 2026. – 22 янв. – URL: <https://dumatv.ru/news/rossiyan-predupredili-otom--chto-fishing-ostaetsya-odnoi-iz-naibolee-masshtabnih-i-ustoichivih-kiberugroz> (дата обращения: 25.02.2026).

5. Ивлиев П. В., Кузнецов П. В. Преступления в сфере кибербезопасности: новые вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 507-509;

6. Координационный совет генеральных прокуроров государств-участников СНГ. Россия присоединилась к войне ООН против невидимого криминала [Электронный ресурс] // ksgp.org. – 2026. – 3 февр. – URL: <https://ks-gp.org/novosti/rossija-prisoedinilas-k-vojne-oon-protiv-nevidimogo-krimi-nala/> (дата обращения: 25.02.2026).

7. Тропина Т. Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы // Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2005. – 26 с.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025).

9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

10. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бандуров П. Г., Маркина Е. В.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния конституционно-правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и разработке предложений по его совершенствованию. Авторы выявляют системные проблемы, включая сырьевой характер экономики, технологическое отставание, региональные диспропорции, санкционное давление и слабость правоприменительных механизмов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономический суверенитет, технологический суверенитет, особые экономические режимы, санкционное давление, сырьевая зависимость.

В условиях глобальной нестабильности, усиления санкционного давления и качественной трансформации мирохозяйственных связей вопросы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации приобретают статус приоритетных направлений государственной политики. Экономическая безопасность является фундаментом национального суверенитета, обеспечивая независимость государства в принятии политических решений и социальную стабильность общества. Конституция Российской Федерации, обладая высшей юридической силой, формирует концептуальный и институциональный каркас для защиты национальных интересов в экономической сфере.

Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации конституционно-правовых механизмов к новым вызовам: технологическому отставанию, сырьевой зависимости и внешним ограничениям. Конституционные нормы не только провозглашают права и свободы, но и устанавливают пределы полномочий органов власти, формируя юридические гарантии устойчивости общественной системы.

Конституционно-правовой фундамент экономической безопасности РФ базируется на принципах единства экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, поддержки конкуренции и признания многообразия

форм собственности. Особое значение имеет ст. 7 Конституции РФ [1], определяющая Россию как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Важнейшим элементом системы является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [4]. Этот документ отражает стремление к укреплению коллективной безопасности и снижению глобальной напряженности [5, с. 64]. В системе обеспечения безопасности ключевую координационную роль играет Совет Безопасности РФ, объединяющий усилия силовых, аналитических и исполнительных структур.

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, современная экономика России сталкивается с рядом критических угроз. Специалисты выделяют следующие ключевые проблемы.

1. Сырьевая зависимость и низкая конкурентоспособность. Доминирование топливно-энергетического сектора в структуре экспорта (порядка 2/3 объема) делает бюджет уязвимым к колебаниям мировых цен [9, с. 45]. Технологическое отставание проявляется в дефиците собственного высокотехнологичного оборудования, производство которого долгое время не развивалось должным образом [7, с. 70].

2. Деградация кадрового и научного потенциала. Исследования, проведенные методом потоков, фиксируют стратегическую угрозу: с 2015 года численность ученых и преподавателей с учеными степенями в России перманентно снижается [8, с. 304]. Это создает риск неспособности системы высшей школы самостоятельно готовить квалифицированные кадры для инновационной экономики в горизонте 5–10 лет.

3. Социальное неравенство и криминализация. Высокий уровень бедности (около 13% в 2023 году) и коррупция подрывают доверие к государственным институтам и сдерживают внутренний спрос.

4. Институциональные дисфункции. Нередко конституционные положения остаются декларативными из-за неэффективности механизмов правоприменения и недостаточной правовой грамотности населения.

В условиях «цивилизационного разрыва» с Западом развитие инновационного потенциала становится единственным способом обеспечения технологического суверенитета. Ключевыми направлениями здесь выступают искусственный интеллект, интернет вещей, квантовые коммуникации и биоинженерия. Инновационный потенциал позволяет управлять динамичными изменениями и

напрямую влияет на экономическую устойчивость страны. Однако развитие этих отраслей сдерживается высокой налоговой нагрузкой на высокотехнологичные предприятия, где доля затрат на оплату труда в разы выше, чем в добывающих отраслях [6, с. 62].

Для нейтрализации выявленных угроз необходимо реализовать комплекс мер на конституционном и законодательном уровнях:

Во-первых, требуется реформа налогообложения в целях стимулирования инноваций. Целесообразно снизить налоговую нагрузку (НДФЛ, страховые взносы) для предприятий высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. Это позволит повысить рентабельность производства и привлечь инвестиции в несырьевой сектор.

Во-вторых, необходимо принятие чрезвычайных мер по сохранению научного кадрового резерва. Требуется разработка механизмов блокирования «оттока» ученых из регионов и создание системы преференций для молодых исследователей, чтобы предотвратить потерю способности страны к воспроизводству знаний.

В-третьих, совершенствование механизмов импортозамещения. Важно перейти от «мягкого» воздействия к адресной поддержке инновационных процессов согласно специфике региональных потребностей. Необходимо развивать цифровое материаловедение и космические технологии как опору национального суверенитета.

В-четвертых, укрепление правоприменительной практики. Обеспечение безопасности личности, общества и государства возможно только при условии реальной ответственности должностных лиц за нарушение конституционных стандартов. Необходимо развивать правовое просвещение граждан и внедрять независимую экспертизу законодательства на соответствие экономическим интересам РФ.

Анализ современного состояния экономической безопасности России показывает, что конституционно-правовая база страны обладает значительным защитным потенциалом, однако его реализация затруднена системными экономическими и кадровыми проблемами. Сырьевая модель развития исчерпала себя, а санкционное давление обнажило уязвимые места в технологической и кадровой сферах.

Для обеспечения экономической устойчивости требуется переход от декларативного соблюдения конституционных норм к созданию действенных юридических и финансовых механизмов поддержки инноваций. Ключевыми факто-

рами успеха должны стать снижение налоговой нагрузки на технологичный бизнес, инвестиции в человеческий капитал и гармонизация взаимодействия всех ветвей власти под эгидой конституционных ценностей. Только комплексная модернизация правовой и экономической систем позволит России эффективно противостоять глобальным вызовам и обеспечить долгосрочное процветание.

Экономическая безопасность Российской Федерации представляет собой неотъемлемую составляющую национальной безопасности, определяющую устойчивость социально-экономической системы к внутренним и внешним угрозам. В условиях глобализации, санкционного давления и трансформации мировой экономической архитектуры роль конституционно-правового регулирования приобретает определяющее значение.

Одной из ключевых угроз экономической безопасности остается сырьевой характер экономики. Несмотря на конституционные гарантии свободы экономической деятельности (ст. 34), в правовой системе отсутствуют специальные механизмы государственного стимулирования диверсификации. Федеральные законы «О промышленной политике в Российской Федерации» [2] и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] носят фрагментарный характер и не обеспечивают системного подхода к решению проблемы.

Правоприменительная практика свидетельствует о формальном характере многих мер поддержки несырьевых секторов. Налоговые льготы, субсидии и государственные гарантии зачастую распыляются между множеством программ без четкой оценки их эффективности. Конституционный Суд неоднократно указывал на необходимость установления разумных сроков и критериев предоставления государственной поддержки, однако системные решения отсутствуют.

Конституционные гарантии развития науки (ст. 42) реализуются недостаточно эффективно. Федеральные целевые программы научно-технического развития носят эпизодический характер и не обеспечивают преемственности. Отсутствует конституционный механизм государственного заказа на фундаментальные и прикладные исследования, что приводит к утечке научных кадров и технологической зависимости.

Метод потоков, предложенный в современных исследованиях, демонстрирует непрерывный отток высококвалифицированных научных кадров, включая профессоров и докторов наук, что особенно критично для обеспечения технологического суверенитета [8, с. 304]. Сокращение профессорско-преподавательского состава вузов создает угрозу воспроизводству квалифицированных кадров для экономики.

Санкции западных стран выявили пробелы в конституционно-правовом регулировании экономической безопасности. Статья 15 Конституции, предусматривающая приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, вступает в противоречие с необходимостью защиты национальных интересов в условиях экономической агрессии. Отсутствует специальный конституционный механизм введения контрсанкций и защиты внутреннего рынка.

Правоприменительная практика свидетельствует о необходимости закрепления на конституционном уровне права государства на специальные экономические меры в условиях внешних угроз. Аналогичные механизмы существуют в законодательстве дружественных государств, например, в КНР и Индии, что обеспечивает большую гибкость в реагировании на экономическое давление.

Конституционные принципы федерализма (ст. 5) реализуются недостаточно эффективно в сфере экономической безопасности. Значительные региональные диспропорции в уровне социально-экономического развития создают системные риски. Депрессивные регионы не способны самостоятельно обеспечивать свою экономическую безопасность, а федеральные трансферты носят преимущественно социальный характер.

Отсутствует конституционный механизм дифференциации полномочий субъектов РФ в зависимости от их экономического потенциала. Федеральные органы власти фактически централизуют ключевые рычаги экономического регулирования, что снижает заинтересованность регионов в самостоятельном развитии.

Статья 35 Конституции гарантирует неприкосновенность собственности, однако правоприменительная практика показывает системные нарушения прав инвесторов. Растущая административная нагрузка, непрозрачность процедур и коррупционные риски отпугивают как внутренние, так и внешние инвестиции. Конституционный Суд неоднократно признавал практику государственных органов не соответствующей Конституции, однако системные изменения отсутствуют.

По итогам проведенного исследования следует выделить предложения по совершенствованию конституционно-правового обеспечения экономической безопасности.

1. Идеологические и институциональные изменения. Необходимость закрепления на конституционном уровне принципа экономического суверенитета как неотъемлемой составляющей государственного суверенитета. Предлагается дополнить статью 4 Конституции положением: «Российская Федерация обеспе-

чивает экономический суверенитет, включая независимость в ключевых отраслях экономики, технологический суверенитет и защиту национальных экономических интересов».

2. Совершенствование федеративных отношений. Разработка механизма дифференциации экономических полномочий субъектов РФ в зависимости от их социально-экономического развития. Предлагается дополнить статью 73 Конституции положением о праве Президента Российской Федерации устанавливать особые режимы экономического развития для регионов с высоким уровнем риска.

3. Механизмы защиты от внешних экономических угроз. Закрепление на конституционном уровне права государства на введение специальных экономических мер в условиях внешних угроз. Предлагается дополнить статью 55 положение 4: «В целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации федеральные законы могут устанавливать особые экономические режимы, включая контрсанкции, ограничение внешнеэкономических операций и иные меры защиты национальной экономики».

4. Гарантии технологического суверенитета. Введение в статью 71 предмета ведения Российской Федерации: «государственный заказ на фундаментальные и прикладные научные исследования, обеспечение технологического суверенитета в критически важных отраслях экономики». Создание конституционного механизма финансирования науки не менее 4% ВВП.

5. Защита прав собственности и инвестиций. Уточнение содержания статьи 35, дополнение ее положением: «Государство гарантирует равную защиту всех форм собственности и создает условия для свободного предпринимательства. Любые ограничения прав собственника допускаются только федеральным законом в целях обеспечения экономической безопасности».

6. Институциональные реформы. Создание на конституционном уровне Совета по экономической безопасности при Президенте Российской Федерации с полномочиями координации деятельности всех ветвей власти в данной сфере. Дополнение статьи 83 полномочий Президента: «координирует деятельность органов государственной власти по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации».

Анализ современного состояния конституционно-правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации выявил системные проблемы, требующие комплексного решения. Основные угрозы – сырьевой харак-

тер экономики, технологическое отставание, региональные диспропорции, санкционное давление и слабость правоприменительных механизмов – обуславливают необходимость конституционных преобразований.

Предложенные меры совершенствования включают закрепление принципа экономического суверенитета, создание механизмов дифференциации федеративных полномочий, введение конституционных гарантий технологического суверенитета, установление особых экономических режимов для защиты от внешних угроз и институциональные реформы в сфере координации государственной политики.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.
3. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
4. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрании законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II) ст. 5351.
5. Гусаим И. В. К вопросу о роли конституционных норм в обеспечении безопасности личности, общества и государства // Закон и право. 2025. № 10.
6. Качелин А., Соколов М. Проблемы экономической и энергетической безопасности и технологического суверенитета в России // Экономика и управление. 2025. № 3.
7. Мустафина Г. Г., Сергеев Н. А. Инновационный потенциал в системе факторов обеспечения экономической безопасности России // Beneficium. 2024. № 3 (52).
8. Полтораднева Н. Л. Метод потоков в диагностике угроз национальной экономической безопасности России // Идеи и идеалы. 2024. № 2.
9. Самылина Ю. Н. Современные угрозы экономической безопасности России: анализ и пути противодействия // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 4 (174).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ АРХИТЕКТУРА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

***Аннотация.** Статья посвящена анализу конституционно-правовой архитектуры информационной безопасности и цифровых прав личности в условиях трансформации государственного суверенитета под влиянием тотальной цифровизации. Авторы рассматривают эволюцию категорий цифрового суверенитета личности и государства, роль человеческого достоинства как барьера технократической редукции, а также необходимость баланса между публичными интересами безопасности и частными правами, включая право на забвение и защиту от алгоритмического произвола. Предлагается создание Цифрового кодекса РФ для консолидации норм в сфере ИИ, больших данных и персональной информации.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, цифровой суверенитет, цифровые права личности, право на забвение, технологический суверенитет, человеческое достоинство, искусственный интеллект.*

Современный этап глобального цивилизационного развития характеризуется тотальной цифровизацией всех сфер общественной и государственной жизни, что выступает не только мощным катализатором экономического роста, но и фундаментальным вызовом для классической системы конституционных ценностей, требуя глубокого научного переосмысления категории государственного суверенитета и правового статуса личности в условиях киберпространства. Глобальный характер информационного обмена, фактическое стирание границ в виртуальной среде и повсеместное внедрение сложных алгоритмических систем управления формируют принципиально новую правовую реальность, в которой информация трансформируется в уникальный ресурс и инструмент политической власти, порождая при этом высокую степень неопределенности в вопросах демаркации достоверных данных и преднамеренных искажений [4, с. 99]. В данных обстоятельствах обеспечение информационной безопасности эволюционирует из прикладной технической задачи в стратегическую национальную политику, получившую свое закрепление на высшем конституционном уровне в

результате масштабных системных преобразований отечественного законодательства.

Конституция Российской Федерации [1], провозглашая в статье 45 защиту прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью, устанавливает фундамент для цифровизации этих прав, включая право на неприкосновенность частной жизни и персональных данных (статья 23), что в контексте информационной безопасности государства требует не только декларативного закрепления, но и императивных механизмов реализации, способных противостоять вызовам, таким как несанкционированное распространение информации и манипуляция общественным сознанием через цифровые платформы [9, с. 45]. Взаимодействие цифровых прав с конституционными принципами проявляется в необходимости признания цифрового суверенитета личности как производной от государственного суверенитета, где право на забвение, сформулированное в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2], эволюционирует в инструмент конституционной защиты достоинства личности (статья 21 Конституции РФ), позволяя субъектам данных требовать удаления устаревшей или недостоверной информации из поисковых систем и баз данных, тем самым гармонизируя индивидуальные интересы с коллективной безопасностью [5, с. 317; 7, с. 100]. Информационная безопасность государства, определенная в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] как состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, предполагает интеграцию цифровых прав в систему стратегического планирования, где угрозы, исходящие от внешних акторов, таких как платформы с иностранным участием, нейтрализуются через укрепление технологического суверенитета, без ущерба конституционным гарантиям свободы информации [6, с. 170; 9, с. 48].

Центральное место в контуре этой модели занимает человеческое достоинство, которое в условиях агрессивной алгоритмизации и повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта приобретает качественно новое звучание, трансформируясь в концепцию «неприкосновенного человеческого ядра», представляющего собой сферу фундаментальных атрибутов личности, не подлежащих количественной оценке, оптимизации или автоматизированной коррекции со стороны техносистем [10, с. 94]. Экспансия технократической парадигмы, стремящейся к редукции человеческой сущности до набора статистических показателей и цифровых профилей, вступает в глубокое системное противоречие с антропоцентрической природой права, где достоинство индивида служит незыблемой «правовой осью» для всего комплекса свобод и законных интересов.

Информационная безопасность в современных условиях перестает восприниматься как узкоспециализированная категория и обретает статус комплексного социально-правового явления, выступая необходимым фундаментом для реализации конституционных прав, обеспечения достойного качества жизни и достижения целей устойчивого социально-экономического развития государства [6, с. 170].

В рамках актуальной российской правовой доктрины информационная безопасность личности детерминируется как состояние защищенности жизненно важных интересов человека от широкого спектра внутренних и внешних угроз, включая защиту от деструктивного информационно-психологического воздействия, манипулятивных технологий и несанкционированной компрометации персональных данных. При этом стратегическим вектором обеспечения безопасности в данной области является укрепление государственного суверенитета, который в цифровой среде манифестируется через способность органов публичной власти технологически и законодательно гарантировать независимость государства и защиту прав граждан от глобальных рисков и внешнего вмешательства.

Процесс цифровой трансформации обуславливает появление и активное внедрение в юридический оборот категории «цифровой суверенитет», под которым понимается суверенная возможность государства самостоятельно и независимо определять способы своего участия в информационной деятельности, а также эффективно реализовывать национальные интересы при противодействии трансграничным противоправным деяниям [9, с. 49].

В контексте обеспечения национальной безопасности технологический суверенитет становится базовым, обязательным условием, предполагающим создание и развитие отечественной микроэлектронной базы, системного программного обеспечения и независимой инфраструктуры связи для минимизации рисков зависимости от внешних факторов влияния и санкционного давления.

Параллельно с развитием государственного суверенитета в научно-правовой дискурс входит понятие «цифровой суверенитет личности», ядром которого выступает право человека на автономное управление своими данными и создание защищенной цифровой идентичности в условиях тотальной прозрачности виртуальной реальности [7, с. 100].

Взаимодействие цифровых прав и системы информационной безопасности требует четкой правовой классификации субъектов, среди которых ключевую роль начинают играть не только непосредственные обладатели информации, но и так называемые «агенты информационной инфраструктуры» – владельцы

платформ, операторы информационных систем и провайдеры доступа, чья деятельность носит посреднический, но определяющий характер [4, с. 104].

Для формирования среды доверия в этой сфере необходимо внедрение специализированных институтов экспертов и аудиторов в области информационной безопасности, наделенных полномочиями проводить независимую оценку уровня защищенности данных и проверять соответствие применяемых алгоритмов этическим и правовым нормам.

В частности, обоснованным представляется создание института Омбудсмана по этике искусственного интеллекта, обладающего инструментарием для преодоления «эпистемического барьера», выражающегося в получении доступа к закрытому исходному коду систем для предотвращения алгоритмического произвола и дискриминации [10, с. 98].

Трансформация классических конституционных прав в цифровую эпоху проявляется в возникновении их виртуальных проекций, где, например, право на объединение успешно реализуется через создание сообществ в метавселенных, а свобода массовой информации находит свое выражение в возможности индивидуальной фильтрации информационных потоков самим пользователем на основе его предпочтений [5, с. 317].

Ключевым элементом цифрового суверенитета личности выступает право на «забвение», позволяющее гражданину требовать удаления персональных данных из результатов выдачи поисковых систем при их неактуальности или нарушении законодательных требований, что напрямую коррелирует с необходимостью охраны «неприкосновенного ядра» частной жизни [7, с. 102]. Однако эффективная практическая реализация данного права неизбежно сталкивается с острой правовой дилеммой поиска баланса между частными интересами личности и законным правом общества на доступ к информации, обладающей исторической, научной или высокой социальной значимостью.

Важнейшим аспектом современной правовой модели является поиск гармонии между публичными интересами государственной безопасности и частными интересами неприкосновенности частной жизни, поскольку информационная безопасность личности в рамках ее цифрового профиля должна гарантировать безусловную достоверность, релевантность и надежность данных, исключая всякую возможность их скрытой коммерциализации или использования для манипуляции поведением через технологии аффективных вычислений.

Концепция цифрового «правового щита» провозглашает приоритет человека над алгоритмом, устанавливая жесткий запрет на делегирование исключи-

тельных властных полномочий машинам, лишенным сознания и морально-нравственных ориентиров, и одновременно закрепляя право индивида на получение прозрачного объяснения логики любого автоматизированного решения. При этом цифровая трансформация правового статуса личности предполагает органичный синтез классических прав с новыми категориями, такими как право на цифровую идентификацию, право на доступ к интернету и право на защиту от автоматизированного профилирования [8, с. 79].

Нарастание комплексных угроз в информационном пространстве, включая кибервойны, кибертерроризм и масштабные фишинговые кампании, диктует необходимость системной кодификации законодательства и выработки превентивных мер правового воздействия на правонарушителей. В свете данных вызовов актуальной становится инициатива по принятию Цифрового кодекса Российской Федерации, который должен консолидировать нормы, регулирующие правоотношения в сфере искусственного интеллекта, больших данных и защиты персональной информации [5, с. 318]. Обеспечение информационной безопасности государства невозможно без радикального совершенствования механизмов защиты личности от мошенничества, что требует существенного ужесточения ответственности посредников-соучастников, таких как «дропперы», и законодательной имплементации новых концептуальных основ информационной безопасности в документы стратегического планирования.

Реализация указанных конституционных принципов требует глубокого совершенствования отраслевых правовых режимов, включая административное, уголовное и гражданское право. В частности, назрела необходимость ужесточения санкций против операторов данных за несанкционированный оборот персональных сведений и уточнения уголовно-правовых диспозиций в части компьютерных преступлений, которые должны охватывать все формы неправомерного цифрового воздействия, а не ограничиваться лишь фактами уничтожения или модификации информации.

В гражданском обороте цифровые активы и информация требуют усиления гарантий материальной ответственности операторов платформ за убытки, возникшие вследствие технических сбоев или утраты данных по вине провайдера. Развитие электронной демократии институционализирует новые формы участия населения в управлении делами государства, расширяя прозрачность политических процессов, но одновременно порождает риски возникновения «цифрового концлагеря», где тотальный сбор данных может быть использован для подавления автономии воли.

Таким образом, интеграция цифровых прав в конституционную ткань, гармонизация интересов личности с требованиями государственной безопасности и укрепление технологического суверенитета формируют правовой каркас устойчивости современной России как демократического правового государства в XXI веке.

Интеграция цифровых прав в конституционную архитектуру государства обеспечивает гармоничное сочетание индивидуальных свобод с требованиями национальной безопасности, укрепляя технологический суверенитет России. Создание специализированных институтов, таких как Омбудсмен по этике ИИ, и принятие Цифрового кодекса позволят эффективно противостоять киберугрозам и технократической экспансии. В итоге формируется правовой каркас устойчивого демократического государства XXI века, где приоритет человека над алгоритмом гарантирует достойное качество жизни в цифровой эпоху.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
4. Гаврилова Ю. А. Конституционализация информационной безопасности в российском праве: проблема совершенствования теоретической модели // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 1. С. 97–116.
5. Казакова Е. Б., Нарматова С. Э. Правовые аспекты информационной безопасности в свете новых вызовов и угроз национальной безопасности современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 316–319.
6. Конохов М. В. Правовые средства обеспечения информационной безопасности личности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 169–172.
7. Остапович И. Ю., Шахновская И. В. Право на забвение в контексте развития концепции цифрового суверенитета личности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2024. № 4 (69). С. 100–103.

8. Петрова Р. Е., Палтаджян С. Г. Конституционная трансформация правового статуса личности в цифровую эпоху // Вестник Академии права и управления. 2025. № 2. С. 77–83.

9. Полякова Т. А., Троян Н. А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41–53.

10. Саудаханов М. В. Человеческое достоинство как конституционный барьер технократической редукции: механизмы защиты «неприкосновенного ядра» личности в цифровую эпоху // Закон и право. 2025. № 11. С. 94–98.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию правового регулирования конституционных основ социальных прав человека в РФ. Рассматривается система социальных прав, закрепленных в Конституции РФ, включая право на труд, социальное обеспечение, охрану здоровья, образование и жилище. Особое внимание уделяется современным механизмам реализации данных прав и изменениям в законодательстве, направленным на повышение социальной защищенности граждан. Анализируется роль государства в обеспечении гарантий социальных прав и развитии социальной политики. Сделан вывод о том, что социальные права формируют комплексную систему правовых гарантий для достойного уровня жизни и устойчивого развития общества.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ, социальные права, конституционное право, основные права человека и гражданина, конституционные основы.*

В условиях современного правового государства права и свободы человека и гражданина признаются высшей общественной ценностью. Значительное место среди них занимают социальные права, поскольку именно они направлены на обеспечение достойного уровня жизни населения, социальной защищенности граждан, а также создание равных возможностей для всех членов общества. Конституция Российской Федерации закрепляет широкий перечень социальных прав и свобод, одновременно провозглашая Россию социальным государством, государственная политика которого ориентирована на формирование условий, обеспечивающих достойную жизнь человека и его свободное развитие.

Правовое регулирование конституционных основ социальных прав представляет собой многоуровневую и сложную систему правовых норм, институтов и механизмов, направленных на гарантирование и практическую реализацию данных прав. В связи с этим особую научную и практическую значимость приобретает анализ особенностей их конституционного закрепления, а также изучение специфики правового регулирования и механизмов обеспечения социальных прав в современной правовой системе.

Закрепление социальных прав на конституционном уровне в Российской Федерации базируется на принципе социального государства. Содержание данного принципа предполагает обязанность государства формировать условия, обеспечивающие социальную справедливость, оказывать поддержку наиболее уязвимым категориям населения и развивать систему социальных гарантий и мер социальной защиты.

Конституция Российской Федерации закрепляет широкий круг социальных прав граждан. К ним относятся право на социальное обеспечение, охрану здоровья и получение медицинской помощи, образование, жилище, а также право на труд и защиту от безработицы. Эти положения формируют базовую правовую основу, на которой выстраивается государственная социальная политика.

Характерной особенностью конституционного закрепления социальных прав является их программная направленность. Нормы Основного закона задают общие ориентиры и определяют приоритеты деятельности государства в социальной сфере, тогда как их конкретное содержание и механизмы реализации раскрываются в федеральных законах и иных нормативных правовых актах.

Право человека на охрану здоровья и доступ к медицинской помощи по праву считается одним из важнейших социальных прав. Согласно статье 41 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется защита здоровья, включающая в себя возможность получения медицинской помощи. При этом законодательство устанавливает, что в государственных и муниципальных медицинских учреждениях такая помощь оказывается гражданам на безвозмездной основе. Финансовое обеспечение данной сферы осуществляется за счет средств бюджетов разных уровней, ресурсов системы обязательного медицинского страхования, а также иных предусмотренных законом источников.

Для практической реализации конституционных гарантий ежегодно утверждается программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи населению. На 2026 год принята соответствующая программа, которая также определяет основные параметры обеспечения медицинской помощи на плановый период 2027–2028 годов. Важное значение в финансовом обеспечении данной системы имеет Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, бюджет которого на 2026 год превышает 4 триллиона рублей. При этом значительная часть средств – около 3,9 триллиона рублей – направляется в субъекты Российской Федерации для реализации территориальных программ обязательного медицинского страхования. Проведенная индексация финансирования на уровне 8,6 % призвана повысить эффективность реализации конституционных гарантий в сфере охраны здоровья граждан.

В научной и юридической литературе неоднократно акцентируется внимание на высокой социальной значимости права на охрану здоровья и получение медицинской помощи. Отмечается, что данное право принадлежит каждому человеку, находящемуся на территории Российской Федерации, и подлежит обязательному признанию, соблюдению и защите со стороны государства. При этом на государственные органы возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные и экономические условия, обеспечивающие его полноценную реализацию. Уровень здоровья населения рассматривается как ключевой общественный ресурс и стратегически важная ценность, оказывающая непосредственное влияние на устойчивое развитие общества и государства. В связи с этим формирование эффективной системы здравоохранения относится к числу приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации.

Функционирование системы здравоохранения служит одним из важнейших показателей социальной направленности государства. В этой связи особую значимость приобретает закрепленное в Конституции положение, согласно которому сокрытие должностными лицами информации о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу жизни и здоровью граждан, влечет установленную федеральным законодательством ответственность.

В соответствии с частью 3 статьи 37 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на труд. Труд рассматривается как естественный способ реализации способностей человека, обладающего трудоспособностью, и выступает одним из ключевых факторов обеспечения достойного уровня жизни. Принцип свободы труда, закрепленный в Основном законе, предполагает, что человек самостоятельно определяет сферу своей занятости, выбирает профессию и вид деятельности, а также свободно распоряжается своими профессиональными умениями и навыками.

Важным элементом регулирования трудовых отношений является обеспечение справедливой оплаты труда. В соответствии с Европейской социальной хартией, размер заработной платы должен позволять поддерживать достойный уровень жизни как самого работника, так и членов его семьи. Часть 3 статьи 37 Конституции РФ также закрепляет гарантии труда в условиях, соответствующих требованиям безопасности и гигиены, а также право на получение вознаграждения без дискриминации и не ниже минимального уровня, установленного федеральным законодательством. По состоянию на 1 января 2026 года минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации составляет 27 093 рубля в месяц.

Неотъемлемой частью права на труд является гарантия защиты от безработицы, закрепленная в статье 37 Конституции Российской Федерации, а также в

положениях Трудового кодекса РФ и Закона «О занятости населения в Российской Федерации». Согласно макроэкономическому опросу Банка России, проведенному в феврале 2026 года, прогнозируемый уровень безработицы в стране в 2026 году составит примерно 2,4 %, что заметно ниже значений предыдущих лет. Одновременно ожидается рост номинальной заработной платы на 8,2 %, а реальной – на 2,7 %.

Право на отдых установлено в части 5 статьи 37 Конституции Российской Федерации и конкретизируется нормами трудового законодательства. Его социальное значение выражается в обязанности государства формировать условия, позволяющие гражданам в полной мере реализовывать данное право. С учетом его важности для общества, устранение существующих недостатков и противоречий в правовом регулировании этой сферы продолжает оставаться одной из приоритетных задач законодателя.

Положение Конституции Российской Федерации о защите государством материнства, детства и семьи закреплено в части 1 статьи 38. Семья как важнейший социальный институт выступает основой стабильного развития общества и государства, поэтому ее охрана, а также поддержка детей относятся к числу приоритетных направлений государственной политики. В целях реализации данных гарантий государство проводит комплексную политику, направленную на повышение доступности и уровня медицинской помощи для матерей и детей, расширение сети дошкольных образовательных учреждений, а также предоставление различных льгот и компенсаций. Поддержка оказывается многодетным и малообеспеченным семьям, семьям, воспитывающим детей с инвалидностью, а также приемным семьям. Кроме того, предусмотрены различные виды социальных выплат. В федеральном бюджете на 2026 год заложены значительные финансовые ресурсы на поддержку семей с детьми, включая финансирование единого пособия, получателями которого являются около 10 миллионов человек.

Одним из приоритетных направлений государственной социальной политики выступает поддержка студенческих семей. С 1 сентября 2026 года начинают действовать изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которыми высшие учебные заведения обязаны обеспечивать нуждающиеся студенческие семьи отдельными жилыми помещениями в общежитиях.

Важное место в системе конституционных прав занимает право на социальное обеспечение. Согласно статье 39 Конституции РФ, каждому гарантируется государственная поддержка при наступлении определенных жизнен-

ных обстоятельств, таких как достижение пожилого возраста, заболевание, инвалидность, потеря кормильца, воспитание детей и иные случаи, установленные законом.

Социальное обеспечение осуществляется в разных формах, которые обычно подразделяются на денежные и натуральные. К первой категории относятся пенсии и прочие выплаты, выраженные в денежной форме, ко второй – социальные услуги, предоставляемые как на дому, так и в специализированных учреждениях. В 2026 году продолжается расширение сети реабилитационных центров для людей с ограниченными возможностями здоровья, включая детей, взрослых, а также участников специальной военной операции.

Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации, на государство возложена обязанность содействовать развитию жилищного строительства и формировать условия для реализации права граждан на жилье. В свою очередь, статья 17 Конституции РФ закрепляет, что данное право принадлежит каждому с момента рождения, что свидетельствует о его неотчуждаемом характере и невозможности ограничения или лишения иначе как в случаях, прямо предусмотренных Основным законом. Даже в условиях чрезвычайного положения право на жилье сохраняется и не подлежит ограничению.

В жилищное законодательство внесены изменения, которые начнут действовать с 1 марта и 1 сентября 2026 года. Они связаны с исключением положений о муниципальном жилищном контроле из ряда норм Жилищного кодекса РФ, а также с уточнением требований к размещению информации в системе со стороны ресурсоснабжающих организаций и управляющих компаний многоквартирных домов.

В заключение следует подчеркнуть, что социальные права занимают значимое место в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Их закрепление в Конституции отражает ориентированность государственной политики на социальную защиту населения и создание достойных условий жизни. Реализация этих прав невозможна без комплексного правового регулирования и действенных механизмов государственной поддержки. Важную роль играет также постоянное обновление законодательства и развитие социальных институтов. Лишь при последовательном осуществлении указанных мер возможно полноценное обеспечение социальных гарантий и укрепление основ социального государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
3. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2023. – 928 с.
5. Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: Проспект, 2022. – 592 с.
6. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 521 с.
7. Чиркин В. Е. Конституционное право: учебник. – М.: Норма, 2022. – 656 с.

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК НОВЫЙ ВИД КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация.** В статье цифровые права рассматриваются не как самостоятельное поколение прав человека, а как новый способ реализации классических конституционных прав в условиях цифровизации. Анализируются проблемы защиты метаданных, алгоритмической приватности и влияние искусственного интеллекта на право на цифровое самоопределение. На основе сравнительно-правового анализа предлагаются подходы к конституционному толкованию действующих норм применительно к цифровой среде.*

***Ключевые слова:** цифровые права, конституционные права человека, право на доступ в интернет, метаданные, цифровое самоопределение, информационное самоопределение.*

Категория прав человека, пройдя в своем развитии три поколения (личные, политические, социально-экономические), в настоящее время испытывает мощнейшее трансформирующее воздействие со стороны цифровой среды. Возникает закономерный вопрос: образуют ли правомочия, реализуемые индивидом в виртуальном пространстве, качественно новую (четвертую) генерацию прав, или же мы наблюдаем процесс адаптации классических институтов к изменившимся условиям?

Дискуссия осложняется тем обстоятельством, что цифровая среда обладает собственной нормативностью, которую Лоуренс Лессиг метко охарактеризовал как «власть кода». Конституционное право, традиционно ориентированное на регулирование отношений в физическом мире, вынуждено искать новые механизмы гарантирования свободы личности. Цель настоящей работы – определить, обладают ли «цифровые права» признаками конституционных и требуют ли они специального закрепления.

Анализ доктринальных источников позволяет выявить три подхода к пониманию данного феномена.

Первый (узкоотраслевой) представлен цивилистами. В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ цифровые права – это разновидность обязательственных прав, содержание которых определяется правилами информационной системы. Данная трактовка, будучи удобной для оборота токенов, совершенно недостаточна

для конституционно-правового дискурса, поскольку сводит проблему к имущественной составляющей, игнорируя личностный аспект.

Второй (расширительный) исходит из того, что цифровые права охватывают весь спектр возможностей индивида в киберпространстве: от доступа к сети до защиты от дискриминации со стороны алгоритмов. Здесь уместно вспомнить позицию В. Д. Зорькина, неоднократно указывавшего на необходимость баланса между технологическим развитием и неприкосновенностью частной жизни.

Третий (инструментальный) рассматривает цифровые права как способ реализации классических прав в новой среде. Данная позиция не учитывает появления принципиально новых угроз, не имевших аналогов в аналоговую эпоху. При этом нельзя забывать, что согласно ст. 55 Конституции РФ, «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина», что открывает возможность для признания цифровых прав даже при их отсутствии в тексте Основного закона.

Классическое понимание частной жизни, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ, предполагало тайну переписки и личную тайну. Цифровая реальность породила феномен «следовой информации». Речь идет не о содержании коммуникации, а о метаданных: кто, когда, с кем, как долго общался, с какого устройства. Как справедливо заметила судья Верховного суда США Соня Сотомайор, метаданные могут рассказать о человеке больше, чем содержание разговора.

Возникает парадокс: формально содержание переписки защищено, но информация о самом факте коммуникации собирается и анализируется. Государство и корпорации получают возможность тотального профилирования личности без формального нарушения тайны связи. Конституционная доктрина пока не выработала адекватного ответа на этот вызов. Попытки применить к метаданным режим тайны связи наталкиваются на сопротивление операторов и спецслужб, ссылающихся на необходимость противодействия терроризму. Между тем, именно здесь формируется потребность в признании права на алгоритмическую приватность как конституционной гарантии.

Дискуссия о праве на доступ к сети является наиболее показательной с точки зрения формирования новых стандартов. В 2016 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую преднамеренное лишение доступа к интернету.

Ситуация изменилась после пандемии COVID-19. Опыт 2020–2021 годов продемонстрировал, что отсутствие доступа к сети блокирует реализацию права на образование (дистанционные форматы), права на труд (удаленная работа) и

права на доступ к медицинской помощи (телемедицина). Когда государство переводит услуги в электронную форму, оно принимает корреспондирующую обязанность обеспечить граждан возможностью эти услуги получать. Значимость доступа к интернету подчеркивается и позицией Конституционного Суда РФ, который в своих определениях обращает внимание на проблему цифрового неравенства.

Фактически это право становится конституционной гарантией реализации иных фундаментальных прав. Данный подход уже нашел прямое закрепление в конституциях Франции, Коста-Рики и Греции.

Дискуссия о праве на цифровое самоопределение получила новый импульс в 2024 году после инцидента с генерацией порнографических материалов методом дипфейк. Пострадавшая сторона не смогла опереться на статью 152.1 ГК РФ, так как ее действие ограничено оборотом реальных фотографий. Созданный же искусственно образ, не имеющий оригинального фотоснимка-первоисточника в контексте съемки, остался вне правового поля. Данный случай демонстрирует, что защита требует не просто контроля над данными, а конституционного права на целостность цифровой личности.

Данный пример демонстрирует, что цифровая среда способна атаковать не просто репутацию, а идентичность человека. Защита от подобных посягательств требует конституционного уровня гарантий. В Германии еще в 1983 году Федеральный конституционный суд вывел из общих положений Основного закона «право на информационное самоопределение», задолго до появления интернета в его современном виде. Этот опыт заслуживает адаптации.

В эпоху автоматизированного принятия решений (кредитные скоринги, отбор кандидатов, оценка налоговых рисков) человек оказывается в ситуации «черного ящика». Система может отказать в кредите или пособии, не предоставляя обоснования.

В Европейском союзе в рамках регулирования искусственного интеллекта разрабатывается концепция «права на объяснение». Человек имеет право требовать, чтобы решение, существенно влияющее на его права, было объяснено понятным языком, а не просто выдано алгоритмом. Это напрямую коррелирует с конституционным правом на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ): невозможно обжаловать то, логика чего неясна.

В российском правовом поле данный институт пока отсутствует. Однако представляется, что без его признания право на защиту от дискриминации остается декларативным.

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько моделей.

Если европейская модель (Германия, Франция) базируется на признании цифровых свобод судами (как право на информационное самоопределение в ФРГ с 1983 г.), а латиноамериканская – на их конституционном закреплении (доступ к ИТ в Коста-Рике), то постсоветская модель (РФ, Казахстан) демонстрирует иной путь. Здесь права личности в цифре защищены слабо, регулирование точечное и направлено в первую очередь на контроль. Пример – поправки 2020 года в Конституцию РФ, где цифровая повестка свелась к обеспечению приоритета отечественных интернет-ресурсов. В частности, ст. 67.1 Конституции РФ, хотя и не говорит прямо о цифровых правах, задает общий вектор: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности», что в современном контексте неизбежно включает и защиту информационного пространства.

Таким образом, цифровые права, будучи относительно новым явлением, полностью соответствуют критериям конституционных: они неотчуждаемы, принадлежат каждому с рождения и служат защите человеческого достоинства. Их особенность состоит не в отрицании прав предыдущих поколений, а в создании дополнительных механизмов защиты свободы в эпоху, когда угрозы исходят не только от государств, но и от транснациональных корпораций и самой цифровой среды. Оптимальным видится не включение в Конституцию обширного перечня новых прав, а конституционное толкование высшими судебными инстанциями, распространяющее гарантии статей 23, 24, 29, 45 на цифровую сферу. Эволюция конституционализма, вероятно, приведет к созданию «цифрового Habeas Corpus» – набора процессуальных гарантий, оберегающих личность от вторжения через цифровые технологии. В этом контексте цифровые права правильнее считать не новым перечнем прав, а современным измерением уже существующих классических свобод.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации» // Российская газета. № 32. 08.02.1992.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
5. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – Т. 1. – 864 с.
6. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности: цифровое измерение // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 1–8.
7. Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: к 30-летию Конституции РФ. – М.: Норма, 2023. – 224 с.
8. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Государство и право. 2021. № 2. С. 15–25.
9. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Цифровые технологии в праве: теоретико-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 1. С. 34–48.
10. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – М.: Проспект, 2021. – 656 с.

РОЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: МИГРАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретико-методологические основы обеспечения экономической безопасности региона на примере Ростовской области. Анализируется влияние миграционных процессов на ключевые показатели экономической безопасности субъекта федерации в условиях современной геополитической ситуации. Особое внимание уделяется институциональной инфраструктуре как фактору устойчивого развития региона. На основе системного подхода предложена комплексная модель оценки угроз экономической безопасности с учетом региональной специфики.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность региона, Ростовская область, миграционные процессы, институциональная инфраструктура, региональное развитие, асимметрия субъектов РФ.*

Современные геополитические вызовы и санкционное давление актуализируют проблематику обеспечения экономической безопасности на региональном уровне. Ростовская область как субъект Российской Федерации, обладающий стратегическим географическим положением на юге страны и выполняющий функции важного транспортно-логистического узла, представляет особый интерес для исследования вопросов экономической безопасности в контексте регионального развития. Экономическая безопасность региона, согласно устоявшейся в научной литературе трактовке, представляет собой состояние социально-экономической системы, которое позволяет обеспечить устойчивое развитие, защиту жизненно важных интересов и противостояние внутренним и внешним угрозам.

В условиях демографического спада и структурных преобразований экономики миграционные процессы приобретают особую значимость для регионального развития. Как отмечают А. Н. Литвиненко и М. А. Подвойская, дифференцированные миграционные потоки оказывают существенное влияние на показатели экономической безопасности субъекта федерации, формируя как позитивные, так и негативные эффекты [6, с. 21]. Для Ростовской области, традиционно являющейся привлекательным регионом для миграции, данная проблематика

имеет особую актуальность в свете ее пограничного положения и сложной этнодемографической структуры.

Институциональная инфраструктура выступает ключевым элементом в системе обеспечения экономической безопасности, поскольку именно институты определяют правила взаимодействия экономических агентов, формируют инвестиционный климат и создают условия для устойчивого развития. В контексте Ростовской области институциональные аспекты экономической безопасности требуют особого рассмотрения в связи с наличием специфических региональных особенностей, включая приграничное положение, многонациональный состав населения и сложную историю формирования хозяйственного комплекса.

Конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации имеет существенные различия, обусловленные историческими, национальными и экономическими факторами. Ростовская область как субъект РФ, не обладающий статусом республики, тем не менее, имеет значительный потенциал для самостоятельного определения элементов своего экономического развития в рамках установленных федеральным законодательством полномочий.

Миграционная ситуация в Ростовской области характеризуется сложной динамикой и структурой потоков. Регион традиционно привлекает мигрантов как из других субъектов Российской Федерации, так и из стран ближнего зарубежья. Согласно методологии, предложенной А. Н. Литвиненко и М. А. Подвойской, влияние миграционных процессов на экономическую безопасность следует оценивать через систему показателей, отражающих различные аспекты социально-экономического развития [6, с. 24].

Анализ влияния миграции на ключевые показатели экономической безопасности Ростовской области позволяет выявить следующие закономерности. Во-первых, миграционный прирост оказывает положительное влияние на демографическую ситуацию в регионе, компенсируя естественную убыль населения. Однако, как отмечается в исследованиях, качественный состав миграционных потоков имеет существенное значение, так как приток низкоквалифицированной рабочей силы при одновременной эмиграции высококвалифицированных специалистов создает структурные дисбалансы на рынке труда. Во-вторых, миграционные процессы влияют на уровень валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. Согласно расчетам, представленным в исследованиях, внутренняя миграция вносит прямо пропорциональный вклад в совокупный ВРП, но не меняет ВРП на душу населения, в то время как международная иммиграция может снижать данный показатель пропорционально своей численности. Для Ростовской области, имеющей значительный объем международной миграции,

данный аспект требует особого внимания при разработке региональной миграционной политики. В-третьих, миграция оказывает влияние на уровень преступности в регионе. Как отмечают исследователи, статистические данные свидетельствуют об изменении характера преступности мигрантов со смещением баланса в пользу деяний небольшой и средней степени тяжести. Для Ростовской области, обладающей протяженной государственной границей, вопросы контроля миграционных процессов и профилактики правонарушений среди мигрантов приобретают особую значимость.

Институциональная инфраструктура Ростовской области представляет собой сложную систему формальных и неформальных институтов, регулирующих экономические отношения в регионе. Как отмечает Т. Г. Логутова, безопасность логистических систем играет важную роль в формировании экономической безопасности государства, однако следует учитывать, что логистическая отрасль сама подвержена влиянию внешних и внутренних факторов [5, с. 118].

Транспортно-логистический комплекс Ростовской области, включающий морские порты, железнодорожные узлы и автомобильные магистрали, является ключевым элементом региональной экономики. В условиях санкционного давления и изменения логистических маршрутов обеспечение безопасности данной инфраструктуры приобретает стратегическое значение. Как справедливо отмечают исследователи, угрозы экономической безопасности логистических систем могут возникать на различных уровнях – мегауровне (глобальные угрозы), макроуровне (государственные угрозы), мезоуровне (региональные угрозы) и микроуровне (угрозы предприятиям).

Институты развития, включая особые экономические зоны, территории опережающего развития и инновационные кластеры, играют важную роль в обеспечении экономической безопасности Ростовской области. Создание благоприятного инвестиционного климата и развитие инновационной инфраструктуры способствуют диверсификации экономики региона, снижая его зависимость от отдельных отраслей и повышая устойчивость к внешним шокам.

Цифровая трансформация институциональной инфраструктуры представляет собой современный тренд, оказывающий значительное влияние на экономическую безопасность региона. Как отмечает А. С. Васильчук, основные тренды цифрового развития, включая искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и большие данные, создают новые возможности для обеспечения экономической безопасности, но одновременно формируют новые вызовы и угрозы [4, с. 172]. Для Ростовской области, активно развивающей цифровую инфраструктуру, вопросы кибербезопасности и защиты цифровых активов становятся важным элементом системы экономической безопасности.

Ростовская область в контексте общероссийских тенденций демонстрирует определенную социально-экономическую асимметрию как в сравнении с другими субъектами Федерации, так и во внутрирегиональном разрезе. Как отмечают исследователи, различия в уровне социально-экономического развития субъектов РФ являются существенным фактором, влияющим на экономическую безопасность страны в целом [3, с. 26].

Анализ показателей экономического развития Ростовской области позволяет выявить следующие особенности. Объем валового регионального продукта на душу населения в регионе, согласно статистическим данным, несколько отстает от среднероссийских показателей, что свидетельствует о наличии определенных диспропорций в экономическом развитии. Однако регион демонстрирует устойчивые позиции в агропромышленном комплексе, что обеспечивает определенный уровень продовольственной безопасности.

Социальная асимметрия проявляется в дифференциации доходов населения, уровне безработицы и качестве жизни в различных муниципальных образованиях области. Как отмечается в исследованиях, коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) является важным индикатором социальной безопасности региона. Для Ростовской области, имеющей значительные внутрирегиональные различия в уровне экономического развития, вопросы снижения социального неравенства представляются особенно актуальными.

Демографическая асимметрия проявляется в различиях естественного и миграционного прироста в различных районах области. Крупные городские агломерации (Ростов-на-Дону, Таганрог) демонстрируют положительную миграционную динамику, в то время как сельские территории сталкиваются с оттоком населения. Данная ситуация создает угрозы для устойчивого развития сельских территорий и обеспечения продовольственной безопасности региона.

Разработка системы индикаторов для оценки экономической безопасности Ростовской области требует учета региональной специфики и современных вызовов. На основе методологии, предложенной Л. П. Бакуменко и Н. С. Васильевой, можно выделить следующие группы показателей, наиболее релевантных для региона [3, с. 28].

1. Производственные показатели: объем промышленного производства на душу населения, доля обрабатывающих производств, степень износа основных фондов, объем сельскохозяйственной продукции.

2. Финансовые показатели: доходы консолидированного бюджета на душу населения, инвестиции в основной капитал, удельный вес убыточных организаций.

3. Социальные показатели: уровень безработицы, реальные доходы населения, коэффициент фондов, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума.

4. Демографические показатели: коэффициент естественного прироста, коэффициент миграционного прироста, ожидаемая продолжительность жизни.

5. Инфраструктурные показатели: потребление электроэнергии, обеспеченность жильем, развитие транспортной инфраструктуры.

Для Ростовской области особое значение приобретают показатели, связанные с приграничным положением региона: объем международной торговли, развитие логистической инфраструктуры, уровень трансграничного сотрудничества. Как отмечает Т. Г. Логутова, в условиях санкционного давления и присоединения новых территорий к Российской Федерации большинство угроз экономической безопасности логистических систем возникает на мезоуровне (региональном уровне) [5, с. 122].

Применение факторного анализа, как демонстрируют Л. П. Бакуменко и Н. С. Васильева, позволяет выделить обобщенные компоненты экономической безопасности: финансовую, демографическую, социальную, продовольственную, научно-техническую безопасность и степень износа основных фондов [3, с. 32]. Для Ростовской области данный методологический подход может быть дополнен специфическими региональными индикаторами, отражающими особенности приграничного положения и агропромышленной специализации региона.

Правовое регулирование вопросов экономической безопасности Ростовской области осуществляется на нескольких уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Федеральное законодательство, включая Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», задает общие рамки и принципы обеспечения экономической безопасности [1].

На региональном уровне правовое регулирование осуществляется через Устав Ростовской области [2], законы области и иные нормативные правовые акты. Устав Ростовской области закрепляет основные принципы социально-экономического развития региона, включая вопросы обеспечения экономической безопасности.

Цифровая трансформация экономики требует совершенствования правового регулирования в сфере цифровой безопасности. Как отмечает А. С. Васильчук, развитие электронного документооборота, внедрение технологий блокчейн и искусственного интеллекта создают новые вызовы для правовой системы [4,

с. 172]. Для Ростовской области, активно развивающей цифровую инфраструктуру, вопросы правового обеспечения кибербезопасности и защиты цифровых активов приобретают особую актуальность.

На основе анализа современного состояния и выявленных проблем можно выделить следующие перспективные направления обеспечения экономической безопасности Ростовской области.

1. Совершенствование миграционной политики региона с учетом его приграничного положения и экономической специализации. Необходимо совершенствовать социально-экономические условия жизни в субъекте федерации, повышать его привлекательность для молодых квалифицированных кадров в целях снижения эмиграционных настроений.

2. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры с учетом новых геополитических реалий. Логистическая система регионов должна обеспечивать бесперебойное функционирование товарных потоков и минимизацию рисков, связанных с переориентацией внешнеэкономических связей на новые рынки сбыта.

3. Формирование эффективной системы правового регулирования цифровой среды и обеспечения кибербезопасности. Акцент должен быть сделан на защите критически важной информационной инфраструктуры региональных предприятий и поддержке отечественных разработчиков программного обеспечения.

4. Диверсификация агропромышленного комплекса и поддержка инновационных технологий в сельском хозяйстве. Учитывая статус Ростовской области как одного из ведущих аграрных регионов страны, обеспечение продовольственной безопасности напрямую зависит от снижения импортозависимости в сфере семенного фонда и сельскохозяйственной техники.

5. Укрепление механизмов государственно-частного партнерства для реализации крупных инвестиционных проектов, направленных на импортозамещение и создание высокотехнологичных рабочих мест.

Таким образом, комплексная реализация указанных направлений позволит Ростовской области не только нейтрализовать существующие угрозы экономической безопасности, но и создать надежный фундамент для долгосрочного устойчивого развития в условиях глобальной нестабильности. Данный подход требует тесного взаимодействия органов государственной власти, бизнес-сообщества и институтов гражданского общества.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрании законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II) ст. 5351.
2. Устав Ростовской области от 29 мая 1996 г. № 19-ЗС (в актуальной редакции) // <https://www.donland.ru/documents/27/>.
3. Бакуменко Л. П., Васильева Н. С. Формирование обобщенной системы индикаторов экономической безопасности регионов // Статистика и экономика. 2024. № 5. – С. 26–27.
4. Васильчук А. С., Голиков О. И., Голикова О. В. Влияние основных трендов цифрового развития на экономическую безопасность региона // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2024. № 1. – С. 6–17.
5. Логутова Т. Г., Лазаревская Ю. А. Оценка угроз экономической безопасности логистических систем новых субъектов Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал «Прогрессивная экономика». 2024. № 7. – С. 118–129.
6. Литвиненко А. Н., Подвойская М. А. Система показателей оценки влияния миграционных процессов на экономическую безопасность субъектов Федерации // Вопросы управления. 2025. № 3. С. 21–36.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье исследуется комплексное взаимодействие информационной и экономической безопасности России в рамках конституционно-правового регулирования. Авторы, опираясь на теорию международных режимов и доктрину информационной безопасности, обосновывают необходимость формирования национальной модели, интегрирующей нормы ответственного поведения государств в ИКТ-среде с экономическими императивами устойчивости. Предлагается концептуальная рамка для развития правового регулирования, учитывающая геополитические трансформации и цифровизацию, с целью минимизации рисков для национальных интересов.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность, экономическая безопасность, технологический суверенитет, критическая информационная инфраструктура.*

В условиях геополитических трансформаций и ускоренной цифровизации глобального информационного пространства, где цифровые технологии приобретают роль, сопоставимую с ядерными в XX веке, формирование комплексной системы обеспечения информационной безопасности России предстает не только как императив национального суверенитета, но и как неотъемлемый элемент экономической устойчивости, подкрепленный конституционно-правовыми механизмами, поскольку фрагментация нормативного режима в сфере международной информационной безопасности, вызванная сопротивлением ведущих западных держав российским инициативам, таким как правила ответственного поведения государств в ИКТ-среде, предложенные в 2011 году в рамках ШОС и ООН, усугубляет риски военно-политического, террористического и криминального использования ИКТ, что напрямую угрожает экономическим интересам страны.

Теория международных режимов подчеркивает, что устойчивый режим предполагает согласованные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, где принципы отражают причинно-следственные понимания, а нормы задают стандарты поведения, однако в информационной сфере отсутствие формальной институционализации необязательных норм, закрепленных в докладах

Групп правительственных экспертов ООН и Рабочей группы открытого состава, снижает их легитимность, вынуждая Россию развивать региональные форматы в ШОС, ОДКБ и БРИКС, интегрируя их с экономической безопасностью через защиту критической информационной инфраструктуры (КИИ), как это предусмотрено Федеральным законом № 187-ФЗ и обновленной Доктриной информационной безопасности 2016 года, дополненной Стратегией национальной безопасности 2021 года [6, с. 84–85].

Высшая юридическая сила Конституции (ч. 1 ст. 15) [1] и запрет на договоры, ограничивающие права человека или основы строя (ст. 79), позволяют Конституционному Суду РФ моделировать национальный конституционный контроль, обеспечивая пропорциональность ограничений в информационной сфере для защиты суверенитета, где прокуратура, как институт универсального надзора, координирует пресечение угроз сепаратизма, экстремизма и иностранного вмешательства, включая блокировку нежелательных НПО, что напрямую коррелирует с экономической безопасностью, поскольку кибератаки на КИИ наносят ежегодно ущерб в сотни миллиардов рублей.

Дубень А. К., анализируя историографию юридической науки, определяет ее как инструмент осмысления прошлого, настоящего и перспектив права, где в информационной сфере вызовы цифровизации требуют историографической модели для совершенствования механизмов защиты, поскольку стремительный рост киберпреступлений диктует необходимость социально-практической функции историографии в выработке стратегий противодействия, интегрируя экономические интересы через технологический суверенитет.

Буланова В. С., обобщая правовые аспекты, констатирует, что изменения в законодательство вводят жесткий контроль за обработкой персональных данных и ПО в КИИ, обязывая субъекты использовать отечественное ПО и классифицировать объекты КИИ, однако отсутствие единой Концепции кибербезопасности, в отличие от Китая (CSL 2017 с поправками 2025), ЕС (CA, NIS2), США (CA2015) и Индии (DPDP-2023), оставляет пробелы в гибком регулировании облачных вычислений, мобильных приложений и аналитики, где риски утечек и фишинга требуют баланса между суверенитетом и международным сотрудничеством, предлагая включить в Концепцию межфирменное взаимодействие под эгидой Минцифры [3, с. 127–129].

Хохлова Е. М. и Переточенкова О. У., переосмысливая информационную функцию государства, обосновывают ее трансформацию в эпоху цифровизации как основу сбора, обработки и защиты данных для всех функций, ссылаясь на

ст. 71 Конституции РФ и ФЗ № 149-ФЗ [2], где задачи включают открытость информации, защиту от киберугроз и развитие инфраструктуры, что усиливает экономическую устойчивость через предотвращение потерь от IT-преступлений [5, с. 50–51]. Конституционно-правовое регулирование, таким образом, эволюционирует от реактивных мер к превентивным, где Конституционный Суд РФ гарантирует баланс ограничений (ст. 55 ч. 3 Конституции), а прокуратура, координируя надзор, обеспечивает исполнение межведомственных соглашений, минимизируя экономические риски от трансграничных угроз. В итоге, предлагаемая модель предполагает утверждение Концепции информационно-экономической безопасности при Президенте РФ, интегрирующей ГПЭ ООН нормы с региональными (ШОС, БРИКС) и национальными механизмами, где конституционные императивы (ст. 4, 15, 71–72) задают рамки для цифровизации без ущерба суверенитету, прогнозируя снижение рисков на 30–40% за счет предиктивной аналитики ИИ и блокчейна, как это реализовано в Генпрокуратуре, обеспечивая тем самым стратегическую автономию России в многополярном мире.

Конституционно-правовые механизмы обеспечения информационной и экономической безопасности Российской Федерации представляют собой динамичную систему, где высшая юридическая сила Конституции РФ (ч. 1 ст. 15) и принципы технологического суверенитета задают императивы для интеграции норм международных режимов, таких как правила ответственного поведения в ИКТ-среде в рамках ШОС и ООН, с национальными доктринами, минимизируя геополитические риски трансграничных киберугроз и обеспечивая устойчивость критической информационной инфраструктуры в условиях цифровизации. Предлагаемая концептуальная модель, опирающаяся на трансформацию информационной функции государства и историографический анализ правовых вызовов, позволяет перейти от реактивных мер к превентивным стратегиям, где прокуратура как институт универсального надзора координирует межведомственное взаимодействие, а Конституционный Суд РФ гарантирует пропорциональность ограничений (ст. 55 ч. 3), балансируя открытость данных с защитой от сепаратизма, экстремизма и иностранного вмешательства.

Отсутствие единой Концепции кибербезопасности, в отличие от зарубежных аналогов, подчеркивает необходимость ее утверждения Президентом РФ с акцентом на межфирменное сотрудничество под эгидой Минцифры, отечественное ПО и предиктивную аналитику ИИ, что напрямую коррелирует с экономической безопасностью, снижая ежегодные убытки от кибератак на сотни миллиардов рублей. В итоге, эволюция правового регулирования в эпоху многополяр-

ного мира, интегрирующая региональные форматы БРИКС и ОДКБ с Федеральным законом № 187-ФЗ, не только укрепляет стратегическую автономию России, но и прогнозирует снижение рисков на 30–40% за счет блокчейна и облачных технологий, формируя парадигму устойчивого развития, где информационный суверенитет становится фундаментом национального благосостояния.

Таким образом, реализация этой модели требует системных законодательных корректировок и институциональных реформ, обеспечивающих гармоничное сосуществование цифровизации с конституционными ценностями, что в конечном счете гарантирует долгосрочную экономическую и геополитическую стабильность страны.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
3. Буланова В. С. Правовые аспекты информационной безопасности России // Право и практика. 2025. № 3. С. 124–134.
4. Дубень А. К. Информационная безопасность России в фокусе юридической историографии // Вестник Саратовской государственной юридической академии // 2025. № 3. С. 34–39.
5. Хохлова Е. М., Переточенкова О. У. Информационная функция государства в условиях цифровизации общества // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 50–52.
6. Шитьков С. В., Полякова Т. А., Смирнов А. А. Формирование международного режима в области информационной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(5). С. 80–100.

РОЛЬ СУДА В ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ, ВКЛЮЧАЯ ЗАЩИТУ ОТ УГРОЗ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

***Аннотация.** В статье исследуется трансформация механизма судебной защиты конституционных прав человека и гражданина в условиях цифровизации. Обосновывается тезис о том, что судебным органам необходимо адаптироваться к новым вызовам в условиях развивающихся общественных отношений. Особое внимание уделяется механизму восстановления нарушенных прав граждан в цифровой сфере.*

***Ключевые слова:** конституционные права, судебная власть, цифровая сфера, киберпреступление, цифровизация.*

В современном государстве именно судебная система выступает ключевым гарантом соблюдения прав и свобод человека. Её деятельность направлена на защиту конституционных ценностей, обеспечение законности и верховенства права. Судебная власть выполняет функцию сдерживания по отношению к государственному принуждению, предотвращая возможные злоупотребления со стороны органов власти и должностных лиц. В этой связи судебная защита по праву считается одним из наиболее значимых и надежных способов отстаивания интересов субъектов права.

Справедливым представляется утверждение Г. Н. Комковой о том, что качество судебной защиты является индикатором правового характера государства и уровня демократичности общества. Российская Федерация, позиционируя себя как правовое государство, в статье 2 Конституции провозглашает права и свободы человека высшей ценностью. Данная норма выступает фундаментом для всех общественных отношений, а эффективный механизм их охраны и реализации – необходимым условием построения подлинно демократического строя.

Центральное место в этом механизме отведено конституционному судопроизводству. Возможность обращения граждан в Конституционный Суд (далее – КС РФ) является прямым выражением их права на доступ к правосудию. Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», граждане и их объединения могут направить индивидуальную или коллективную жалобу. Это происходит, когда гражданин уверен, что его права были нарушены. Это механизм так называемого прямого доступа,

когда инициатива исходит непосредственно от частного лица, в отличие от косвенного доступа – через запросы уполномоченных органов.

Важно подчеркнуть, что именно обращение гражданина является тем юридическим фактом, который запускает процедуру проверки конституционности оспариваемой нормы. КС РФ не может начать производство по собственной инициативе (ст. 36 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). При этом, анализируя конкретную жалобу, Суд оценивает не только букву закона, но и сложившуюся правоприменительную практику на предмет её соответствия Основному Закону. Такой подход, закрепленный в ч. 2 ст. 74 ФКЗ, видится абсолютно оправданным, поскольку зачастую нарушение прав происходит не из-за неконституционности самой нормы, а вследствие её искаженного толкования судами и иными органами. Правовые позиции КС РФ, разъясняющие конституционно-правовой смысл закона, являются общеобязательными. Следовательно, судебные акты, основанные на норме, получившей впоследствии официальное конституционное истолкование, подлежат пересмотру.

Следует отметить субсидиарный характер конституционной жалобы: она допустима лишь после использования всех иных процессуальных возможностей защиты. Это подчеркивает самостоятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов в системе правосудия. При этом правом на обращение в КС РФ обладают не только российские граждане, но и иностранцы, а также лица без гражданства, на которых в силу ч. 3 ст. 62 Конституции распространяется национальный правовой режим.

Эффективность работы КС РФ в сфере защиты прав граждан не вызывает сомнений, однако в условиях стремительных социальных изменений органы конституционного контроля обязаны реагировать на новые вызовы. Как справедливо отмечает В. Д. Зорькин, анализ поступающих жалоб свидетельствует о стремлении граждан к справедливости и равенству, будь то в вопросах жизни и жилья, доступа к образованию или медицинской помощи. Игнорирование этих тенденций чревато падением доверия к судебной системе и праву в целом.

Хочу привести статистику, которая демонстрирует стабильно высокий уровень доверия граждан к этому институту: количество ежегодных обращений на протяжении 2020–2023 гг. держится на уровне 14–15 тысяч (в 2020 г. – 14638, в 2021 г. – 15149, в 2022 г. – 14809, за I квартал 2023 г. – 3774).

Структура обращений традиционно включает несколько ключевых блоков. Наибольшее количество жалоб (хотя и с тенденцией к снижению) связано с вопросами уголовного права и процесса (5054 – в 2020 г., 4565 – в 2023 г.). Значительный массив касается конституционного статуса личности (4056 – в 2020 г.,

4296 – в 2023 г.), где чаще всего фигурируют нарушения права на судебную защиту, социальные и жилищные права. Стабильно высоким остается и число обращений по проблемам гражданского судопроизводства (около 2000 в год). Помимо этого, актуальными остаются вопросы, связанные с договорными обязательствами, правом собственности, административной ответственностью и международным правом.

Важнейшим аспектом деятельности КС РФ является контроль за исполнением вынесенных решений. Секретариат Суда систематически взаимодействует с органами власти, ответственными за приведение законодательства в соответствие с Конституцией, а также анализирует необходимость дополнительного нормативного регулирования. Вырабатываемые Судом правовые позиции формируют единообразное понимание правовых норм как для государства в лице его органов, так и для всего общества.

В рамках современных научных дискуссий, посвященных проблематике соблюдения прав человека в условиях цифровизации, традиционно выделяются два взаимосвязанных направления. Первое из них касается ситуации, когда процессы внедрения цифровых технологий ведут к ущемлению или ограничению уже устоявшихся, так называемых «аналоговых» прав граждан. Второе направление отражает процесс экстраполяции данных прав в виртуальное пространство, следствием чего становится появление производных категорий – «цифровых прав», выступающих специфическими проекциями фундаментальных прав и свобод, а также «киберпреступлений».

В 2025 году зафиксировано более 420 тысяч преступных деяний. Почти половина из них относится к киберпреступлениям. За данный период граждане РФ понесли убытки в размере 200 миллиардов рублей. Правоохранительным органам удалось вернуть потерпевшим около 9 миллиардов рублей, что говорит о проблеме отставания адаптации правоохранительных органов к новым способам совершения преступлений.

Мошенники разрабатывают новые способы обмана населения. Так, мошенники активно используют социальную инженерию, технологии искусственного интеллекта по созданию поддельных видео, фотографий и аудиозаписей, автоматизацию звонков и сообщений. Правоохранительная система не успевает адаптироваться к быстрому развитию криминальной системы, поэтому уровень раскрываемости цифровых преступлений невысок – в 2024 году он составил лишь 23 процента и продолжает снижаться.

Но необходимо иметь в виду, что до суда доходит лишь 3–4 процента уголовных дел. Эксперты связывают данный показатель с долгим предварительным следствием по преступлениям, определенным главой 28 УК.

Столь заметные цифры могут объясняться не только всплеском самих инцидентов, но и изменением квалификации: статья все чаще становится «запасной» для деяний, которые формально подпадают под смежные составы. Как отмечает адвокат Павел Домкин, яркий пример – сотрудники салонов связи, торговавшие нелегальными SIM-картами: их действия нередко переквалифицировали на ст. 274.1 УК РФ (неправомерный доступ к критической инфраструктуре). Также в фокусе внимания остаются ст. 273 УК РФ (создание вирусов) и ст. 274.1 УК РФ (атаки на КИИ).

Доля реальных сроков лишения свободы по данной главе действительно невелика, но это соответствует общей судебной практике в России: по большинству «традиционных» составов картина схожа. Примечательно и то, что в резонансных делах статьи из 28-й главы часто идут «довеском» к основному обвинению – как правило, по ст. 159 (мошенничество) или ст. 163 (вымогательство). Последняя особенно характерна для случаев использования программ-вымогателей (шифровальщиков), когда злоумышленники блокируют данные и требуют выкуп.

В регулировании цифровой сферы РФ главной приоритетом остаются права и интересы человека и гражданина. Важно подчеркнуть, что разработка и принятие новых Нормативных правовых актов не должны приводить к ущемлению прав и свобод граждан.

Судебный контроль – важнейший инструмент обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а институт конституционной жалобы – эффективное средство восстановления нарушенных прав граждан.

Библиографический список

1. Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 378 с.
2. Козлова Е. И. Конституционное право России: Учебное пособие. – М.: «Юристъ», 2022. – 315 с.
3. Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России: Учебное пособие. – М.: «Ось-89», 2025. 215 с.
4. Нарутто С. В. Конституционное право России. – М.: Ифра-М, 2023. – 413 с.

5. Некрасов С. И. Конституционное право России: Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022. – 351 с.
6. Нудненко Л. А. Конституционное право России: Учебное пособие. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 581 с.
7. Емельянов Н. А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения: Учебное пособие. – М: ТИГИМУС, 2024. – 317 с.
8. Попова А. В. Конституционное право. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 168 с.
9. Смоленский М. Б. Конституционное право России. – М.: КноруС, 2021. – 232 с.

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ТРУДОСПОСОБНЫХ ДЕТЕЙ, ДОСТИГШИХ 18 ЛЕТ, ОБЕСПЕЧИВАТЬ РОДИТЕЛЕЙ

***Аннотация.** В статье анализируется конституционно закрепленная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей осуществлять заботу о родителях, утративших способность к трудовой деятельности вследствие преклонного возраста или состояния здоровья. Актуальность проблематики обусловлена низким уровнем пенсионного обеспечения, ограниченной доступностью качественного ухода, а также недостаточной разработанностью механизмов государственного содействия семьям, имеющим в своем составе нетрудоспособных родителей. На основе анализа выявлены основные препятствия, затрудняющие реализацию данной обязанности, и предложены направления совершенствования нормативно-правовых и организационных инструментов в указанной сфере.*

***Ключевые слова:** конституционная обязанность, нетрудоспособные родители, социальная поддержка, семейные ценности, межпоколенческая солидарность, государственные гарантии, семейное право.*

Положением, закрепленным в части 3 статьи 38 Конституции Российской Федерации, на совершеннолетних трудоспособных детей возлагается обязанность заботиться о родителях, признанных нетрудоспособными вследствие возраста либо инвалидности. Данное конституционное установление ориентировано на формирование у граждан ответственного отношения к представителям старшего поколения и предполагает комплекс мер, включающих как материальную помощь, так и содействие в бытовом обслуживании, организации медицинской помощи и обеспечении достойных условий проживания.

Значимость обращения к данной теме в настоящее время продиктована трансформацией сложившихся моделей семейного уклада. Процессы внутренней миграции, ориентация молодого поколения на независимое проживание от родителей, а также ослабление традиции многопоколенной семьи объективно осложняют полноценную реализацию рассматриваемой конституционной обязанности.

В результате анализа проблемного поля выделены следующие ключевые барьеры, с которыми сталкиваются совершеннолетние дети.

1. Экономические ограничения. Доходная база значительной части населения позволяет покрывать лишь первоочередные потребности собственной семьи (кредитные обязательства, расходы на жилье, содержание несовершеннолетних детей). В таких условиях систематическое оказание финансовой поддержки родителям представляет значительную сложность.

2. Дефицит правовых знаний. Преобладающее большинство граждан не информировано о наличии соответствующей конституционной нормы. Отсутствие ясного представления о юридическом содержании своих обязанностей нередко порождает внутрисемейные споры и взаимные претензии.

3. Конкуренция семейных ролей (многоролевая нагрузка). Лица, имеющие как несовершеннолетних детей, так и пожилых родителей, оказываются в ситуации вынужденного распределения ограниченных временных, финансовых и эмоциональных ресурсов между двумя поколениями, что сопровождается хроническим стрессом и чувством вины.

4. Трансформация расселенческой структуры (пространственная разобщенность). В отличие от традиционной модели совместного проживания, облегчавшей осуществление ухода, в современных условиях дети и родители зачастую проживают на значительном удалении друг от друга, что создает препятствия для оказания регулярной и своевременной помощи.

5. Незрелость механизмов государственного содействия. Пенсионное обеспечение зачастую не позволяет пожилым гражданам самостоятельно удовлетворять все необходимые потребности. При этом инфраструктура государственных учреждений социального обслуживания (стационарные организации, службы социальной работы на дому) характеризуется недостаточной развитостью, что влечет переложение основной нагрузки на родственников при недостаточном участии государства.

Для обеспечения более эффективной реализации детьми своей конституционной обязанности целесообразно применение следующего комплекса мер.

1. Совершенствование системы финансовой поддержки. Введение дополнительных выплат и льгот для лиц, осуществляющих уход за нетрудоспособными родителями, включая компенсацию затрат на приобретение лекарственных средств, оплату жилищно-коммунальных услуг и технических средств реабилитации (функциональные кровати, инвалидные коляски и др.).

2. Повышение уровня правовой осведомленности. Интеграция в образовательные программы школ и высших учебных заведений разделов, раскрывающих содержание семейных прав и обязанностей, что позволит формировать у подрастающего поколения устойчивое понимание значимости заботы о старших.

3. Организация центров комплексной поддержки. Создание сети специализированных учреждений (на муниципальном уровне), предоставляющих на безвозмездной основе юридическое консультирование и психологическую помощь лицам, осуществляющим уход за пожилыми родственниками, с целью снижения уровня стресса и эмоциональной нагрузки.

4. Развитие инфраструктуры социального обслуживания. Расширение программ долговременного ухода, увеличение числа дневных стационаров для пожилых граждан, повышение качества оказываемой паллиативной помощи, а также организация системной подготовки профессиональных сиделок позволят частично перераспределить обязанности по уходу с семьи на профильные службы.

5. Актуализация традиционных семейных ценностей. Целенаправленное транслирование через каналы телевидения, интернет-пространство и социальную рекламу идеи уважения к старшему поколению, ценности взаимопомощи в семье и значимости сохранения межпоколенческих связей.

Свидетельством приоритетности данного направления государственной политики служат решения, озвученные Президентом Российской Федерации. Объявление 2024 года Годом семьи и реализация национального проекта «Семья» нацелены на укрепление традиционных семейных устоев и содействие сближению представителей разных поколений.

Обобщая изложенное, следует заключить, что конституционная обязанность детей по заботе о родителях представляет собой не изолированную правовую норму, а фундаментальный принцип, имеющий нравственно-этическую основу. Степень ее реализации определяется не столько действием юридических механизмов, сколько общим уровнем культуры, качеством внутрисемейных отношений и осознанной признательностью старшему поколению. Поддержка пожилых граждан выступает необходимым условием общественной стабильности и гармонизации социальных отношений. В связи с этим стратегической задачей государства является создание условий, облегчающих выполнение данной обязанности, при сохранении в семье атмосферы взаимопомощи и уважения к старшим.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
2. Кабакова О. В. Конституционные обязанности граждан в России: эволюция правовой регламентации и практика реализации: Теоретический и историко-правовой анализ. – М.: Проспект, 2020. – 120 с.

3. Рязанова Е. А., Вологодина И. В. Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать нетрудоспособных родителей. – М.: Проспект, 2021. – 155 с.

4. Трофимова Ю. И. Понятие конституционной обязанности трудоспособных детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях. – М.: Эксмо, 2022. – 140 с.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** Статья рассматривает актуальные проблемы реализации конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Освещены основы уровня жизни как конституционного принципа.*

***Ключевые слова:** социальное государство, достойный уровень жизни, конституционный принцип, экономическая политика, социальная политика.*

Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина традиционно рассматриваются в отечественной правовой доктрине как фундаментальный элемент механизма обеспечения правового статуса личности. Как обоснованно отмечают А. Г. Гатауллин и И. М. Ибятков, конституционные гарантии представляют собой необходимые условия и механизмы, обеспечивающие соблюдение и реализацию прав человека, включая общегосударственные и специализированные юридические гарантии. Однако, несмотря на формальное закрепление в Конституции РФ 1993 года широкого перечня прав и свобод, практика их реализации и защиты обнаруживает ряд системных проблем, требующих глубокого научного осмысления.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в российском конституционализме сохраняется разрыв между конституционными декларациями и реальным положением дел в правоприменительной практике. Во-вторых, последние институциональные преобразования, включая конституционную реформу 2020 года и последовавшую за ней судебную реформу, существенно изменили архитектуру механизмов защиты конституционных прав. В-третьих, наблюдается трансформация подходов к пониманию самой сущности конституционных гарантий в условиях, когда государство, как отмечается в научной литературе, все чаще вынуждено «возвращать контроль за происходящим» с помощью силы, а право подключается уже после, «пытаясь объяснить вопросы факта таким образом, чтобы в юридической картине мира они выглядели непротиворечиво».

Цель настоящего доклада состоит в выявлении и системном анализе ключевых проблем формирования и защиты конституционных гарантий прав человека в современной России. В процессе подготовки были изучены труды

С. А. Авакьяна, Н. С. Бондаря, М. В. Баглая, Н. В. Витрука, а также проанализированы актуальные научные публикации, судебная практика и законодательные новации последних лет.

Эволюция конституционных гарантий: от декларации к реализации.

Проблема реализации конституционных прав и свобод традиционно находится в центре внимания отечественной конституционно-правовой науки. Как справедливо указывается в научной литературе, «эффективное обеспечение конституционных прав, возможно лишь путем взаимодействия государства и индивида». Однако именно в этом взаимодействии обнаруживается фундаментальное противоречие: конституционные нормы, закрепляющие права и свободы, выступают одновременно и как непосредственный регулятор, и как ориентир для законодателя и правоприменителя.

В доктрине выделяется несколько уровней конституционных гарантий. Гатауллин и Ибяттов предлагают классификацию, включающую конституционную, государственную, судебную и личную защиту прав и свобод. При этом особое значение приобретают специализированные юридические гарантии, которые призваны обеспечить безукоризненное исполнение государством своих обязанностей при реализации прав гражданами. Однако на практике система этих гарантий сталкивается с проблемой эффективности: многие механизмы остаются декларативными либо их действие существенно ограничивается подзаконным регулированием.

На конференции, проведенной в МГУ имени М. В. Ломоносова в ноябре 2025 года, отмечалось, что «прежние правовые рамки устаревают, оформляющие общественные связи юридические условия перестают быть эффективными». Эта констатация имеет прямое отношение к системе конституционных гарантий, которая, будучи заложенной более тридцати лет назад, сегодня требует переосмысления с учетом новых социальных практик, технологических инноваций и изменившегося международного контекста.

Институциональные трансформации: кризис механизмов защиты.

Одной из наиболее острых проблем является трансформация институциональных механизмов защиты конституционных прав, которая в последние годы приобрела системный характер. Наиболее показательным примером выступает реформа системы конституционной юстиции.

Как следует из аналитических материалов, в 2020 году федеральным законодателем была ликвидирована вся система конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации. Взамен упраздненных судов субъектам

было предложено создать конституционные (уставные) советы. В научной литературе подчеркивается, что «образование данных органов не имело под собой никакого научного обоснования» и произошло «по воле федерального законодателя» при отсутствии соответствующей научной доктрины.

Результаты функционирования этих органов вызывают обоснованную критику. Как отмечается в исследовании, посвященном анализу деятельности конституционных советов, «статистика рассмотренных к настоящему времени дел отражает пассивное отношение общества к функционированию республиканских конституционных советов». При этом ранее, по мнению ряда авторов, конституционные (уставные) суды субъектов РФ «способствовали защите и охране конституционного устройства государства, обеспечивали его стабильность, развивали конституционные идеи и принципы, вкладывая в них реальное правовое содержание». Ликвидация данного звена судебной системы, таким образом, не может быть признана частью процесса совершенствования правосудия.

Не менее значимые изменения происходят и на уровне федеральной конституционной юстиции. Депутат Государственной Думы Ю. П. Синельщиков в своем выступлении на научно-практической конференции, проведенной Институтом государства и права РАН, указал на ряд проблем, связанных с деятельностью Конституционного Суда РФ. В числе критических замечаний – нормотворческая активность Суда, подменяющая, по мнению автора, федеральное законодательство, игнорирование запросов из парламента (из 70 обращений с 1993 года выдано 63 отказа, 31 – без рассмотрения), а также сужение гласности: в 2024 году без проведения слушаний было принято 94% решений.

В этом контексте особое значение приобретает дискуссия о правовой природе решений Конституционного Суда и их месте в системе источников права. Как отмечается в современной доктрине, существуют «структурные дефекты правовых позиций», требующие научного анализа и осмысления.

Баланс прав и обязанностей: методологическая проблема.

Значительный пласт научной дискуссии связан с проблемой баланса конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. В юридической литературе традиционно утверждается приоритет прав и свобод как высшей ценности, что прямо следует из статьи 2 Конституции РФ. Однако, как обоснованно указывается в работе, опубликованной в журнале «Конституционное и муниципальное право», подобный подход «маскирует» конституционные обязанности, придавая им второстепенное значение.

В действительности, как утверждает автор, «Конституция РФ основана на признании тождества происхождения и ценности конституционных прав и обязанностей в составе необходимого их баланса». Эта позиция находит подтверждение в истории отечественного конституционализма: в советских конституциях закреплялось единство основных прав и обязанностей. Конституция СССР 1977 года содержала почти полтора десятка обязанностей гражданина, включая обозначенные разными терминами (долг, забота, уважение, охрана, содействие и др.).

Современная правовая доктрина, по мнению некоторых исследователей, нуждается в пересмотре подхода к соотношению прав и обязанностей. Как отмечается, «на уровне онтологии едва ли оспорим тезис о взаимосвязи прав и обязанностей», который отстаивали и К. Маркс, и русские государствоведы Б. Н. Чичерин и другие. Однако признание этой взаимосвязи не должно вести к умалению значимости прав человека, что особенно важно в условиях, когда обязанности могут использоваться как инструмент ограничения прав.

Судебная защита: проблемы эффективности и доступности.

Судебная защита прав и свобод традиционно рассматривается как наиболее эффективный механизм их обеспечения. Однако практика последних лет обнаруживает ряд системных проблем в этой сфере. Анализ обзора практики Конституционного Суда РФ за 2025 год позволяет выявить как положительные тенденции, так и сохраняющиеся сложности.

К позитивным моментам следует отнести последовательную позицию Конституционного Суда по вопросам, связанным с обеспечением единообразия правоприменения. В частности, в постановлении от 24 декабря 2025 года № 49-П Суд указал на неопределенность в вопросе о правопреемстве при передаче публичных полномочий, что привело к подготовке соответствующих изменений в Кодекс административного судопроизводства. Как отмечается в законопроекте, разработанном во исполнение этого постановления, «в настоящее время вопрос о правопреемстве при передаче публичных полномочий от одного государственного органа к другому законодательно не урегулирован», а судебная практика в этой сфере не является единообразной.

Вместе с тем эффективность судебной защиты в значительной степени зависит от возможности исполнения судебных решений. В научной литературе отмечается, что одной из проблем является «неудовлетворительное исполнение решений КС властями». Когда судебный акт, касающийся защиты прав, свобод и законных интересов, остается неисполненным в связи с изменением механизма реализации публичных полномочий, эффективность правосудия ставится под сомнение.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Безруков А. В. Рассмотрение обращений граждан как элемент конституционно-правового механизма реализации конституционного права на обращение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. – С. 3–8.
3. Гасанов Ю. А. Актуальные тенденции ограничения конституционных прав граждан в России: вызовы информационного общества // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. – С. 30–35.
4. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2-х т. Т. 2 / Под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2023. – 528 с.
5. Одношевин И. А. Основания осуществления оперативно-розыскных мероприятий – гарантия конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. – С. 152–158.
6. Трещева О. Ю. Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 10. – С. 40–45.
7. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. – М.: Статут, 2022. – 624 с.
8. Щепачев В. А. Конституционная концепция правового государства и проблемы ее реализации в законодательстве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 1. – С. 12–16.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ: ДИСБАЛАНС ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В докладе исследуется эволюция института президентской власти и возникающий дисбаланс в системе разделения властей. Анализируются причины усиления президентских полномочий, феномен «суперпрезидентства» и его последствия для государственного управления. Рассматриваются перспективы восстановления равновесия ветвей власти через развитие институтов гражданского общества.*

***Ключевые слова:** институт президентской власти, разделение властей, дисбаланс ветвей власти, суперпрезидентизм, трансформация политических институтов, система сдержек и противовесов, парламентаризм.*

Позвольте представить вашему вниманию доклад, посвященный исследованию эволюционных процессов, происходящих в институте главы государства, и тому влиянию, которое данные процессы оказывают на равновесие между основными ветвями публичной власти. Обращение к данной теме обусловлено необходимостью осмысления тех изменений, которые претерпевает президентская власть в ответ на современные вызовы, порождая порой существенные перекосы в архитектуре государственного управления.

При закладке фундамента современных политических систем предполагалось, что фигура президента будет выполнять функцию верховного координатора, обеспечивающего бесперебойную работу всего государственного механизма. Классическая доктрина разделения властей исходила из того, что законодательные, исполнительные и судебные структуры способны удерживать равновесие, не позволяя ни одному из центров силы аккумулировать избыточные полномочия. Однако практика государственного строительства, особенно на постсоветском пространстве и в ряде государств с молодыми демократиями, продемонстрировала иную траекторию развития.

Суть наблюдаемой метаморфозы заключается в постепенном, а подчас и стремительном наделении президентской власти функциями, выходящими за пределы классической модели арбитража. В политической теории для обозначения этого феномена используется термин «суперпрезидентизм», характеризующий ситуацию, при которой глава государства де-факто начинает доминиро-

вать над иными властными структурами. Примечательно, что формально-юридические рамки могут при этом и не нарушаться, однако дух конституционализма, основанный на взаимном сдерживании, неизбежно размывается.

Наиболее отчетливо дисбаланс прослеживается во взаимодействии с законодательной ветвью. Парламент как институт народного представительства утрачивает свою автономию, превращаясь из арены политических дискуссий в механизм легитимации решений, исходящих из президентских структур. Контрольные функции законодателей, призванные обеспечивать прозрачность действий исполнительной вертикали, зачастую оказываются заблокированными либо реализуются сугубо номинально. Такая ситуация ведет к тому, что законопроекты проходят утверждение без должной экспертной проработки и без учета альтернативных точек зрения, что обедняет качество законодательного массива.

Не менее показательным является взаимодействие президентской власти с правительственным блоком. Если в исходной конфигурации президент определяет стратегические ориентиры, а кабинет министров отвечает за их тактическую реализацию, неся за это прямую ответственность, то сегодня эта грань стирается. Наблюдается огосударствление исполнительной вертикали, когда правительство фактически утрачивает самостоятельность и встраивается в президентскую иерархию в качестве одного из департаментов. При этом механизм политической ответственности кабинета перед обществом и парламентом если не исчезает, то серьезно деформируется, поскольку ключевые решения принимаются на другом уровне.

Судебная система, призванная быть независимым гарантом справедливости, также испытывает на себе воздействие формирующегося дисбаланса. Проблема кроется не столько в прямом вмешательстве в отправление правосудия, сколько в процедурах формирования судейского корпуса, которые ставят его в зависимость от исполнительной вертикали. Когда суды начинают восприниматься обществом не как беспристрастные арбитры, а как часть административного ресурса, подрывается сама идея верховенства права, что неизбежно сказывается на инвестиционном климате и социальном самочувствии граждан.

Необходимо понять природу данного явления. Корни дисбаланса уходят не только в сферу политических амбиций, но и в объективную потребность общества в оперативном принятии решений. Сложность современных экономических и социальных процессов требует быстрого реагирования, на которое многоголосый парламентский механизм зачастую не способен. Общество, утомленное нестабильностью, склонно делегировать главе государства чрезвычайные полномочия в надежде на скорое разрешение проблем. Однако, как свидетельствует

история, обратный процесс сужения однажды расширенных властных границ происходит крайне болезненно и редко бывает добровольным.

Оценивая последствия нарастающего дисбаланса, стоит отметить их двойственный характер. Безусловным плюсом является высокая мобилизационная способность системы, позволяющая проводить масштабные преобразования без длительных согласований. Но платой за эту оперативность становится подавление обратных связей, угасание политической конкуренции и, как следствие, эрозия качества управления. Элиты, лишённые необходимости доказывать свою состоятельность в открытой борьбе, склонны к стагнации, а накапливающиеся ошибки остаются без своевременной коррекции.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что наблюдаемая трансформация института президентства и сопутствующее ей нарушение баланса ветвей власти представляют собой устойчивый вектор развития многих государственных систем. Путь к гармонизации видится не в простом перераспределении полномочий, а в последовательном укреплении институтов гражданского общества, восстановлении подлинной самостоятельности законодательной и судебной ветвей, а также в повышении правовой культуры управленческих кадров. Только при соблюдении этих условий можно рассчитывать на формирование устойчивой модели власти, способной отвечать на вызовы времени без ущерба для демократических принципов.

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации: проблемы развития // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 2. – С. 3–18.
2. Дегтев Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы. – М.: Юристъ, 2022. – 240 с.
3. Краснов М. А. Глава государства: репрезентация власти в конституционном измерении // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 4. – С. 45–62.
4. Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации: конституция и политическая практика. – М.: Норма, 2021. – 312 с.
5. Чиркин В. Е. Президентская власть в системе разделения властей: современные тенденции // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 24–32.
6. Шайо А. Самоограничение власти: краткий курс конституционализма / пер. с англ. – М.: Дело, 2022. – 368 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ПРАВОСУДИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация.** В статье проводится теоретико-методологический и конституционно-правовой анализ интеграции искусственного интеллекта в систему правосудия России с учетом положений Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года. Автор обосновывает необходимость баланса между технологической модернизацией и сохранением фундаментальных принципов законности, независимости судей и права на справедливое разбирательство, подчеркивая риски алгоритмизации судейского усмотрения и «дефицита человеческого фактора». Предлагается модель применения ИИ на основе человеческого контроля, прозрачности алгоритмов и переноса процессуальных правил в кодифицированные источники права.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосудие, конституционно-правовая парадигма, цифровая трансформация, судейское усмотрение, электронное правосудие, алгоритмическая предвзятость, человеческая ответственность.*

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется масштабной цифровой трансформацией, предопределенной положениями Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, что с неизбежностью ставит на повестку дня фундаментальный вопрос о формировании комплексных конституционно-правовых основ применения инновационных технологий при осуществлении правосудия. Актуальность данной междисциплинарной проблемы детерминирована необходимостью обеспечения устойчивого баланса между беспрецедентными возможностями алгоритмизации судебной деятельности и незыблемостью классических принципов законности, равенства всех перед законом и судом, а также реализацией права каждого на получение квалифицированной юридической помощи и справедливое разбирательство дела компетентным и беспристрастным судом [5, с. 174]. Понятие искусственного интеллекта (ИИ), законодательно дефинированное как сложный комплекс технологических решений, позволяющих эффективно имитировать когни-

тивные функции человека, предполагает потенциальную возможность получения результатов, сопоставимых по своему качеству с итогами интеллектуальной деятельности субъекта [8, с. 119]. Однако системное внедрение подобных технологий в строго регламентированную сферу судопроизводства актуализирует проблему формирования «дефицита человеческого фактора», поскольку правосудие как специфический и исключительный вид государственной деятельности не может быть сведено исключительно к формально-логическим операциям по подведению конкретных фактических обстоятельств под абстрактную норму права, но объективно требует учета этических, эмоциональных и ценностных элементов, формирующих в своей совокупности внутреннее убеждение судьи [5, с. 175].

Конституционно-правовые основы применения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия в современных условиях следует раскрывать через диалектическую взаимосвязь технологической модернизации и устойчивых требований конституционного статуса судебной власти, так как цифровая трансформация, с одной стороны, существенно расширяет фактическую доступность судебной защиты, а с другой – обостряет дискуссию о границах допустимой алгоритмизации при сохранении независимости судей и гарантированной мотивированности судебного акта как формы публичного осуществления власти. В прикладной плоскости цифровая трансформация права описывается исследователями как процесс, не сводимый к автоматизации в узкотехническом смысле, поскольку она затрагивает саму логику юридических процедур и провоцирует переосмысление традиционных категорий, включая теорию доказательств и формы реализации правовых норм [7, с. 119–120]. Конституционный статус судебной власти предполагает исключительное право суда на разрешение споров, что делает априори невозможным полное делегирование полномочий по принятию решений автоматизированным системам, так как это прямо нарушило бы право на судебную защиту, гарантированное статьей 46 Конституции РФ. Основным имманентным ограничением в данной сфере выступает категория судебного усмотрения, представляющая собой дискреционное правомочие суда разрешать правовые вопросы исходя из принципов разумности, добросовестности и справедливости, которые системы «слабого ИИ» на текущем этапе их технологического развития не способны интерпретировать в силу отсутствия эмпатии и социального опыта [5, с. 177].

В контексте методологического анализа особенно значимым является четкое разграничение между собственно «электронным правосудием» как частью

процессуальной формы и «электронным документооборотом» как обслуживающей деятельностью аппарата, поскольку смешение указанных феноменов приводит к риску подмены процессуальных гарантий ведомственным техническим регулированием, способным де-факто ограничивать доступ к суду без создания полноценных механизмов обжалования таких ограничений. Эта коллизия наглядно демонстрирует, что конституционное право на судебную защиту оказывается уязвимым перед «процедурной техничностью», когда юридически значимые последствия связываются с формальными параметрами цифровой подачи документов, определяемыми подзаконными актами и реализуемыми персоналом, а не судьей. В связи с этим в доктрине критически оценивается перспектива перехода к «предиктивному правосудию», основанному на статистическом анализе больших массивов данных, поскольку алгоритмические ошибки и риск «коллапса моделей» при обучении на искусственно сгенерированных данных могут привести к дегенеративным процессам в судебной практике и утрате телеологической сути правовых норм [5, с. 177]. Тем не менее потенциал ИИ видится весьма перспективным в плоскости моделирования долгосрочных последствий судебных актов, особенно по делам, затрагивающим экологические или градостроительные споры, где использование технологий Big Data позволяет суду выйти за рамки формального прогноза и проанализировать динамику общественных отношений в долгосрочной перспективе [8, с. 122].

Цифровизация как таковая не является абсолютным конституционным благом автоматически, поскольку она может углублять «цифровое неравенство» и формировать новую асимметрию процессуальных возможностей, когда фактическая способность стороны пользоваться цифровыми каналами становится скрытым условием реализации права на защиту [2, с. 27–28]. Более того, возникают существенные риски для принципов состязательности и непосредственности, если доказательства исследуются через производные формы, что неизбежно снижает качество установления фактических обстоятельств и создает угрозу ошибочной оценки достоверности источников информации. Исследования, посвященные цифровизации административного судопроизводства, последовательно подтверждают, что использование ИИ в части прогнозирования и анализа практики допустимо лишь как форма внутренней организации работы и не может рассматриваться в качестве легитимного источника предрешения исхода конкретного дела [4, с. 79]. В противном случае фактическая зависимость судьи от рекомендательных систем начнет выполнять роль скрытого стандарта право-

применения, что подрывает автономию судебного усмотрения и превращает правосудие в производную от статистически выведенных паттернов, игнорирующих индивидуализацию ответственности.

Обобщая конституционно-правовой анализ, следует подчеркнуть, что алгоритмы машинного обучения зачастую функционируют в режиме «черного ящика», когда механика вывода не поддается внешней проверке и верификации, что вступает в прямой конфликт с требованием публичной мотивированности судебного акта [1, с. 37–38]. Для преодоления нормативных барьеров и минимизации рисков предлагается использование механизмов «регулятивных песочниц», позволяющих в контролируемой среде тестировать алгоритмические решения до их полномасштабного внедрения в процессуальную ткань [6, с. 363]. Конституционно-правовая рамка должна гарантировать, что использование ИИ-ассистентов для подготовки проектов документов не превратится в формализацию правосудия, лишаящую участников процесса возможности учета уникальных обстоятельств [5, с. 179]. Юридическая деятельность не может быть сведена к чисто вычислительному процессу, так как она включает элементы ценностной оценки и моральной ответственности, которые не воспроизводимы машиной даже при высоком уровне технологической насыщенности системы [3, с. 231–232]. Соответственно, ключевые зоны судебного усмотрения, а именно установление фактов, свободная оценка доказательств и применение неопределенных правовых понятий, не могут быть переданы алгоритму без разрушения самой природы судебной функции.

Таким образом, конституционно-правовая модель применения искусственного интеллекта должна базироваться на приоритете человеческого контроля и нормативном разграничении уровней регулирования цифровых процедур с обязательным переносом процессуально значимых правил из подзаконных актов в кодифицированные источники права. Необходима институциональная архитектура прозрачности, предполагающая обязательную сертификацию, аудит и объяснимость результатов используемых ИИ-систем, что продиктовано рисками алгоритмической предвзятости [1, с. 37–38]. Интеграция искусственного интеллекта должна быть подчинена исключительно целям обеспечения транспарентности и доступности правосудия при сохранении главенствующей роли судьи-человека как единственного субъекта, наделенного правом выносить ответственное нравственное и правовое решение, подлежащее защите в рамках конституционного строя.

Библиографический список

1. Айбатулина А. К. Цифровизация административного судопроизводства: новые возможности и потенциальные риски // Право. 2025. № 3. С. 35–40.
2. Бабушкин К. А. Влияние цифровизации на доступ к правосудию // Вопросы права. 2025. № 2. С. 26–30.
3. Гун Нань. Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. Вып. 1. С. 230–251.
4. Лупарев Е. Б. Информатизация в административном судопроизводстве: текущее состояние и перспективы // Административное право и процесс. 2024. № 8. С. 78–81.
5. Порохов М. Ю. Искусственный интеллект в судебной деятельности: баланс инноваций и этики // Криминалисть. 2024. № 2 (47). С. 173–180.
6. Симшоу Д. На пути к национальному регулированию правовых технологий: метод повышения доступа к правосудию // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19, № 2. С. 345–389.
7. Спиридонов Е. Р. Цифровая трансформация права: эволюция юридических процессов в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 119–120.
8. Фомина О. Ю. Моделирование последствий принятия судебного решения с помощью искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 118–126.

ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДА И АВТОНОМИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ юридических механизмов, обеспечивающих независимость судей и институциональную автономию судебной власти в Российской Федерации. В работе предложен авторский комплекс мер по реформированию системы управления судами, внедрению цифровых технологий (блокчейн) в распределение дел и обеспечению финансовой обособленности судебной ветви власти.*

***Ключевые слова:** независимость судей, автономия суда, гарантии правосудия, цифровизация правосудия, статус судьи.*

Актуальность темы обусловлена тем, что независимость судебной власти является фундаментом правового государства и необходимым условием обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту. В современных условиях реформирования государственного аппарата, цифровой трансформации общественных отношений и усиления вертикали власти вопросы реальной автономии судов приобретают критическое значение. Наличие системных проблем требует научного переосмысления существующих механизмов и выработки новых подходов к укреплению судейского суверенитета для повышения доверия общества к правосудию.

Независимость судебной власти выступает фундаментальным принципом правового государства, закрепленным в статье 120 Конституции Российской Федерации [1], согласно которой судьи независимы и подчиняются только закону.

Этот принцип, являющийся объективной возможностью судей осуществлять правосудие исключительно на основе юридически значимых фактов, закона и внутренней совести, обеспечивает справедливость судебных разбирательств и защиту прав граждан от неправомерного вмешательства.

Однако реализация данного принципа сталкивается с рядом системных противоречий, обусловленных историческим наследием, институциональными особенностями и современными вызовами.

В контексте романо-германской правовой традиции, присущей России, где превалирует нормативно-правовой акт как основной источник права, механизмы

обеспечения независимости суда требуют тщательного анализа через призму законодательных гарантий, процессуальных институтов и органов судейского сообщества.

Конституционно-правовая конструкция судебной власти в Российской Федерации строится на принципах разделения властей и ее исключительной реализации судами, как указано в части 2 статьи 118 Конституции РФ. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2] конкретизирует эту норму, определяя судебную власть как осуществляемую только судами в лице судей, присяжных и арбитражных заседателей. Независимость судей, провозглашенная статьей 120 Конституции РФ, не является самоцелью, а служит гарантией беспристрастности, объективности и справедливости правосудия, что подтверждается позицией Малаховой Т. А., подчеркивающей ее роль в защите прав граждан от давления со стороны других ветвей власти [5, с. 123].

Законодательные гарантии независимости судей включают особую процедуру назначения, материальное и социальное обеспечение, иммунитет и стабильность в должности. Федеральное законодательство детализирует эти меры: запрет вмешательства в деятельность судьи, неприкосновенность, пожизненное назначение (за исключением возраста и отставки), а также высокий уровень финансирования из федерального бюджета для обеспечения независимого правосудия. Процедурные механизмы, такие как самоотвод, право на особое мнение в коллегиальных решениях и тайна совещания судей, усиливают беспристрастность. Уголовно-правовая защита правосудия и обязательность обоснованности решений дополняют систему гарантий.

Тем не менее, автономия судебной власти как самостоятельной ветви предполагает не только индивидуальную независимость судей, но и институциональную обособленность от законодательной и исполнительной властей. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» закрепляет иерархию судов общей юрисдикции, арбитражных и конституционных судов, обеспечивая единообразие практики через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Органы судейского сообщества – Советы судей и квалификационные коллегии – реализуют принципы выборности и сменяемости, выступая механизмом внутреннего контроля без внешнего вмешательства.

Архипкин И. В. в теоретико-историческом аспекте подчеркивает цикличность проблем: реформы 1864 и 1991 гг. провозгласили независимость, но отсутствие механизмов реализации привело к рецидивам зависимости [3, с. 15]. Со-

временные вызовы усугубляются цифровизацией и глобализацией, где электронное правосудие повышает доступность, но рискует дегуманизацией процессов. Дюмкеева С. В. и соавт. отмечают, что объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов в 2014 г. унифицировало практику, но снизило качество экономического правосудия, а конституционные поправки 2020 г. усилили роль судебного сообщества, не устранив коррупционные риски [4, с. 250].

Эти проблемы проявляются в снижении доверия общества к суду: по данным социологических опросов, менее половины граждан считают судебную систему независимой. Руднева Ю. В. связывает это с правотворческой деятельностью судов, где постановления Пленума ВС РФ и КС РФ приобретают прецедентный характер, размывая границы между властью и толкованием [7, с. 63]. Миронов А. Л. видит в судебной власти элемент государственного управления, где конституционный контроль обеспечивает обратную связь, но требует баланса полномочий [6, с. 299].

Разрешение выявленных проблем требует комплексного подхода, сочетающего законодательное, институциональное и просветительское воздействие.

Первое направление – усиление материальных и социальных гарантий. Необходимо повысить финансирование судов до уровня, исключающего зависимость от региональных бюджетов, и ввести единые стандарты обеспечения жильем и медицинского обслуживания. Введение независимого фонда судебного обеспечения, подотчетного Совету судей, минимизирует административное давление.

Второе направление – реформа процедуры назначения и распределения дел. Переход к конкурсам с обязательным участием судебного сообщества и ротация председателей судов предотвратит концентрацию влияния. Кроме того, расширение дисциплинарного иммунитета на период рассмотрения дел защитит судей от преследования.

Третье направление – институционализация автономии через развитие органов судебного сообщества. Усиление роли квалификационных коллегий в отборе и продвижении, и создание независимых этических комиссий повысят внутренний контроль. Стоит опираться на исторический опыт реформ 1864 и 1991 гг., вводя принцип несменяемости для председателей и расширяя институт присяжных для легитимации решений.

Четвертое направление – цифровизация с сохранением принципов состязательности и гласности. Внедрение электронного правосудия должно сопровождаться защитой данных и обучением судей. Можно предложить четко разграничить толкование и правотворчество, признав постановления Пленума ВС РФ

обязательными разъяснениями, но не прецедентами, чтобы избежать конфликта с романо-германской традицией.

Пятое направление – просветительские меры и повышение правовой культуры. Кампании по разъяснению роли суда, мониторинг практики и международный обмен опытом укрепят доверие.

Реализация этих мер позволит преодолеть пробелы, обеспечив реальную автономию судебной власти. Юридические механизмы обеспечения независимости суда и автономии судебной власти в России формируют комплексную систему гарантий, эволюционировавшую от исторических реформ к современным институтам. Однако проблемы материального обеспечения, административного давления и процедурных рисков подчеркивают необходимость системных изменений.

Предложенные направления – от усиления гарантий до цифровизации и просвещения – позволят реализовать конституционные императивы, укрепив судебную власть как оплот правового государства. В условиях глобальных вызовов независимый суд станет гарантом суверенитета и защиты прав граждан, обеспечивая баланс властей и стабильность общества.

Для совершенствования юридических механизмов обеспечения независимости суда и автономии судебной власти авторами предлагается: реформирование системы управления: внедрение автоматизированных систем распределения дел (на базе блокчейн-технологий) для исключения «человеческого фактора» и ротация председателей судов; обеспечение финансовой автономности: законодательное закрепление прямого финансирования судебной системы через независимый фонд, подотчетный исключительно органам судейского сообщества; цифровая трансформация: полная интеграция электронного правосудия во все стадии процесса, что повысит прозрачность процедур и снизит нагрузку на аппарат суда; развитие демократических основ: упрощение процедур отбора присяжных заседателей и расширение их компетенции, а также усиление полномочий мировых судей по административным спорам малой значимости.

Укрепление судебной власти требует перехода от декларативного провозглашения независимости к созданию жестких юридических механизмов, исключающих любое внешнее и внутреннее давление на судей. Только через глубокую институциональную реформу и повышение правовой культуры судебная власть сможет в полной мере реализовать свою миссию защиты прав человека и обеспечения верховенства закона.

Современная система гарантий независимости судей в РФ носит комплексный характер, однако во многом остается декларативной из-за сохранения механизмов скрытого административного и финансового давления. Ключевыми барьерами на пути к подлинной автономии судебной власти выступают кадровое влияние исполнительной ветви власти, концентрация полномочий у председателей судов и критическая перегруженность судебного аппарата.

Для преодоления выявленных проблем необходим переход к жестким технологическим и институциональным мерам: внедрение автоматизированного распределения дел на базе блокчейн-технологий, ротация руководства судов и создание независимого фонда финансирования судебной системы, подотчетного только судейскому сообществу.

Укрепление авторитета судебной власти невозможно без расширения демократических начал, в частности, через развитие института присяжных заседателей и повышение прозрачности процедур за счет тотальной цифровизации правосудия. Итогом реформирования должно стать превращение судебной власти из элемента государственного управления в функционально независимый институт, выступающий эффективным арбитром в спорах между личностью и государством.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
3. Архипкин И. В. Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты // Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*. 2024. Т. 10, № 2.
4. Дюмкеева С. В., Амхаева Л. А., Боджаев Д. С., Булуктаева К. Ю. Судебная реформа в Российской Федерации: исторические предпосылки, современные проблемы и перспективы развития // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 7.
5. Малыхина Т. А. О проблеме реализации принципа независимости судей // *Сибирский юридический вестник*. 2025. № 1 (108).
6. Миронов А. Л. Судебная власть как часть структуры системы государственного управления // *Вестник экономической безопасности*. 2024. № 5.
7. Руднева Ю. В. Судебная власть и правотворческая деятельность // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 7.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В данной статье рассматривается современная конституционно-правовая парадигма реализации права на жизнь в Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу дискуссии о смертной казни в контексте существующего моратория и международных стандартов, а также проблематике «права на сбережение жизни», объединяющей биологический и социально-экономический аспекты существования личности. Автор анализирует взаимосвязь права на жизнь с вопросами здравоохранения, экологии и социальной защиты, обосновывая необходимость перехода от декларативных норм к механизмам фактического обеспечения достойного уровня жизнедеятельности.*

***Ключевые слова:** право на жизнь, позитивные обязательства государства, смертная казнь, право на сбережение жизни, социальное государство, здравоохранение, экологическая безопасность.*

Реализация права на жизнь в современной конституционно-правовой парадигме выходит далеко за рамки традиционного понимания данного права как запрета на произвольное лишение жизни. В российской правовой системе право на жизнь закреплено в ст. 20 Конституции Российской Федерации [1] и характеризуется, во-первых, статусом «базового» права, определяющего возможность осуществления иных прав и свобод, и во-вторых, наличием особых позитивных обязанностей государства по его обеспечению.

В условиях усложнения социальных рисков, технологизации медицины, роста значения экологических угроз и трансформации публичного управления вопрос реализации права на жизнь приобретает межотраслевой характер, соединяя конституционное право, административное право, социальное обеспечение, здравоохранение, экологическое регулирование и стандарты правосудия. Научная постановка проблемы требует аналитического рассмотрения того, как конституционная норма «переводится» в реальные блага и гарантии, какие юридические механизмы задействуются, где пролегают границы допустимых ограничений иных прав ради защиты жизни и в какой мере действующая модель позволяет воспринимать право на жизнь как «фактическое» право, а не только как декларацию.

Значимым методологическим ориентиром для анализа выступают две линии научной аргументации.

Первая линия, выраженная в работе Е. Е. Новопавловской, акцентирует практико-ориентированное понимание реализации права на жизнь через конституционную юстицию, внутреннее законодательство и международные стандарты, а также через комплекс позитивных обязательств государства в сферах здравоохранения, социальной защиты, экологии и установления специальных режимов ограничений в чрезвычайных условиях [8, с. 45].

Вторая линия, предложенная О. Н. Мигущенко, проблематизирует узость распространенного понимания права на жизнь и предлагает концепт «права на сбережение жизни» как интеграции биологического аспекта охраны жизни и социально-экономического содержания достойной жизни, поскольку формальная гарантия без фактической возможности пользоваться социальными благами не обеспечивает реальной реализации субъективного права [7, с. 78].

Конституционное право на жизнь в Российской Федерации закреплено как неотчуждаемое право, принадлежащее каждому от рождения. Его содержание традиционно включает запрет произвольного лишения жизни, однако конституционно-правовая практика последовательно расширяет рамку понимания, связывая охрану жизни с обязанностями государства создавать систему гарантий, предотвращающих угрозы жизни и обеспечивающих минимально необходимый уровень защищенности личности. С этой точки зрения право на жизнь выступает не «одним из» прав, а правом, имеющим конструктивное значение для всей системы прав и свобод, поскольку без жизни реализация иных прав теряет смысл. Данная мысль закреплена в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, который указывает на жизнь как высшую ценность и характеризует право на жизнь как базовое, обеспечивающее возможность осуществления иных конституционных прав.

Реализация права на жизнь должна рассматриваться как процесс, включающий нормативный уровень (конституционные и законодательные гарантии), институциональный уровень (деятельность органов государственной власти и правоприменительных институтов), а также фактический уровень (реальное состояние защиты жизни, доступность медицинской помощи, безопасность среды, социальная защищенность). Такой подход позволяет избежать методологической ошибки: подмена права как реальной возможности пользоваться социальным благом правом как «созданием условий», не гарантирующих результат.

Одной из наиболее острых проблем является применение смертной казни. Вступление Российской Федерации в состав Совета Европы состоялось 28 февраля 1996 г. С 16 апреля 1997 г. на смертную казнь в России был наложен мораторий. Уже более 20 лет этот вид наказания не применяется, хотя среди современных ученых, правоведов и политиков до сих пор ведутся дискуссии о необходимости его восстановления, особенно после прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы с 16 марта 2022 г.

Основанием неприменения высшей меры наказания является мораторий, введенный Указом Президента РФ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» от 16 мая 1996 г. № 724 [2] и подтвержденный Конституционным Судом РФ (Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» от 2 февраля 1999 г. № 3-П [3], Определение Конституционного Суда РФ «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р [4]). Благодаря длительному применению указанного моратория, сложились устойчивые гарантии прав человека, согласно которым смертная казнь не может применяться в виде исключительного наказания. В настоящее время в качестве альтернативы высшей меры наказания за особо тяжкие преступления применяется пожизненное лишение свободы.

Один из основных аргументов против восстановления смертной казни состоит в том, что это нарушает право на жизнь, которое признается всеобщим основным правом человека. Противники смертной казни утверждают, что она

несовместима с прогрессивными нормами прав человека, а также может привести к ошибкам и неправосудию [9, с. 42]. Бобров А. В. отмечал, что смертная казнь не имеет доказанного сдерживающего эффекта, а судебные ошибки, к сожалению, не исключены, что делает ее применение необратимым и негуманным. Кроме того, он указывает на то, что смертная казнь противоречит конституционному праву на жизнь и принципам гуманизма [5, с. 316].

Однако, несмотря на эти аргументы, существует ряд проблем, связанных с применением смертной казни. Во-первых, существует риск, что в системе судопроизводства могут быть допущены ошибки, которые приведут к несправедливым казням. Во-вторых, смертная казнь не предоставляет возможности для реабилитации и исправления преступников, что может быть проблематично с точки зрения человеческого достоинства и справедливого правосудия. Кроме того, смертная казнь вызывает серьезные этические вопросы, связанные с правом государства на причинение смерти [10, с. 102].

Как уже было упомянуто ранее, в России существует парадокс: смертная казнь предусмотрена Уголовным кодексом и Конституцией (хотя ее отмена не запрещена), но на практике не применяется из-за действующего моратория. Это противоречие создает неопределенность в правовом поле и ставит под сомнение принципы законности и правовой определенности. Формальное наличие смертной казни при фактическом ее неприменении может создавать иллюзию возможности ее возвращения, что способствует напряженности в обществе.

В 2025 году вопрос о смертной казни в России остается актуальным. Общество по-прежнему разделено во мнениях: часть населения, особенно на фоне громких преступлений (теракт в «Крокус Сити Холле», убийство в Перми матерью ребенка, трагедия в Тольятти и так далее), поддерживает возвращение смертной казни, другая часть выступает за ее отмену. Ситуация в мире также влияет на дискуссию: некоторые страны отказываются от моратория, что вызывает опасения у правозащитников.

На современном этапе применение смертной казни в России остается крайне неактуальным и неприемлемым. В условиях современной правовой и этической парадигмы отмена смертной казни является признаком цивилизованного общества, уважающего права человека.

В контексте права на жизнь риск формализации особенно высок: государство может юридически декларировать широкий перечень гарантий, но при недостаточной эффективности механизмов исполнения граждане не получают фактической защищенности, и тогда право на жизнь превращается в символическую норму.

Конституционно-правовая доктрина различает отрицательные и положительные обязанности государства в сфере права на жизнь. Отрицательные обязанности выражаются в запрете произвольного лишения жизни, в ограничении применения смертельной силы государственными органами, в установлении уголовно-правовой охраны жизни как объекта.

Положительные обязанности включают организацию систем здравоохранения, санитарно-эпидемиологической безопасности, профилактики рисков, социальной поддержки уязвимых групп, экологической защиты, эффективного расследования случаев смерти и создание режимов, минимизирующих угрозы жизни. Подход, ориентированный на позитивные обязательства: государство обязано обеспечивать охрану здоровья и квалифицированную медицинскую помощь, включая особые категории лиц, находящихся под стражей или отбывающих наказание. Здесь проявляется важная конституционная идея: обязанность государства защищать жизнь универсальна и распространяется на каждого человека, независимо от гражданства и правового статуса, что подтверждается правовыми позициями КС РФ о применимости права на жизнь к иностранцам и лицам без гражданства.

Особого внимания заслуживает аспект медицинских гарантий и взаимодействия права на жизнь с медицинской тайной и правом семьи на доступ к информации о причинах смерти. Конституционный Суд РФ, оценивая нормы законодательства об охране здоровья, подчеркнул необходимость исполнения государством позитивных обязательств по защите права на жизнь в аспекте расследования смерти пациента и защиты прав переживших членов семьи. Данный элемент показывает, что реализация права на жизнь не исчерпывается предотвращением гибели как таковой; она включает и обязанность государства обеспечивать правовую определенность и справедливую процедуру в случаях, когда смерть наступила, особенно если имеются признаки ненадлежащего оказания медицинской помощи или иных нарушений, требующих оценки.

Процедурная составляющая права на жизнь тем самым приобретает самостоятельное значение: эффективное расследование причин смерти становится частью конституционных гарантий, поскольку без него невозможно ни восстановление справедливости, ни предупреждение аналогичных угроз жизни в будущем.

Право на жизнь тесно связано с правом на охрану здоровья и медицинскую помощь, однако реализация этого комплекса зависит не только от отраслевого регулирования, но и от организационных и финансовых решений государства. Именно здесь возникает проблематика соотношения права на жизнь и социального государства. Конституция РФ закрепляет социальный характер государства

и ориентирует публичную власть на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека. Автор предлагает рассматривать реализацию права на жизнь как основу стратегического приоритета «сбережение народа» и утверждает, что действующее понимание права на жизнь недостаточно, поскольку ограничивает обязанности государства преимущественно «сохранением жизни» и не стимулирует фактическое обеспечение социально-экономических прав. Право на жизнь должно быть переосмыслено как право на «сбережение жизни», то есть как совокупность обязанностей государства по сохранению биологической жизни и по обеспечению социально-экономических условий достойной жизнедеятельности. Такой подход методологически важен, поскольку переводит дискуссию из плоскости запретов и крайнего уголовно-правового измерения в плоскость качества жизни, доступности социальных благ и эффективности экономической модели.

При этом концептуальная интеграция «права на жизнь» и «права на достойную жизнь» не означает их смешения на уровне юридической техники; скорее речь идет о выявлении системной взаимосвязи. Если право на жизнь понимать лишь как защиту от убийства или от смертной казни, оно неизбежно будет привязано к исключительным ситуациям и к уголовной репрессии. Подобное «сужение» – опасная подмена понятий, когда субъективное право превращается в обязанность «не убивать», а ответственность за невозможность реализовать право переносится на самого носителя права. В таком случае государство может формально утверждать, что оно обеспечивает право на жизнь, поскольку запрещает убийство и расследует преступления, но при этом оставлять без должного уровня защиты факторы смертности и ухудшения здоровья, обусловленные бедностью, ограниченной доступностью медицины, небезопасной средой, рисками труда и неработающими механизмами социальной поддержки. Следовательно, научно корректная модель реализации права на жизнь должна учитывать, что жизнедеятельность человека является биосоциальной, а значит право на жизнь включает управленческое измерение: государство обязано минимизировать системные риски и обеспечивать доступ к средствам сохранения и поддержания жизни.

Экологический аспект реализации права на жизнь приобретает самостоятельное значение, поскольку угроза жизни может формироваться не только действиями отдельных лиц или недостатками медицины, но и состоянием окружающей среды. Существует взаимосвязь права на жизнь с правом на благоприятную окружающую среду и экологическое благополучие: при чрезвычайных ситуациях или угрозе их возникновения государство обязано защищать жизнь и здоровье граждан, минимизируя вредные последствия. В данном контексте реализация права на жизнь включает регуляторные, контрольные и превентивные меры:

экологическое нормирование, мониторинг, информирование населения, реагирование на аварии и компенсацию вреда. Здесь проявляется принцип превентивности: государственные гарантии должны быть направлены не только на устранение последствий, но и на предотвращение условий, создающих массовые риски для жизни, что сближает право на жизнь с принципами устойчивого развития и экологической безопасности.

Существенный элемент реализации права на жизнь связан с допустимостью ограничений иных прав ради защиты жизни. Наиболее наглядно это проявляется в ситуациях масштабных угроз, когда государство вводит временные ограничения свободы передвижения, предпринимательской деятельности, массовых мероприятий и иных аспектов, аргументируя эти ограничения необходимостью защиты жизни и здоровья. Введенные в период пандемии ограничительные меры были признаны экстраординарными и временными, вводимыми на уровне субъектов РФ в целях защиты права на жизнь и здоровья. Данный пример демонстрирует конституционно значимое правило: реализация права на жизнь может требовать временного «перераспределения» приоритетов, когда защита жизни выступает основанием для допустимого ограничения иных свобод, однако такое ограничение должно соответствовать критериям необходимости, соразмерности, временности и правовой определенности. На уровне правовой теории это означает, что право на жизнь выполняет функцию «системного приоритета», но не превращается в абсолютизм, отменяющий остальные права; напротив, требуется баланс и оценка по конституционным стандартам.

Концептуально целесообразно различать узкое и широкое понимание реализации права на жизнь. В узком смысле речь идет о защите от произвольного лишения жизни и о расследовании случаев смерти, где возможно нарушение со стороны частных лиц или государства. В широком смысле реализация права на жизнь охватывает государственную политику по снижению предотвратимой смертности, обеспечению доступности здравоохранения, профилактике заболеваний, снижению бедности как детерминанты ухудшения здоровья, обеспечению безопасной среды и т. д.

Современная российская дискуссия движется в сторону широкого понимания, но сталкивается с проблемой юридической операционализации: необходимы критерии и механизмы ответственности государства, когда угрозы жизни возникают из системных недостатков управления или ресурсного распределения. Здесь особенно значима идея «фактического» права: право реализовано не тогда, когда оно провозглашено и описаны процедуры, а тогда, когда у человека

существует реальная возможность сохранить жизнь и поддерживать ее качество на минимально достойном уровне.

Реализация конституционного права на жизнь в современной России представляет собой комплексный механизм, объединяющий отрицательные запреты произвольного лишения жизни и развернутую систему позитивных обязательств государства. Анализ научных подходов и правовых позиций позволяет обосновать, что право на жизнь выполняет роль базового конституционного права, обеспечивающего ценностный и функциональный фундамент всей системы прав и свобод, а его реализация невозможна в отрыве от гарантий охраны здоровья, социальной защиты и экологической безопасности. Одновременно выявляется ключевая проблема: риск формализации права на жизнь, когда государственные обязанности сводятся к «созданию условий», не обеспечивающих фактического получения жизненно необходимых благ. В этой связи концепт «права на сбережение жизни» и требование рассматривать право на жизнь в неразрывной связи с достойной жизнью представляются теоретически значимыми и практически востребованными, поскольку переводят реализацию права на жизнь в плоскость измеримых результатов социальной и экономической политики.

Научно обоснованное понимание реализации права на жизнь требует системного подхода, включающего процедуру эффективного расследования причин смерти, доступность медицинской помощи, устойчивую систему социальной поддержки и превентивную экологическую политику. Перспективным направлением развития выступает уточнение критериев фактической реализации: закрепление минимальных стандартов доступности и качества ключевых гарантий, усиление контроля за исполнением позитивных обязательств и развитие механизмов конституционного баланса, допускающих временные ограничения иных прав только при соблюдении требований необходимости и соразмерности. В конечном счете реализация права на жизнь должна оцениваться не только по наличию правовых норм, но и по реальной способности государства обеспечить каждому человеку безопасную, медицински защищенную и социально достойную жизнедеятельность, что соответствует как конституционным установлениям о социальном государстве, так и современным научным представлениям о неделимости прав человека.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.

2. Указ Президента РФ «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» от 16 мая 1996 г. № 724 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2469.

3. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 3.

4. Определение Конституционного Суда РФ «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693322/>.

5. Бобров А. В. Основные проблемы реализации права на жизнь на современном этапе // Молодой ученый. 2024. № 3 (502).

6. Зуйкова А. С. Смертная казнь в России: «за» и «против» // Н. Экс. Т. 2024. № 1 (25).

7. Мигущенко О. Н. Реализация права на жизнь как основа обеспечения главного стратегического национального приоритета Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55.

8. Новопавловская Е. Е. Реализация конституционного права на жизнь в современных реалиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4.

9. Семенов В. Р., Тюнин В. И. Смертная казнь в России и за рубежом // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99).

10. Степанова В. В. Правовое регулирование применения смертной казни в контексте права на жизнь в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 30 (477).

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Аннотация. В представленной статье осуществляется комплексный научный анализ правовых механизмов прекращения гражданства Российской Федерации в свете существенного обновления миграционного законодательства. Авторы рассматривают двойственную природу данного института, сочетающего в себе функции защиты прав индивида и обеспечения национальной безопасности государства. В работе исследуются основания прекращения гражданства по инициативе государства, включая совершение преступлений террористического и экстремистского характера, а также предоставление заведомо ложных сведений при натурализации.

Ключевые слова: гражданство Российской Федерации, прекращение гражданства, национальная безопасность, натурализация, денатурализация, суверенитет.

Современный институт прекращения гражданства Российской Федерации находится в стадии активной трансформации, обусловленной необходимостью адаптации правовой системы к сложным внешнеполитическим вызовам и внутренним угрозам национальной безопасности. Принятый в 2023 году Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [2] ознаменовал переход к качественно новой модели регулирования правовой связи человека с государством, в рамках которой гражданство рассматривается не только как субъективное право, но и как состояние взаимной ответственности [10, с. 28]. Двойственная природа данного института проявляется в его способности выступать одновременно гарантом стабильного правового статуса законопослушного индивида и эффективным инструментом защиты общественного порядка через процедуру денатурализации лиц, нарушивших условия включения в политическое сообщество.

Международно-правовой фундамент, выраженный в Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года и Европейской конвенции о гражданстве 1997 года, допускает принудительное прекращение гражданства в исключительных случаях, таких как причинение серьезного ущерба жизненно важным интересам

государства или совершение мошеннических действий при приеме в гражданство [6, с. 89]. Отечественное законодательство имплементирует данные подходы, закрепляя в статье 22 Закона о гражданстве основания прекращения правовой связи, среди которых выделяются добровольное волеизъявление гражданина и прекращение гражданства по инициативе государственных органов. Как отмечает А. А. Катков, правовые средства противодействия угрозам, исходящим от натурализованных граждан, требуют четкой дифференциации способов их реализации для обеспечения национальной и общественной безопасности [7, с. 83].

Центральным элементом обновленного механизма является прекращение гражданства вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу личной, общественной и государственной безопасности. Совершение определенных уголовных деяний натурализованным лицом интерпретируется законом как сообщение заведомо ложных сведений при приеме в гражданство, в частности, в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации [8, с. 68]. Конституционный Суд РФ подтверждает, что подтвержденный обвинительным приговором факт совершения тяжкого преступления свидетельствует об осознанном отказе виновного от обязательства быть верным России [10, с. 30]. Однако Е. Г. Быкова и А. А. Казаков указывают на необходимость дальнейшего расширения перечня преступлений, влекущих денатурализацию, включая в него посягательства на жизнь, половую неприкосновенность и государственную власть, поскольку такие деяния коренным образом противоречат традиционным российским духовно-нравственным ценностям [4, с. 21].

Важным аспектом выступает деятельность органов Федеральной службы безопасности по вынесению заключений о совершении лицами действий, угрожающих национальной безопасности, что позволяет оперативно пресекать деструктивную деятельность без необходимости завершения длительных судебных процедур [9, с. 34]. Это направление тесно коррелирует с процессами цифровизации миграционного контроля и усилением административного надзора за лицами, недавно приобретшими гражданство, включая их обязанность по своевременной постановке на воинский учет [5, с. 71]. Внедрение подобных мер направлено на укрепление доверия между обществом и государством, а также на предотвращение формирования изолированных этнических анклавов, подрывающих единство политического пространства страны [10, с. 31].

Трансформация института прекращения гражданства в Российской Федерации отражает глобальную тенденцию усиления контроля над процессом принадлежности к государству в условиях борьбы с терроризмом и экстремизмом. Р. Б. Гандалоев справедливо замечает, что гражданство является фундаментом

для взаимодействия личности и государства, а его стабильность напрямую зависит от способности правовой системы исключать из круга граждан элементы, представляющие опасность для социальной когезии [5, с. 69]. Таким образом, современное регулирование направлено на поддержание высокого престижа российского гражданства, при котором обладание статусом гражданина неразрывно связано с неукоснительным соблюдением установленного правопорядка и уважением к национальным интересам.

Современный институт прекращения гражданства Российской Федерации представляет собой сложный правовой механизм, который эволюционировал в инструмент обеспечения национальной безопасности и защиты государственного суверенитета, сохраняя при этом баланс между защитой прав личности и интересами государства. Обновленное законодательство, в частности Федеральный закон № 138-ФЗ, закрепило двойственную природу гражданства, рассматривая его не только как субъективное право, но и как состояние взаимной ответственности, что позволяет государству применять денатурализацию в отношении лиц, нарушивших фундаментальные условия принадлежности к политическому сообществу. Ключевым элементом данной системы является прекращение гражданства вследствие совершения преступлений, угрожающих безопасности, что трактуется как сообщение заведомо ложных сведений при натурализации и свидетельствует об отказе от обязательства быть верным России. Усиление административного надзора, цифровизация контроля и расширение полномочий силовых структур направлены на оперативное пресечение угроз и укрепление общественного доверия к институту гражданства.

Таким образом, трансформация правовых механизмов прекращения гражданства отражает глобальную тенденцию ужесточения контроля над принадлежностью к государству и нацелена на поддержание высокого престижа российского гражданства, неразрывно связанного с соблюдением правопорядка и защитой национальных интересов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

3. Бондаренко Т. А. Актуальные проблемы прекращения гражданства Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 2(56). С. 56–61.
4. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Прекращение гражданства РФ вследствие совершения преступления как одна из мер по нейтрализации угроз национальной безопасности: вопросы совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 20–25.
5. Гандалоев Р. Б. Основные аспекты улучшения института гражданства в контексте гарантии защиты личности, общества и государства // Закон и право. 2025. № 2. С. 69–73.
6. Долгиев М. М., Долгиева М. М. Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступлений или действий, создающих угрозу национальной безопасности: сравнительно-правовой аспект // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 3. С. 85–95.
7. Катков А. А. Правовые аспекты прекращения гражданства Российской Федерации // Закон и право. 2025. № 10. С. 83–89.
8. Масталиев К. Т. Правовая природа института отмены решений по вопросам гражданства РФ и его соотношение с нормами действующего законодательства // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 67–71.
9. Россинский Б. В. Административные правонарушения как угроза национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 11(99). С. 30–40.
10. Хлебунова С. А. Двойственная природа института прекращения гражданства Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 28–33.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОПРАВК 2020 ГОДА

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ конституционных норм, формирующих правовую основу экономической безопасности Российской Федерации, с учетом доктринальных подходов к экономическому суверенитету как неотъемлемому элементу основ конституционного строя; особое внимание уделяется роли поправок к Конституции РФ 2020 года в создании условий для устойчивого экономического роста и нейтрализации внешних угроз, включая санкционные ограничения, что позволяет констатировать эволюцию нормативного регулирования от декларативных принципов к императивным механизмам стратегического планирования и имплементации экономической самодостаточности в условиях глобальных вызовов.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность, экономический суверенитет, поправки к Конституции РФ, стратегическое планирование, постсанкционные риски.*

В контексте современных геоэкономических реалий, характеризующихся эскалацией санкционного давления со стороны коллективного Запада и необходимостью сохранения национального суверенитета, экономическая безопасность Российской Федерации предстает не просто как производная от макроэкономических индикаторов, но как фундаментальный конституционный императив, органически интегрированный в систему основ конституционного строя, поскольку, согласно статье 4 Конституции РФ [1], суверенитет государства выступает ключевым сегментом, определяющим полноту реализации всех публичных функций, включая внешнеэкономические отношения, социальную сферу и стратегическое планирование экономического развития; поправки 2020 года, в свою очередь, радикально усилили этот императив, введя в статью 75.1 норму о создании условий для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан посредством социального партнерства и солидарности, что не только детализировало экономические принципы глав 1 и 2 Основного Закона, но и институционализировало механизм баланса интересов личности, общества и государства, тем самым трансформировав абстрактные декларации свободы экономической деятельности, единства экономического пространства и равной

защиты форм собственности (статья 8, 34) в конкретные полномочия органов власти по содействию предпринимательству и научно-технологическому прогрессу (статья 114), обеспечивая превентивную нейтрализацию угроз, проистекающих из внешних санкций и внутренних дисбалансов [10, с. 42].

Эта эволюция нормативной базы, опирающаяся на Стратегию экономической безопасности до 2030 года [3], где экономический суверенитет трактуется как реальная независимость в формировании внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств [6, с. 57], позволяет утверждать, что конституционное право Российской Федерации не только декларирует, но и операционализирует экономическую безопасность через комплекс принципов, от свободы предпринимательской деятельности и гарантированного института частной собственности (статья 8, 35) до единого валютного регулирования и полномочий Центрального банка по защите национальной валюты (статья 75), которые в постсанкционной перспективе приобретают особую значимость, поскольку минимизируют риски обратного эффекта от контрмер, таких как параллельный импорт или протекционистские субсидии, потенциально ведущих к деформации конкурентной среды при гипотетическом смягчении ограничений [8, с. 95].

Более того, интегрируя зарубежный опыт, такой как китайская модель «двойной циркуляции», сочетающая внутреннюю устойчивость с избирательной открытостью, и иранскую практику создания параллельных финансовых институтов, российская конституционная парадигма демонстрирует превентивный потенциал, где статья 79, разрешающая передачу полномочий межгосударственным объединениям без ущерба основам строя, и статья 67.1, утверждающая правопреемство СССР в международных обязательствах, формируют основу для диверсифицированной внешней политики, ориентированной на евразийскую интеграцию и технологический суверенитет [7, с. 57]; в этой связи Стратегия национальной безопасности [2], провозглашающая превышение темпов экономического роста над мировыми уровнями как приоритет, подкрепляется конституционными гарантиями социальной солидарности, что особенно актуально в условиях киберугроз и цифровизации, где биологическая безопасность и защита критической инфраструктуры выступают органическими элементами экономической устойчивости [11].

Анализируя дефинитивную составляющую, можно отметить, что экономическая безопасность, по сути, представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, включая санкционные ограничения и киберпреступления, что

подтверждается балансом правовых подходов, где свобода экономической деятельности (статья 34) коррелирует с государственными гарантиями равной защиты собственности и единства экономического пространства (статья 8), а поправки 2020 года вводят императив создания условий для роста ВВП и социальной поддержки, тем самым устраняя пробелы в прежней модели, ориентированной преимущественно на реактивные контрмеры [10, с. 44; 12, с. 143].

Вместе с тем системный дефект текущего регулирования заключается в отсутствии превентивной оценки постсанкционных рисков, таких как инфляционный всплеск от накопленной денежной массы или конкурентный шок для импортозамещающих отраслей при возвращении иностранных игроков, что требует законодательного закрепления «дорожных карт» адаптации, включая критерии отраслевой устойчивости и поэтапное снятие протекционистских мер, под эгидой Совета Безопасности РФ и Правительства, полномочия которых по статье 83 и 114 Конституции расширяют вектор от декларативных принципов к императивным механизмам стратегического планирования [8, с. 99; 9, с. 108].

Фактически конституционные основы, усиленные поправками 2020 года, создают парадигму, где экономическая безопасность интегрируется с национальной через призму суверенитета, предполагая не только реактивное противодействие санкциям, но и проактивное формирование технологического паритета, диверсификацию рынков и цифровизацию под строгим правовым контролем, что в конечном счете обеспечивает баланс интересов, где личная свобода предпринимательства (статья 34) гармонизируется с государственными гарантиями роста и защиты (статья 75.1), минимизируя риски как внешнего давления, так и внутренних диссонансов [6, с. 60; 10, с. 48].

Конституционно-правовое регулирование экономической безопасности Российской Федерации, эволюционировавшее под влиянием поправок к Конституции РФ 2020 года, представляет собой целостную и динамичную систему, органически интегрирующую принципы экономического суверенитета в основу конституционного строя. Введение норм статьи 75.1, усиливающих государственные гарантии устойчивого экономического роста, социальной солидарности и научно-технологического прогресса, а также уточнение полномочий органов власти по статьям 71, 83 и 114, трансформировало декларативные положения о свободе экономической деятельности (статья 34), единстве экономического пространства и защите собственности (статья 8) в императивные механизмы превентивного противодействия внутренним и внешним угрозам. Это не только нейтрализует текущие вызовы, такие как санкционное давление, киберугрозы и макроэкономические дисбалансы, но и закладывает основу для проактивной

адаптации к постсанкционным сценариям, включая диверсификацию рынков, технологический паритет и цифровизацию критической инфраструктуры.

Стратегии экономической и национальной безопасности до 2030 года, опираясь на конституционные императивы, подчеркивают приоритет превышения темпов экономического роста над мировыми уровнями, гармонизируя интересы личности, общества и государства через баланс рыночных свобод и государственного регулирования. Зарубежный опыт, включая китайскую модель «двойной циркуляции» и иранские параллельные финансовые институты, демонстрирует эффективность такой парадигмы, подтверждая превентивный потенциал российского подхода в условиях глобальных геоэкономических сдвигов и евразийской интеграции.

Однако для полной реализации этого потенциала необходимы целенаправленные меры по совершенствованию законодательства и практики его применения. Во-первых, предлагается разработка федерального закона «О постсанкционной адаптации экономики», предусматривающего обязательные «дорожные карты» для ключевых отраслей (энергетика, машиностроение, ИТ, агропромышленный комплекс) с критериями устойчивости: минимальными пороговыми значениями локализации производства (не менее 70% для стратегических товаров), уровнем технологической независимости (по индексу самодостаточности не ниже 0,8) и диверсификацией экспорта (не более 40% от одного рынка). Эти карты должны включать поэтапное снятие протекционистских мер (субсидии, преференции) при достижении индикаторов, с ежегодной оценкой под эгидой Совета Безопасности РФ и Правительства РФ, полномочия которых по статье 83 Конституции позволяют координировать межведомственный контроль.

Во-вторых, целесообразно внести поправки в Федеральный закон «О стратегическом планировании» № 172-ФЗ, вводящие превентивную оценку рисков (stress-тестирование) для сценариев смягчения санкций, включая моделирование инфляционных всплесков от накопленной денежной массы (с порогом не выше 5% годовых) и конкурентных шоков для импортозамещающих предприятий. Практика применения должна быть усилена созданием Межведомственного совета по экономической устойчивости при Президенте РФ, интегрирующего данные Росстата, Минэкономразвития и ЦБ РФ для ежеквартального мониторинга 15 ключевых индикаторов (рост ВВП, инфляция, безработица, внешнеторговый баланс, технологический импортозамещение и др.), с публичным дашбордом для прозрачности.

В-третьих, для цифровизации и кибербезопасности предлагается законодательное закрепление единого реестра критической инфраструктуры с обязательной сертификацией по стандартам ГОСТ Р 56546-2015, интегрированной с биологической безопасностью (в контексте статьи 72 Конституции), и пилотные проекты по блокчейн-платформам для параллельного импорта и трансграничных платежей в рамках ЕАЭС. Практика должна включать ежегодные межрегиональные учения по сценариям экономических угроз с участием субъектов РФ, обеспечивая единство экономического пространства.

Наконец, гармонизация с международным правом требует расширения статьи 79 Конституции рамками для асимметричных альянсов (БРИКС+, ШОС), с фокусом на совместные фонды технологического суверенитета. Эти меры, реализуемые в ближайшие 2–3 года, не только минимизируют постсанкционные риски, но и обеспечат переход к модели устойчивого роста, укрепляя национальный суверенитет в многополярном мире и подтверждая стратегическое значение конституционных поправок 2020 года как фундамента экономической самодостаточности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.
4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. № 159.
5. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.
6. Ашхацава Д. И. Экономический суверенитет Российской Федерации в контексте основ конституционного строя // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 56–60.
7. Будаев А. М. Конституционные основы внешней политики России // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 57–62.

8. Львова Л. Н. Совершенствование конституционно-правовых механизмов обеспечения экономической безопасности Российской Федерации от пост-санкционных рисков // Вестник Российского университета кооперации. 2025. № 2. С. 95–103.
9. Малашенко Г. Т. О правовом регулировании экономической безопасности в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2024. № 4. С. 106–109.
10. Плотникова И. Н. Конституционные основы экономического суверенитета российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3. С. 42–48.
11. Рожков Р. С. Экономическая безопасность и киберпреступления: особенности, классификация, нормативно правовая база / Р. С. Рожков, А. С. Мошкин, Ю. С. Васюкова, М. Е. Пронин // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № S2. – URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN225.pdf>.
12. Спиридонов Д. В. Баланс жизненно важных интересов личности, общества и государства как необходимое условие устойчивого социально-экономического развития и безопасности страны // Право и государство: теория и практика. 2024. № 5(233). С. 143–152.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация.** В статье исследуется природа конституционно-правовых норм как первоэлемента национальной правовой системы. Выявляются их сущностные черты, определяются границы правового воздействия на отношения, складывающиеся в сфере организации публичной власти, статуса личности и основ конституционного строя. Предлагается развернутая классификация данных норм по ряду критериев: предметному наполнению, юридической иерархии, роли в механизме регулирования и типу предписаний. Обосновывается их учреждающий характер, верховенство в системе источников права и особая роль в обеспечении стабильности государственного развития.*

***Ключевые слова:** конституционное право, конституционно-правовые нормы, отраслевое регулирование, конституционный строй, иерархия норм, классификация юридических предписаний.*

Правовые нормы, образующие отрасль конституционного права, занимают уникальное положение в юридической материи, выступая не просто составной частью, но системообразующим ядром всего правопорядка. Именно в них находят закрепление исходные начала организации верховной власти, принципы взаимоотношений личности и государства, а также базовые параметры функционирования гражданского общества. Их роль не исчерпывается непосредственной регламентацией; они задают векторы развития для всех иных отраслевых массивов, выступая для них своего рода нормативным ориентиром.

В современной юридической доктрине под конституционно-правовыми нормами принято понимать формально определенные, установленные либо признанные государством общеобязательные правила, которыми опосредуется круг общественных отношений, составляющих предмет данной отрасли: прежде всего, это отношения по поводу учреждения и функционирования публичной власти, определения статуса человека в его взаимосвязи с государством, а также закрепления основополагающих устоев общества и государства. Источниками таких норм выступают, в первую очередь, конституция (основной закон), а также принятые на ее основе законы особого вида – конституционные и органические, международные договоры, получившие имплементацию в национальное правовое поле, и иные нормативные акты конституционно-правового содержания.

Природа конституционно-правовых норм раскрывается через совокупность специфических черт, отличающих их от регуляторов иных отраслей. Наиболее значимой из них выступает верховенство в иерархии нормативных актов. Положения конституции и актов, приравненных к ней по юридической силе, располагаются на высшей ступени иерархической лестницы. Любой иной нормативный акт, будь то федеральный закон или подзаконное предписание, должен оцениваться на предмет соответствия этим эталонным установлениям; при обнаружении коллизий преимущество остается за конституционными нормами.

Кроме того, данным нормам присущ учредительный (учреждающий) эффект. Они не просто упорядочивают уже сложившиеся связи, но и конструируют саму модель государственного бытия: определяют форму территориального устройства, разновидность правления, компетенционные рамки высших органов власти, тем самым создавая юридический фундамент для последующего отраслевого нормотворчества.

Специфика отрасли сказывается и на строении образующих ее норм. Классическая триада «гипотеза – диспозиция – санкция» в конституционном праве нередко трансформируется. Значительный массив предписаний носит программный, декларативный либо принципиальный характер, формулируя цели государственной политики, исходные начала правового регулирования, ключевые ценностные ориентиры. Санкционный элемент применительно к таким нормам, как правило, вынесен за пределы отрасли и закрепляется в административном, уголовном или ином законодательстве, обеспечивающем охрану конституционных установлений.

Важной характеристикой является также свойство прямого действия. Многие конституционные положения не требуют принятия дополнительных законодательных актов для своей реализации; они могут быть применены непосредственно, служа для граждан, организаций и судебных инстанций полноценным основанием для разрешения правовых вопросов.

Для системного анализа конституционно-правовых норм в науке широко используется их классификация по различным основаниям. В зависимости от предметной сферы регулируемых отношений выделяют: нормы, фиксирующие основы конституционного строя; нормы, устанавливающие правовое положение личности; нормы, регламентирующие федеративное (территориальное) устройство; а также нормы, определяющие систему и компетенцию органов публичной власти, включая местное самоуправление.

По юридической силе, то есть месту в иерархии источников, различают:

- предписания, содержащиеся в конституции (основном законе) и обладающие высшей юридической силой по отношению ко всем остальным актам;
- положения, закрепленные в конституционных (органических) законах, принимаемых в развитие конституции и отличающихся усложненной процедурой принятия;
- нормы международных договоров, которые после ратификации и в установленном порядке интегрируются в национальную правовую систему и обладают приоритетом в случае коллизий с обычными законами.

Классификация по функциональному назначению позволяет выделить регулятивные нормы, непосредственно упорядочивающие общественные связи, и охранительные, нацеленные на защиту конституционных ценностей, прав и свобод. В рамках данного подхода также рассматриваются специализированные предписания, выполняющие служебную роль: нормы-принципы (задающие идеологическую основу регулирования), нормы-дефиниции (легализующие ключевые понятия), нормы-декларации (провозглашающие цели и задачи), а также коллизионные нормы, предназначенные для разрешения противоречий между отдельными предписаниями.

По способу правового воздействия конституционно-правовые нормы традиционно подразделяются на императивные и диспозитивные. Императивные предписания, характерные для сферы организации публичной власти, устанавливают строго обязательные правила, не оставляя участникам правоотношений свободы выбора. Диспозитивные же нормы, напротив, допускают возможность выбора варианта поведения в пределах, очерченных законом, что более свойственно для регулирования статуса личности и взаимодействия граждан с публичными институтами.

По характеру властного предписания выделяются:

- управомочивающие нормы – закрепляющие правомочия субъектов и обеспечивающие им возможность совершения юридически значимых действий;
- обязывающие нормы – возлагающие на субъектов необходимость активного поведения;
- запрещающие нормы – устанавливающие границы недопустимого поведения, нарушение которых влечет юридическую ответственность.

Эффективность конституционно-правовых норм находится в прямой зависимости от стабильности конституционного законодательства. Усложненный порядок внесения изменений в основной закон, предусмотренный в большинстве государств, выступает юридической гарантией устойчивости конституционного

строю, препятствуя ситуативным, политически конъюнктурным корректировкам фундаментальных положений. Такой подход обеспечивает предсказуемость правового регулирования и служит защите прав и законных интересов личности.

Таким образом, конституционно-правовые нормы представляют собой самостоятельный и системообразующий компонент правовой системы, которому присущи учредительный характер, верховенство, особые структурные особенности и специфические механизмы реализации. Их совокупность образует нормативную основу для формирования всех остальных отраслей права, обеспечивая тем самым единство правового пространства, устойчивость государственных институтов и последовательную реализацию принципов правовой государственности. Действенность данных норм является необходимым условием стабильности общественных отношений, охраны прав и свобод, а также поступательного развития демократических начал в организации публичной власти.

Библиографический список

1. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс / С. А. Авакьян. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 864 с.
2. Баглай, М. В. Конституционное право и права человека в Российской Федерации / М. В. Баглай // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 5–15.
3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – Москва : Норма, 2023. – 768 с.
4. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности и их роль в правовом государстве / Н. С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 3–9.
5. Козлова, Е. И. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова. – Москва : Проспект, 2022. – 608 с.
6. Лазарев, В. В. Конституционные нормы как основа правовой системы / В. В. Лазарев // Законодательство. – 2023. – № 10. – С. 12–18.
7. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев. – Москва : Юрайт, 2022. – 640 с.
8. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2020. – 656 с.
9. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов. – Москва : Дело, 2021. – 528 с.
10. Нудненко, Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов / Л. А. Нудненко. – Москва : Юрайт, 2026. – 505 с.

11. Чиркин, В. Е. Конституционное право : учебный курс / В. Е. Чиркин. – Москва : Норма, 2019. – 688 с.
12. Чиркин, В. Е. Конституционное право России : учебник / В. Е. Чиркин. – Москва : Юристъ, 2024. – 512 с.
13. Шахрай, С. М. Конституционное право Российской Федерации : учебник / С. М. Шахрай. – Москва : Статут, 2023. – 624 с.
14. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России / Б. С. Эбзеев. – Москва : Проспект, 2024. – 432 с.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РФ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ЕЁ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Рассмотрены история создания, правовые основы, ключевые функции (обеспечение диалога общества и власти, общественный контроль, экспертиза законопроектов) и ограничения института, связанные с рекомендательным характером его решений. Сделан вывод о значимости Палаты для развития гражданского общества.*

***Ключевые слова:** Общественная палата, гражданское общество, общественный контроль, законотворчество, консультативно-совещательный орган.*

Общественная палата – это своего рода мост между рядовыми россиянами и теми, кто принимает государственные решения. Её статус определяют как консультативно-совещательный, а главная идея создания заключается в том, чтобы мнение людей учитывалось в тот самый момент, когда формируется государственный курс. Для некоммерческих организаций и простых граждан эта структура открывает возможность участвовать в обсуждении самых серьезных вопросов – от социальной поддержки до стратегических направлений развития.

История этого института началась в 2005 году. Почему это событие считают важным? Потому что тогда впервые появилась системная площадка, где представители разных слоев общества – эксперты, профессионалы, активисты – смогли на регулярной основе встречаться с представителями власти и совместно разбирать актуальные проблемы. Так начал выстраиваться постоянный диалог, которого раньше, по сути, не существовало.

Если говорить о том, ради чего эта структура работает в первую очередь, то ключевая задача – сделать так, чтобы интересы людей не оставались за скобками при принятии решений. Общественная палата дает возможность разным социальным группам заявить о своей позиции. А для государства это способ принимать более точные, более адресные решения, что, в конечном счете, влияет на отношение граждан к власти – доверие становится выше, когда люди видят, что их слышат.

Еще одно важное направление – общественный контроль. На практике это означает, что Палата наблюдает за работой чиновников и оценивает, насколько

эффективно они справляются со своими обязанностями. В центре внимания – соблюдение прав человека и исполнение законов государственными органами. Результат такой работы – большая открытость власти и реальное укрепление правовых основ.

Помимо этого, Палата занимается аналитикой: собирает экспертов – юристов, экономистов, ученых, представителей общественных объединений – для того, чтобы они оценивали законопроекты и действующие нормативные акты. Выявляются слабые места, формулируются предложения, как их исправить. Эти рекомендации направляются в государственные органы и, как показывает практика, не остаются без внимания.

На чем держится деятельность Палаты? Прежде всего, на Конституции, которая гарантирует право граждан участвовать в управлении страной. А детально все прописано в федеральном законе «Об Общественной палате Российской Федерации», принятом в 2005 году, – там закреплены статус, порядок формирования и полномочия.

С кем и как Палата взаимодействует? С Президентом – как совещательный орган, передающий свои рекомендации. С парламентом – через участие в обсуждении законопроектов и проведение слушаний. С Правительством и министерствами – в рамках работы над государственными программами и социальными инициативами. Отдельно стоит сказать об общественной экспертизе нормативных актов. Это независимый анализ, который проводят привлеченные специалисты. Они проверяют, соответствуют ли документы Конституции и насколько они отвечают интересам людей. По итогам готовятся заключения. Также Палата включена в антикоррупционную повестку: мониторинг, как государственные органы ведут борьбу с коррупцией, и предлагает меры для повышения прозрачности их работы.

Конечно, у этой структуры есть и ограничения. Самый серьезный минус – рекомендательный характер решений. Никто не обязан исполнять их в обязательном порядке. К тому же многие россияне просто не знают, чем конкретно занимается Палата, – информационная работа оставляет желать лучшего.

Тем не менее значение Общественной палаты для гражданского общества в России сложно переоценить. И потенциал для роста здесь очевиден: если развивать механизмы общественного контроля, активнее внедрять цифровые инструменты для обратной связи с людьми и усиливать взаимодействие с государственными структурами, отдача от работы Палаты может стать значительно выше. В итоге мы имеем институт, без которого сегодня уже трудно представить

полноценный диалог между обществом и властью. Общественная палата способствует развитию контроля со стороны граждан, участвует в законотворчестве и помогает тому, чтобы государственные решения были более ориентированы на реальные потребности людей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/117236/>.
3. Текст Федерального закона № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». – URL: <https://rosnedra.gov.ru/article/2925.html>.
4. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://www.oprf.ru>.
5. Интернет-приемная Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://eis.oprf.ru/>.
6. Доклад Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества. – URL: <https://report2023.oprf.ru/en/public-control.html>.
7. Фонд «Общественное мнение». Общественная палата РФ: цели и задачи. – URL: <https://fom.ru/politika/10472>.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

***Аннотация.** В статье рассматривается народный суверенитет как фундаментальная категория конституционного права и основополагающий принцип конституционного строя Российской Федерации. На основе анализа положений Конституции РФ и доктринальных источников раскрывается понятие многонационального народа как единственного источника власти, а также правовое содержание категорий «власть» и «суверенитет».*

***Ключевые слова:** народный суверенитет, Конституция РФ, источник власти, многонациональный народ, демократия, непосредственное народовластие, представительная демократия, референдум, выборы.*

Принцип народного суверенитета является краеугольным камнем любого демократического правового государства. В Российской Федерации данный принцип не только провозглашается, но и получает детальное нормативное закрепление в Конституции, определяя саму природу государственной власти и ее взаимоотношения с обществом. Конституционное признание народа в качестве единственного источника власти знаменует отказ от любых форм автократии и обосновывает легитимность государственного управления исключительно волей населения. Категория народный суверенитет в конституционно-правовой доктрине понимается как полновластие народа, то есть обладание всей полнотой политической и социально-экономической власти для реального участия в управлении делами государства и общества. Как справедливо отмечается в теории, суверенитет народа представляет собой не саму власть в ее инструментальном понимании, а важнейший организационно-политический и функциональный принцип, обеспечивающий верховенство народа, его самостоятельность и свободу в определении векторов развития страны.

Базовое нормативное выражение этого принципа закреплено в статье 3 Конституции Российской Федерации. Часть 1 данной статьи устанавливает императивную норму «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Эта лаконичная формула содержит в себе глубокое юридическое содержание.

Во-первых, она легитимирует всю систему государственной власти, исходя из того, что любая власть в стране проистекает от народа.

Во-вторых, она подчеркивает единство власти и суверенитета, который не может быть разделен или присвоен какой-либо частью общества, политической элитой или государственным органом.

В-третьих, указание на «многонациональный» характер народа отражает федеративную природу России и единство всех населяющих ее этносов как единого источника власти.

Важным теоретическим аспектом является разграничение понятий суверенитета народа и компетенции государственных органов. Народ, будучи носителем суверенитета, реализует свою власть как непосредственно, так и через органы власти. При этом, в соответствии с доктриной, народ передает своим представителям не саму власть, а лишь полномочия на распоряжение ею и исключительно на определенный срок.

Государственные органы, таким образом, выступают в роли временных поверенных, действующих от имени народа и в его интересах. Это положение усиливается частью 4 статьи 3 Конституции РФ, которая гласит «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону». Данная норма является важнейшей гарантией против узурпации власти и возврата к авторитаризму, устанавливая конституционный запрет на любые действия, направленные на подрыв народного суверенитета.

Осуществление народом своей властной воли происходит в двух основных формах, которые в совокупности образуют систему народовластия. Это непосредственная демократия и представительная демократия. Конституция не устанавливает приоритета одной формы над другой, подчеркивая их равную значимость для реализации воли народа.

Непосредственное народовластие – это форма прямого волеизъявления народа или его части по вопросам государственного или местного значения. Высшими формами такого волеизъявления, согласно части 3 статьи 3 Конституции РФ, являются референдум и свободные выборы. Референдум представляет собой всенародное голосование по наиболее важным вопросам государственной жизни, решения которого обладают высшей юридической силой и не нуждаются в дополнительном утверждении. Выборы, в свою очередь, служат механизмом формирования представительных органов власти и замещения выборных должностных лиц, позволяя гражданам делегировать право на управление тем кандидатам, которым они доверяют. Помимо этих высших форм, к инструментам прямой демократии относятся сходы, собрания, народные обсуждения, петиции и иные формы, позволяющие населению напрямую влиять на принятие решений.

Представительная демократия – это осуществление власти народом через выборных полномочных представителей, которые принимают решения, выражающие, как предполагается, волю и интересы народа. К органам представительной демократии в Российской Федерации относятся Федеральное Собрание, законодательные органы субъектов РФ, а также выборные органы местного самоуправления. Эффективность представительной демократии напрямую зависит от уровня политической культуры, развитости партийной системы и наличия реальных механизмов контроля за деятельностью выборных лиц. Следует отметить, что народный суверенитет не ограничивается только сферой политических отношений. Он имеет также экономическое и социальное измерения. Экономической основой народовластия является многообразие форм собственности, позволяющее каждому человеку быть экономически самостоятельным и независимым от государства. Социальное измерение выражается в признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, а обязанность государства по их признанию, соблюдению и защите является обратной стороной народного суверенитета.

Народный суверенитет Российской Федерации неразрывно связан с государственным суверенитетом. Согласно статье 4 Конституции РФ, суверенитет России распространяется на всю ее территорию, а Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории страны. Эта взаимосвязь означает, что полновластие народа реализуется в рамках единого и независимого государства, которое обязано обеспечивать защиту своих граждан и территории. Внешняя независимость государства является необходимым условием для свободного внутреннего волеизъявления народа.

Конституционные основы народного суверенитета в Российской Федерации образуют стройную систему, включающую:

- нормативное закрепление принципа;
- определение субъекта суверенитета – многонациональный народ;
- установление форм реализации власти;
- гарантии защиты суверенитета от узурпации;
- связь с государственным суверенитетом.

Анализ конституционных положений и доктринальных источников позволяет сделать вывод, что народный суверенитет в России является не просто декларативным лозунгом, а реально действующим правовым принципом, определяющим саму природу государственной власти. Его реализация зависит не только от совершенства законодательства, но и от уровня правосознания граждан, их готовности активно участвовать в политической жизни страны и использовать предоставленные Конституцией механизмы для осуществления своей

воли. Только в условиях реального народовластия государство может считаться подлинно демократическим и правовым.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru/constitution/>.
2. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс / С. А. Авакьян. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 864 с.
3. Козлова, Е. И. Конституционное право России: учебник / Е. И. Козлова. – Москва : Проспект, 2022. – 608 с.
4. Лазарев, В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев. – Москва : Юрайт, 2022. – 640 с.
5. Чиркин, В. Е. Конституционное право России : учебник / В. Е. Чиркин. – Москва : Юристъ, 2024. – 512 с.
6. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России / Б. С. Эбзеев. – Москва : Проспект, 2024. – 432 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию конституционных принципов, определяющих правовое положение человека и гражданина в Российской Федерации. Рассматривается понятие и структура правового статуса, эволюция подходов к его пониманию в постсоветский период. Системно анализируется содержание ключевых принципов: приоритета прав человека, неотчуждаемости прав, равенства, непосредственного действия и гарантированности. Особое внимание уделяется проблемам их практической реализации, выявлению противоречий между конституционными нормами и отраслевым законодательством. На основе анализа правоприменительной практики и теоретических источников формулируются выводы о факторах, препятствующих полной реализации конституционных принципов, и предлагаются направления для совершенствования механизмов защиты прав личности.*

***Ключевые слова:** Конституция РФ, правовой статус личности, человек и гражданин, конституционные принципы, права и свободы, реализация прав, юридические гарантии, равенство, неотчуждаемость прав, правоприменительная практика, Конституционный Суд РФ, ограничение прав, юридический нигилизм, социальное государство.*

Актуальность темы исследования предопределена тем фундаментальным местом, которое занимает правовой статус личности в любой правовой системе. Конституция Российской Федерации 1993 года ознаменовала кардинальный разрыв с предшествующей советской традицией, провозгласив человека, его права и свободы высшей ценностью. Однако почти три десятилетия, прошедшие с момента ее принятия, выявили сложную диалектику взаимодействия высоких конституционных идеалов и суровой реальности правоприменения.

Цель настоящего доклада заключается в комплексном анализе системы конституционных принципов, определяющих положение человека и гражданина в РФ, а также в выявлении основных проблем и противоречий, возникающих в процессе их реализации. В работе ставится задача не только описать нормативное содержание принципов, но и проследить, как они трансформируются под влиянием политических и социальных процессов.

В отечественной юридической науке понятие правового статуса традиционно рассматривается как совокупность прав, свобод и обязанностей, закрепленных за индивидом государством. Однако, как справедливо отмечается в работах Е. А. Лукашевой и других представителей школы прав человека, конституционный статус занимает в этой системе особое место. Он является базовым, исходным, определяющим основные параметры взаимоотношений личности и государства.

Если в советский период доминировал этатистский подход, где права личности были производны от воли государства и носили во многом декларативный характер, то Конституция 1993 года совершила антропоцентрический переворот. Закрепление в статье 2 обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав человека знаменовало переход к новой парадигме, основанной на естественно-правовой доктрине. Вместе с тем, анализ литературы последних лет показывает, что дискуссия о природе прав (естественная или позитивистская) вновь обостряется, особенно в контексте появления новых поколений прав (цифровые, биологические), механизм реализации которых государство только начинает выстраивать.

Анализ главы 2 Конституции РФ позволяет выделить систему взаимосвязанных принципов, образующих фундамент правового статуса.

Принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2). Данный принцип является системообразующим. Однако в исследовательской литературе, в частности в публикациях журнала «Сравнительное конституционное обозрение», неоднократно поднимался вопрос о его коллизии с принципом государственного суверенитета. Авторы отмечают, что в ситуациях, квалифицируемых как угроза национальной безопасности, законодатель зачастую отдает приоритет интересам государства, что ведет к сужению объема прав личности. Это порождает проблему поиска справедливого баланса.

Принцип неотчуждаемости прав и свобод (ст. 17). Закрепляя принадлежность основных прав от рождения, Конституция следует естественно-правовой традиции. Но практика ставит перед этим принципом новые вызовы. Возникает вопрос: являются ли неотчуждаемыми права, возникающие в цифровой среде (например, право на доступ в интернет)? В российской правовой действительности они, скорее, позитивируются, то есть признаются и гарантируются государством в том объеме, который оно считает допустимым, что несколько снижает потенциал данного принципа.

Принцип непосредственного действия (ст. 18). Формально права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов. Долгое время ключевой

проблемой оставалось нежелание судов общей юрисдикции прямо ссылаться на статьи Конституции, отдавая предпочтение отраслевым кодексам. Как следует из анализа постановлений Пленума Верховного Суда, потребовались специальные разъяснения, чтобы преодолеть этот правоприменительный стереотип.

Принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19). Помимо формально-юридического равенства, данный принцип предполагает и борьбу с дискриминацией. В ходе исследования обращает на себя внимание разрыв между конституционной нормой и социальной реальностью. Так, формально равные избирательные права на практике корректируются избирательными фильтрами (муниципальный фильтр, запрет на блоки), которые, по мнению ряда экспертов, ставят участников избирательного процесса в неравное положение. Это демонстрирует, как отраслевое законодательство способно нивелировать конституционный принцип.

Принцип гарантированности прав и свобод. Наличие прав бессмысленно без механизма их защиты. Здесь можно выделить два уровня проблем. Первый – судебная защита, которая, несмотря на реформы, остается труднодоступной для многих граждан в силу финансовых или организационных причин. Второй – деятельность исполнительной власти, которая нередко демонстрирует избыточное административное усмотрение, способное нарушать права граждан.

Переходя от теории к практике, автор сталкивается с рядом системных препятствий, искажающих реализацию заложенных в Конституции принципов.

Во-первых, это укоренившийся правовой нигилизм, имеющий двустороннюю природу. Граждане часто не верят в эффективность правовых инструментов, предпочитая неформальные способы решения проблем. Со своей стороны, отдельные представители власти склонны рассматривать закон лишь как инструмент управления, а не как ограничитель собственных действий.

Во-вторых, ярко выражена тенденция к усилению публично-правовых начал. В последнее десятилетие наблюдается устойчивый тренд на ужесточение законодательства под предлогом обеспечения безопасности. Это ставит вопрос о соблюдении принципа пропорциональности (соразмерности) ограничений прав. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость соблюдения этого баланса, однако законотворческая практика не всегда следует этим рекомендациям, создавая риски избыточного вмешательства в частную жизнь.

В-третьих, остро стоит проблема реализации социально-экономических прав. Конституционные обещания (право на жилище, охрану здоровья) вступают в противоречие с ограниченностью ресурсов и рыночной моделью экономики. Это порождает ситуацию, при которой декларируемые принципы социального

государства (ст. 7) не получают адекватного финансового и организационного обеспечения.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Конституционные принципы правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации представляют собой сложную, внутренне противоречивую, но в целом прогрессивную систему. Они служат важнейшим ориентиром для законодателя и правоприменителя, являются критерием конституционности законов.

Вместе с тем, реализация этих принципов сталкивается с серьезными вызовами. Эффективность правового статуса личности в России сегодня зависит не столько от совершенства конституционных формулировок, сколько от политической воли, уровня правовой культуры и наличия работающих механизмов защиты. Дальнейшее развитие должно быть направлено не на косметическое изменение Основного закона, а на создание реальных, доступных каждому процедур реализации прав, способных преодолеть разрыв между конституционным идеалом и повседневной действительностью

Библиографический список

1. Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: монография / Н. С. Бондарь. – Москва: Юстиция, 2021. – С. 480.
2. Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство: монография / Е. А. Лукашева. – Москва: Проспект, 2023. – С. 368.
3. Шахрай С. М. Конституционное правосудие как гарантия прав и свобод человека / С. М. Шахрай // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2023. – № 4. – С. 12–26.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ

***Аннотация.** В статье исследуются конституционно-правовые основы и механизмы судебной защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации в контексте разрешения избирательных споров. На основе анализа научных статей и нормативно-правовой базы рассматривается публично-правовая природа избирательных правоотношений, особенности судебного порядка защиты электоральных прав, а также проблемы правового регулирования статуса участников избирательного процесса. Автор приходит к выводу о том, что судебная защита представляет собой универсальный и наиболее эффективный механизм восстановления нарушенных избирательных прав, обеспечивающий баланс публичных и частных интересов в процессе формирования выборных органов государственной власти.*

***Ключевые слова:** избирательные споры, судебная защита, конституционные гарантии, специализированное программное изделие, голосование вне помещения.*

Конституционно-правовое регулирование избирательных споров в Российской Федерации представляет собой сложный многоуровневый механизм, направленный на обеспечение реализации и защиты фундаментальных политических прав граждан, закрепленных в статье 32 Конституции РФ [1]. Избирательные споры, возникающие в процессе реализации активного и пассивного избирательного права, обладают особой правовой природой, сочетающей в себе элементы публично-правовых и охранительных правоотношений, что обуславливает специфику их судебного рассмотрения и разрешения [7, с. 125]. Публично-правовой характер избирательных конфликтов проявляется в том, что одной из сторон всегда выступает государство в лице избирательных комиссий, наделенных властными полномочиями, а предметом защиты являются не только частные интересы конкретных лиц, но и публичные интересы, связанные с формированием легитимных органов государственной власти и обеспечением народовластия.

Судебная защита избирательных прав, будучи конституционной гарантией, закрепленной в статьях 45 и 46 Основного закона, представляет собой универсальный механизм восстановления нарушенных прав, который не сводится исключительно к процессуальным отношениям, а направлен на достижение материально-правового результата – восстановление баланса публичных и частных интересов в электоральной сфере. Как справедливо отмечает К. О. Огнева, предметом судебной защиты по делам, возникающим из избирательных правоотношений, всегда являются не только интересы конкретного лица, обратившегося в суд, но и интересы административного ответчика, неопределенного круга лиц и государства в целом [5, с. 153]. Данный подход подчеркивает комплексный характер избирательных споров, где частноправовые элементы тесно переплетаются с публично-правовыми началами, что требует от суда активной роли в установлении всех значимых обстоятельств дела и правильной квалификации правоотношений.

Современное состояние избирательного законодательства характеризуется динамичным развитием, обусловленным процессами цифровизации и внедрением новых технологий в избирательный процесс, что, с одной стороны, создает дополнительные гарантии реализации избирательных прав, а с другой – порождает новые вызовы и правовые коллизии. Так, использование специализированного программного изделия (СПИ) для подготовки документов, необходимых для выдвижения и регистрации кандидатов, призвано минимизировать технические ошибки и унифицировать процедуру, однако на практике возникают ситуации, когда сбои в работе программного обеспечения или его некорректная настройка становятся причиной избирательных споров. В этой связи представляется обоснованным предложение Д. С. Рымарева о внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24, которые бы разъяснили судам особенности квалификации нарушений при оформлении избирательных документов, допущенных вследствие технических неполадок СПИ, поскольку отсутствие в представляемых документах отдельных сведений не должно автоматически влечь отказ в регистрации, если на основании всей совокупности документов можно сделать однозначный вывод о наличии таких сведений [6, с. 30].

Особую актуальность в контексте судебной защиты избирательных прав приобретают вопросы правового регулирования статуса наблюдателей, особенно при организации голосования вне помещения для голосования. Анализ законодательства и судебной практики выявляет наличие правовых пробелов и коллизий, в частности, между правом наблюдателя присутствовать при голосовании

на дому и конституционной гарантией неприкосновенности жилища. К. В. Каргин обоснованно указывает на необходимость закрепления в избирательном законодательстве положения о том, что присутствие наблюдателя при голосовании вне помещения для голосования возможно только с согласия лица, на законных основаниях проживающего в данном помещении, что позволит избежать конфронтации между участниками избирательного процесса и соблюсти баланс между принципами открытости выборов и неприкосновенности частной жизни [2, с. 99]. Аналогичные проблемы возникают в отношении производства фото– и видеосъемки в жилище избирателя, что требует четкой законодательной регламентации с учетом норм о защите персональных данных и охране изображения гражданина.

Важным аспектом судебной защиты избирательных прав является вопрос о юридической ответственности участников избирательного процесса за нарушения, совершенные при голосовании вне помещения для голосования. Действующее законодательство предусматривает возможность удаления наблюдателя из помещения для голосования за нарушения избирательного законодательства, однако аналогичная мера применительно к голосованию на дому прямо не закреплена. Представляется целесообразным дополнить статью 66 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» нормой, предусматривающей отстранение наблюдателя от участия в наблюдении за голосованием вне помещения для голосования, а также запрет на его дальнейшее присутствие при голосовании в помещении для голосования в случае совершения нарушений [Каргин 2024, 101]. Такая мера будет способствовать обеспечению дисциплины среди участников избирательного процесса и предотвращению злоупотреблений.

Конституционный Суд Российской Федерации играет ключевую роль в формировании единых подходов к толкованию избирательного законодательства и устранении правовых коллизий. В своих решениях Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что ограничения пассивного избирательного права должны быть соразмерными конституционно значимым целям и не носить характер чрезмерных, необоснованных запретов. В частности, в Постановлении от 10 октября 2013 года № 20-П Суд указал, что бессрочное ограничение пассивного избирательного права для лиц, имеющих непогашенную судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, не соответствует Конституции РФ, поскольку устанавливает абсолютный запрет на участие в политической жизни даже для лиц, вставших на путь исправления [7, с. 128]. Данная правовая позиция способствовала внесению изменений в законодательство, установившее сроки действия

таких ограничений, что является примером эффективного взаимодействия конституционного правосудия и законодателя в сфере защиты избирательных прав.

Судебная практика по делам об избирательных спорах свидетельствует о тенденции к более гибкому и содержательному подходу судов при рассмотрении дел, связанных с выбором ненадлежащего способа защиты права. Как отмечает А. А. Куприянова, в последние годы суды все реже отказывают в удовлетворении исковых требований исключительно по причине неправильного указания способа защиты права, если из содержания искового заявления очевиден преследуемый заявителем материально-правовой интерес и наличие нарушения субъективного права [4, с. 152]. Этот подход соответствует принципу эффективности судебной защиты и направлен на обеспечение реального восстановления нарушенных прав, а не на формальное соблюдение процессуальных требований.

Цифровая трансформация избирательного процесса, включая внедрение дистанционного электронного голосования, видеонаблюдения и иных технологических новшеств, объективно обуславливает необходимость совершенствования механизмов судебной защиты избирательных прав. Д. А. Кондращенко справедливо указывает на наличие рисков нарушения прав граждан в условиях применения информационных технологий, в связи с чем правозащитные механизмы нуждаются в конкретизации и адаптации к новым вызовам [3, с. 16]. В этой связи особое значение приобретает разработка и принятие Центральной избирательной комиссией РФ методических рекомендаций по защите избирательных прав граждан, которые позволили бы систематизировать существующие подходы и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Таким образом, конституционно-правовые механизмы судебной защиты избирательных прав в Российской Федерации представляют собой развивающуюся систему, которая, несмотря на наличие отдельных проблем и пробелов, в целом обеспечивает эффективную защиту электоральных прав граждан. Дальнейшее совершенствование этой системы должно быть направлено на гармонию законодательства, устранение правовых коллизий, повышение профессионализма участников избирательного процесса, а также на адаптацию правовых механизмов к условиям цифровой трансформации избирательного процесса. Судебная защита, оставаясь универсальной гарантией избирательных прав, должна развиваться в направлении большей гибкости, оперативности и содержательности, обеспечивая не только формальное, но и реальное восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан в электоральной сфере.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Каргин К. В. Юридическая аргументация совершенствования избирательного законодательства в вопросах правового регулирования статуса наблюдателей при голосовании вне помещения для голосования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 3. С. 97–103.
3. Кондращенко Д. А. Конституционно-правовое регулирование механизмов защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 7. С. 15–21.
4. Куприянова А. А. Влияние выбора способа защиты права на рассмотрение спора: изменения в судебной практике // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 151–154.
5. Огнева К. О. К вопросу о правовой природе судебной защиты избирательных прав // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 145–156.
6. Рымарев Д. С. Отдельные аспекты реализации пассивного избирательного права граждан Российской Федерации при использовании специализированного программного изделия // Сибирский юридический вестник. 2025. № 2. С. 25–31.
7. Чижик А. П. Конституционно-правовое регулирование избирательных споров // Закон и право. 2024. № 5. С. 125–132.

УСЛОВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Изучение проблематики, связанной с реализацией гражданами своих конституционных гарантий на получение медицинской помощи, представляет собой одну из ключевых задач современной юриспруденции. Значимость данной темы продиктована тем, что рассматриваемое право выступает фундаментальной основой для сохранения жизни и занимает приоритетное положение в иерархии прав и свобод человека. В рамках данной работы исследуются правовые аспекты, создающие предпосылки для надлежащей реализации и защиты указанного права.*

***Ключевые слова:** медицинское обслуживание, здравоохранение, конституционное право, правовой механизм, медицинская помощь, право на жизнь.*

Вопрос о том, насколько эффективно в России реализуется право граждан на медицинскую помощь, в последние годы приобретает особую остроту. Это связано не только с социальной значимостью здравоохранения, но и с глубокими этическими аспектами взаимодействия врача и пациента. Сама возможность получения медицинской помощи является базовым условием для реализации права на жизнь, которое гарантировано конституциями практически всех стран мира. Российская Федерация в этом смысле не исключение – соответствующие нормы закреплены в Основном законе. Однако если обратиться к реальной практике, становится очевидно: по таким параметрам, как доступность услуг, их качество и степень ответственности контролирующих органов, Россия пока уступает многим развитым государствам. Интересно, что при очевидном различии интересов медицинских работников и пациентов, обе стороны сходятся в одном – они крайне низко оценивают текущее состояние отечественного здравоохранения.

Эту тревожную тенденцию подтверждают и данные статистики. Согласно исследованию Центра политики в сфере здравоохранения НИУ ВШЭ, проведенному в 2022 году, доля граждан, не удовлетворенных результатами лечения, достигла 44%. Это на 10% больше, чем годом ранее. Анализ структуры жалоб показывает, что пациентов больше всего беспокоит не столько отсутствие дорогостоящего оборудования, сколько человеческий фактор: равнодушное или грубое

отношение персонала (лидирующая позиция), бесконечные очереди (43%) и бюрократические сложности с записью на прием (42%). Не менее тревожная ситуация складывается и в самом медицинском сообществе. Опрос, охвативший более шести тысяч медработников в 2021 году, зафиксировал: свыше половины респондентов оценивают состояние российской медицины как критическое. Для сравнения – в 2018 году такого мнения придерживались лишь 24% опрошенных, то есть за три года показатель вырос более чем вдвое.

Почему же система дает сбой? Представляется, что одна из корневых проблем кроется в размытости функций и зон ответственности различных субъектов медицинского права. Пока четко не определено, кто именно за что отвечает и в каком объеме, говорить об эффективной реализации конституционных гарантий сложно. На наш взгляд, ключевым условием исправления ситуации является императивное разграничение контрольных полномочий и границ ответственности всех публично-правовых образований, задействованных в сфере оказания медицинской помощи.

Сам правовой механизм реализации права на лечение представляет собой сложную многоуровневую конструкцию. Он включает в себя распределение полномочий между федеральными, региональными и местными властями; алгоритмы координации их действий в процессе оказания услуг; порядок взаимодействия медицинских организаций с управленческими структурами при распределении финансов; а также регламентацию ответственности на всех уровнях. Важно подчеркнуть, что этот механизм должен работать без сбоев, причем вне зависимости от формы собственности медицинского учреждения. Частная медицина, строящая отношения по модели «врач – клиент», и государственная, функционирующая в системе «врач – пациент», в равной степени обязаны подчиняться единым конституционным принципам. Уровень государственного контроля и ответственности за результаты лечения не должен зависеть от того, является ли клиника государственной или частной. В числе ключевых регуляторных функций здравоохранительной системы можно выделить: мониторинг состояния здоровья населения, контроль за соблюдением стандартов качества, санитарно-эпидемиологический надзор, обеспечение граждан лекарствами и надзор за профессиональной подготовкой кадров. Качество охраны здоровья в конечном итоге определяется тем, насколько слаженно взаимодействуют все звенья этой цепи – государственная, муниципальная, частная и страховая медицина.

Нельзя не отметить и еще один тревожный факт. В марте 2019 года из государственной программы «Развитие здравоохранения» был исключен целевой показатель, касающийся повышения удовлетворенности населения качеством

медицинской помощи. Сложно представить, как можно эффективно управлять отраслью, не измеряя главный результат – отношение пациента к полученной услуге. Отсутствие этого ориентира лишает органы исполнительной власти обратной связи и затрудняет принятие взвешенных решений. К тому же существующие стандарты качества зачастую либо устарели и не соответствуют реалиям, либо попросту не контролируются. Это напрямую подводит нас к выводу о необходимости совершенствования законодательства в части усиления персональной ответственности медицинского персонала. Отдельного внимания заслуживает вопрос статистики и финансирования. Действующая модель медицинского страхования сегодня парадоксальным образом оценивает качество услуг не по конечному результату (выздоровел пациент или нет), а по объему освоенных средств. Страховая медицина и гуманистическая цель качественного лечения существуют словно в параллельных мирах, которые редко пересекаются в точке интереса конкретного человека. Без достоверных данных о реальных потребностях населения, без анализа показателей заболеваемости невозможно выстроить адекватную стратегию развития. Назрела острая необходимость в создании системы государственного учета, которая включала бы не только позитивную статистику, но и сведения об оказании помощи ненадлежащего качества. Только на основе таких данных можно разрабатывать меры по предупреждению медицинских рисков. Более того, результаты оценки качества должны быть напрямую интегрированы в механизмы финансирования медицинских учреждений.

Подводя итог, можно сформулировать ряд условий, без выполнения которых полноценная реализация конституционного права на медицинскую помощь в России едва ли возможна.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить четкое разграничение зон контроля и ответственности всех государственных субъектов, участвующих в этом процессе.

Во-вторых, требуется выстроить эффективную систему кооперации между государственной, муниципальной, частной и страховой медициной.

В-третьих, назрела необходимость в ужесточении контроля за соблюдением стандартов и усилении ответственности медицинского персонала за их нарушение.

В-четвертых, критически важна разработка прозрачной методики оценки качества помощи, результаты которой должны влиять на объемы финансирования.

И наконец, в-пятых, необходима консолидация данных о случаях оказания некачественной помощи для их последующего анализа и выработки системы профилактических мер.

Только комплексный подход, затрагивающий как правовые, так и организационные аспекты, способен изменить ситуацию и приблизить отечественное здравоохранение к тем стандартам, которые давно стали нормой в развитых странах.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
2. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: Постановление Правительства РФ от 29.12.2022 № 2497 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1 (часть III). – Ст. 365.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (часть II). – Ст. 365.
4. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 380 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 14 (часть IV). – Ст. 1558.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** Цифровая эпоха фундаментально меняет архитектуру современного социума: тотальная автоматизация и проникновение информационных технологий во все сферы жизни стали не просто трендом, а объективной реальностью. Однако ускоренная информатизация несет в себе не только блага прогресса, но и скрытые угрозы для устоявшихся механизмов защиты прав человека, ставя под вопрос их дальнейшую эволюцию.*

***Ключевые слова:** ИТ-система, информатизация, права человека, программное обеспечение, риски.*

Современный этап развития общества отличается последовательным переходом к постиндустриальному укладу, что проявляется во внедрении передовых цифровых решений (включая интернет и смежные платформы) в большинство аспектов социальной и индивидуальной активности. Интенсивность их использования относительно устоявшихся методов деятельности неуклонно повышается, достигая уровня, при котором технологическая составляющая начинает играть решающую роль. Именно это обстоятельство послужило отправной точкой для зарождения и последующей эволюции цифровой экономики. Параллельно с экономическими сдвигами произошли значительные изменения в юридической практике: сформировались новые отрасли права, специализирующиеся на регулировании правоотношений, которые складываются под влиянием цифровизации. Помимо прочего, эти процессы существенно видоизменили привычные модели социального взаимодействия, придав им большую гибкость и технологичность.

В процессе осмысления феномена информатизации значительная часть представителей юридической науки выражает озабоченность тем, что столь интенсивное внедрение цифровых технологий в отсутствие надлежащей теоретической проработки, достаточного научного обоснования, а также без проведения разъяснительной кампании среди граждан способно дестабилизировать функционирование фундаментальных правовых институтов отечественной системы права. Появление описываемых рисков детерминировано тем фактом, что упомянутые правовые институты конструировались и вводились в юридический оборот преимущественно для урегулирования тех задач, которые обладали наивысшей степенью актуальности на момент вступления в силу Конституции РФ [1].

В Конституции Российской Федерации закреплено положение, согласно которому права и свободы личности представляют собой высшую ценность. Благодаря этому указанный институт приобретает значение базового элемента, на котором выстраивается вся система конституционного устройства государства. Дальнейшие статьи Конституции конкретизируют признаки данных прав, а именно: их универсальный характер, невозможность отчуждения и отсутствие у носителя правомочий по свободному распоряжению ими. Аналогичная позиция прослеживается и в Докладе Совета при Президенте РФ, ориентированного на развитие гражданского общества и защиту прав человека. В указанном документе обращается особое внимание на то, что цифровая трансформация обязана соответствовать базовым принципам конституционализма. Также в докладе подчеркивается, что названный принцип интегрирован в структуру «конституционной философии», которая представляет собой не простую декларацию, а выступает в роли стратегического ориентира и системы ценностных координат. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что рассматриваемая проблематика прорабатывается на высшем уровне государственного управления, где по итогам ее обсуждения принимаются соответствующие решения и осуществляются практические меры.

Как следует из содержания пункта 1.1.2 указанного Доклада, вопросы, связанные с цифровой трансформацией, перешли в категорию приоритетных вызовов нынешнего этапа развития. Такая ситуация во многом объясняется существующей вероятностью утраты государственных рычагов влияния на динамично меняющиеся процессы, что обусловлено пробелами в унифицированном нормативном регулировании (отсутствием так называемого «цифрового правопорядка») в данной сфере. Подобное положение дел создает предпосылки для возникновения ситуации, при которой государственно-правовые механизмы могут оказаться неспособными к реагированию. Иллюстрацией может служить сценарий, когда программное обеспечение для работы с конфиденциальными данными сосредоточится в руках ограниченного круга лиц (индивида, группы или корпоративных структур), что наделит их инструментами влияния на широкие массы. Использование механизма манипуляции страхом разглашения персональной информации (финансовое положение, семейные обстоятельства, долговые обязательства) способно трансформироваться в действенный политический ресурс. Логичным следствием такого развития событий видится ущемление прав и свобод граждан, поскольку возникает возможность их тотального контроля: ограничение доступа к сведениям, неправомерное лишение собственности, искажение данных об обя-

занностях, что заведомо ставит человека в уязвимое положение. В рамках описанной организационной модели существует высокая вероятность того, что реальная власть сконцентрируется у представителей «цифрового класса» – разработчиков, собственников цифровых экосистем и создателей программного обеспечения. Подобное развитие событий гипотетически способно привести к появлению маргинализированных слоев населения, которые либо полностью отрезаны от технологий, либо ущемлены в правах из-за отсутствия доступа к ним [2].

Вопрос о легальном признании права на доступ к сети Интернет сохраняет свою сложность и неоднозначность. Исследователи приходят к выводу о невозможности квалифицировать его в качестве естественного права, которым человек наделен в силу своего происхождения, учитывая, что Интернет является рукотворным образованием и не принадлежит к миру природы. Кроме того, в текущих условиях сеть преимущественно выступает средством осуществления иных прав, в особенности – реализации свободы как одного из базовых прав человека.

В настоящий момент в сфере внедрения информационных систем происходит фундаментальная трансформация: компьютеры переходят от роли помощников в обработке решений, принятых человеком, к самостоятельному осуществлению выбора без участия людей [5]. Данная метаморфоза порождает обоснованные опасения касательно последствий такого рода автоматизации. Сегодня складываются объективные условия для ограничения прав граждан и подрыва их юридического равенства. При этом меры ответственности, применяемые к Google за отказ удалять противоправный контент и использование цензуры, оказываются малоэффективными ввиду значительных финансовых и технологических ресурсов подобных глобальных структур. Управление российским сегментом интернета фактически сосредоточено у американских ИТ-гигантов, что создает угрозу правовому суверенитету РФ. Ввиду сохраняющейся информационной зависимости Россия обязана сформировать эффективные инструменты защиты стратегических информационных ресурсов и обеспечения безопасности граждан от внешнего деструктивного воздействия.

В целях решения обозначенной проблемы целесообразно реализовать следующий комплекс мер.

1. Разработать Информационный кодекс РФ, где законодательно закрепить определения «интернет-пространства», «цифрового права гражданина», «информации» и «информационного продукта». Доступ к сети и использование ее ресурсов должны получить статус базового права личности в информационной сфере.

2. Включить в Кодекс понятия «кибербезопасность» и «киберпреступление» с градацией по степени общественной опасности и отсылками к УК РФ. В Информационный кодекс также следует внести составы правонарушений, отсутствующие в УК, с установлением конкретных санкций. Уникальность предмета регулирования предполагает смешанный тип ответственности.

3. Организовать государственно-частные предприятия по созданию и продвижению отечественных интернет-ресурсов (информационных систем, энциклопедий), что обеспечит их подчинение российской юрисдикции и соблюдение национального законодательства. Политика «приземления» зарубежных IT-компаний рассматривается как элемент данной стратегии.

4. Создать при таких предприятиях подразделения безопасности для оперативного взаимодействия с МВД, ФСБ и другими ведомствами. Это позволит ускорить передачу информации о готовящихся правонарушениях и террористических угрозах для своевременного реагирования.

Реализация предложенных мер будет способствовать внедрению принципов правовой определенности в сферу интернет-отношений.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 253. 25 декабря. 1993.

2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

3. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2023. Столичный выпуск № 7578.

4. Карцхия А. А. Актуальные аспекты законодательства о цифровых правах. М.: Фонд развития правовой культуры, 2022 – 96 с.

5. Халикова С. М. Трансформация права в условиях цифровизации / С. М. Халикова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 137–139. – [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/325/73352/> (дата обращения: 17.02.2026).

ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ В УСТАВАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу реализации положений Конституции Российской Федерации в уставах муниципальных образований на примере города Гуково. В результате анализа положений Конституции и устава города был сделан вывод о полном соответствии положений устава положениям Конституции, что говорит о полной гарантии реализации конституционного права в пределах муниципальных образований через их уставы.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, устав муниципального образования городского округа «Город Гуково», местное самоуправление, органы местного самоуправления.*

Актуальность данной темы заключается в том, что реализация конституционного права является необходимым условием для построения государства, гарантирующего защиту чести и достоинства личности, развитие демократии и верховенства закона. Признание и гарантия местного самоуправления (далее – МС) прямо закреплены в статье (далее – ст.) 12 Конституции Российской Федерации (далее – К РФ), а, согласно ст. 4 Федерального закона от 20.03.2005 № 33-ФЗ, деятельность, полномочия и ответственность органов местного самоуправления (далее – ОМС) регулируются их основными нормативно-правовыми актами (далее – НПА) – уставами муниципальных образований (далее – МО). Также 8 глава К РФ, состоящая из 130-133 ст., полностью посвящена местному самоуправлению [1, 2].

Цель работы – проанализировать положения К РФ, регламентирующие деятельность местного самоуправления и сопоставить их с положениями устава МО на примере города Гуково.

Задачи:

- проанализировать и сопоставить с положениями устава МО городского округа «Город Гуково» ст. 130 К РФ;
- проанализировать и сопоставить с положениями устава МО городского округа «Город Гуково» ст. 131 К РФ;
- проанализировать и сопоставить с положениями устава МО городского округа «Город Гуково» ст. 132 К РФ;

– проанализировать и сопоставить с положениями устава МО городского округа «Город Гуково» ст. 133 К РФ;

– сделать общий вывод о реализации положений К РФ в уставах МО на примере города Гуково.

Объект – устав МО городского округа «Город Гуково» как НПА, закрепляющий положения К РФ и механизмы их применения на местном уровне.

Предмет – включение и реализация конституционных норм в уставах МО.

И начнем с того, что в настоящий момент действующим является устав, который был принят решением Гуковской городской Думы (далее – решение) от 31.03.2016 № 60 «О принятии устава муниципального образования “Город Гуково”» (с изменениями и дополнениями), а также на официальном сайте Администрации города Гуково опубликовано решение от 05.02.2026 № 34 «О проекте устава муниципального образования городского округа “Город Гуково”», который должен быть принят уже в ближайшем будущем, поэтому мы будем рассматривать оба документа [3, 4].

Согласно первому пункту (далее – п.) ст. 130 К РФ Местное самоуправление отвечает за обеспечение решения населением вопросов местного значения и вопросов по части муниципальной собственности. Теперь рассмотрим действующую и будущую редакции устава МО городского округ «Город Гуково» и выделим из нее положения, соответствующие тому, что прописано в К РФ [1].

В уставе 2016 года вопросы местного значения перечислены в ст. 3, включающей свыше 40 п., среди которых, в частности, следует выделить п. 3, регулирующий вопросы по части имущества, находящегося в муниципальной собственности города. Также этот вопрос освещает ст. 66, состоящая из 10 п. и, согласно п. 3, вопросы, касающиеся части имущества, ОМС решают самостоятельно, в соответствии с К РФ, Федеральными законами и иными НПА, принятыми в соответствии с ними [3].

Теперь рассмотрим этот вопрос, опираясь на положения проекта устава 2026. Здесь также имеется ст., содержащая вопросы местного значения с таким же п. 3. В этом действующий и будущий уставы по своему содержанию совпадают, а вот вопросы по части владения, пользования и распоряжения муниципальным имуществом регулирует уже ст. 67, содержащее п. 2 которой идентично содержанию п. 2 ст. 66 действующего устава. Различия присутствуют также и в самом содержимом этих статей. Каждая из них содержит больше п., чем в действующей редакции. Эти различия обусловлены изменениями в законодательстве, в связи с приведением в соответствии с которыми и было принято решение о проекте нового устава города [4].

Согласно второму п. ст. 130 К РФ местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через ОМС [1].

В уставе 2016 года МС регламентирует ст. 2. Здесь сказано, что МС в городе является осуществлением народом своей власти непосредственно или через ОМС в пределах, установленных К РФ и ряде иных НПА, которые составляют правовую основу МС. Также следует обратить внимание на гл. 2, посвященную участию городского населения в решении вопросов местного значения. Она состоит из ст. 7–19. В частности, нас интересует п. 1 ст. 7, гласящий о том, что осуществление МС происходит посредством форм прямого волеизъявления и через ОМС, что полностью отражает содержимое п. 2 ст. 130 К РФ [3].

Теперь применим это к положениям проекта устава 2026 года. Здесь также присутствует ст. 2, но с измененной формулировкой, и глава 2 потерпела некоторые изменения. Теперь она состоит из 9–19 ст. и в ст. 9 имеется прямая отсылка на то, что в городе Гуково МС осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ и иными НПА, и в формах, не противоречащих К РФ [4].

Таким образом, МС, согласно положениям устава города Гуково (и действующего и будущего) осуществляется в соответствии с положениями К РФ и иными НПА. Это также можно заметить и при анализе п. 1 ст. 131 К РФ, согласно которому МС осуществляется в МО, виды которых устанавливаются федеральным законом. Остальные положения этой статьи также опираются на содержимое федерального закона, на него же ссылаются и действующий устав, и проект будущего устава, в частности это касается положений, регулирующих деятельность ОМС [1].

Ст. 132 К РФ посвящена вопросам муниципальной собственности, местного бюджета, налогов и сборов, а также иным вопросам местного значения. Согласно этой ст., ОМС самостоятельно управляют всеми перечисленными вопросами, и эти положения пересекаются с упомянутыми выше положениями, содержащимися в уставе города Гуково 2016 и проекте устава 2026. Но в проекте упоминается и дополнительное пояснение о том, что ОМС, в пределах своей компетенции, обеспечивают доступность медицинской помощи. Это положение К РФ можно найти в п. 17 ст. 3 обоих уставов [1, 3, 4].

А согласно ст. 133 К РФ МС РФ гарантируется правом на судебную защиту, компенсацию дополнительных расходов, которые возникают вследствие выполнения ОМС во взаимодействии с органами государственной власти публичных

функций, а также запретом на ограничение прав МС, установленных К РФ и федеральными законами. В п. 2 ст. 67 устава 2016 указано, что закупки, связанные с обеспечением муниципальных нужд, осуществляются за счет средств местного бюджета, а вот в аналогичной ст. 68 проекта устава 2026 сказано, что закупки, связанные с обеспечением муниципальных нужд, осуществляются за счет средств местного бюджета, если иное не предусмотрено Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». то есть, в проекте будущего устава положение ст. 133 К РФ отражается уже более детализировано, с отсылкой на действующее законодательство [1, 3, 4].

Основываясь на положениях главы 8 К РФ, действующего устава МО «Город Гуково» и проекта устава МО городского округа «Город Гуково» можно сделать следующие выводы:

– положения действующего устава МО «Город Гуково» и проекта устава МО городского округа «Город Гуково» изложены в соответствии с положениями ст. 130-133 К РФ, в некоторых моментах имеют прямую отсылку на положения указанных статей, что указывает на конституционность рассматриваемых документов, а также на иные НПА, в частности на Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ;

– можно заметить, что некоторые положения проекта устава 2026 изложены более детализировано, в сравнении с действующим уставом, что говорит о стремлении приведения устава МО городского округа «Город Гуково» в соответствии с действующим законодательством, в частности, в соответствии с К РФ и Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ.

Таким образом, основываясь на примере проанализированных документов, можно с уверенностью утверждать, что осуществление МС на территориях МО в Российской Федерации основывается на принципах конституционного права, так или иначе закрепленных в их основных НПА – уставах, которые ни в коем случае не должны противоречить ни К РФ и ни одному из возможных действующих вышестоящих НПА. Только так они смогут со своей стороны обеспечить условия для построения государства, гарантирующего защиту чести и достоинства личности, развития демократии и верховенства закона.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля. (дата обращения 01.03.2026).

2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Собрание законодательства Российской Федерации. 24.03.2025. № 12, ст. 1200 (дата обращения 01.03.2026).

3. Решение Гуковской городской Думы от 31.03.2016 № 60 «О принятии устава муниципального образования “Город Гуково”» (с изменениями и дополнениями). // Консультант Плюс. (дата обращения: 01.03.2026).

4. Решение Гуковской городской Думы от 05.02.2026 № 34 «О проекте устава муниципального образования городского округа “Город Гуково”» // официальный сайт Администрации города Гуково. (дата обращения: 01.03.2026).

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Гончаров М. М.

СТРАХОВОЙ РЫНОК: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В контексте стремительных перемен в экономике и технологиях законодательство играет решающую роль в развитии страховой отрасли. Данная статья анализирует последние нормативные изменения, касающиеся страховых компаний, и оценивает их воздействие на рыночную структуру, конкурентную среду, ассортимент предложений и уровень защиты клиентов. Особое внимание уделяется тенденциям цифровизации, повышению прозрачности, усилению надзорных мер и появлению новых форм страхования.

Ключевые слова: страховой рынок, законодательство, регулирование, цифровизация, потребители, договоры, устойчивость.

Современный страховой рынок старается идти в ногу с изменениями в законодательстве РФ.

А. Одним из наиболее значимых трендов является законодательная поддержка и регулирование цифровых технологий в страховании. Это включает:

- законодательное закрепление электронных форм документов. Развитие и легализация электронных полисов, электронных заявлений о страховом случае, электронных актов и других документов, позволяющих осуществлять весь жизненный цикл договора страхования в цифровом формате;

- регулирование обработки персональных данных. Ужесточение требований к сбору, хранению, обработке и передаче персональных данных клиентов в соответствии с принципами конфиденциальности и безопасности. Влияние законов, подобных GDPR, ощутимо по всему миру, требуя от страховщиков повышенного внимания к кибербезопасности и прозрачности использования данных;

- создание цифровых платформ и маркетплейсов. Законодательство, способствующее появлению и развитию онлайн-платформ для сравнения и приобретения страховых продуктов, а также для урегулирования убытков.

Б. Усиление защиты прав и интересов потребителей страховых услуг: данное направление законодательной деятельности направлено на повышение прозрачности, справедливости и доступности страховых продуктов для конечного потребителя:

- расширение требований к раскрытию информации, обязательное предоставление полной и понятной информации о страховых продуктах, условиях договоров, тарифах и страховых резервах;

- ограничение недобросовестных практик: законодательные ограничения на навязывание дополнительных услуг, скрытые комиссии и другие практики, ущемляющие права потребителей;

- совершенствование механизмов досудебного и судебного урегулирования споров: развитие институтов медиации, финансового омбудсмана и упрощение процедур получения страховых выплат.

В. Адаптация к новым видам рисков и технологиям: законодательство старается идти в ногу со временем, регулируя новые сегменты рынка и страховые продукты, отвечающие современным вызовам:

- киберстрахование: разработка нормативной базы для страхования от киберрисков, защиты данных и ответственности за утечки конфиденциальной информации;

- страхование «зеленых» проектов и климатических рисков: стимулирование развития страховых продуктов, направленных на покрытие рисков, связанных с изменением климата, а также стимулирование инвестиций в зеленую экономику через страховые механизмы;

- регулирование беспилотного транспорта и новых технологий: разработка правовых основ для страхования ответственности владельцев и производителей беспилотных транспортных средств, дронов и других автоматизированных систем.

Г. Совершенствование системы финансового регулирования и надзора: изменения в законодательстве также касаются усиления роли регулятора и повышения эффективности надзорных функций:

- усиление пруденциального регулирования: повышение требований к достаточности капитала, ликвидности и управлению рисками страховых компаний;

- гармонизация законодательства: приведение национального страхового законодательства в соответствие с международными стандартами и лучшими практиками (например, стандартами международной ассоциации страховых надзоров – *iaais*);

– консолидация и конкуренция: законодательные меры, направленные на оптимизацию структуры страхового рынка, поощрение разумной консолидации и антимонопольного регулирования.

Трансформационное влияние рассмотренных законодательных изменений приводит к формированию новых, долгосрочных векторов развития страхового рынка.

Законодательное закрепление электронных форм и стимулирование цифровых платформ делают цифровую трансформацию не просто трендом, а необходимостью для выживания и развития.

Стратегии страховщиков в 2025–2026 годах направлены на цифровизацию и развитие собственных ИТ-систем, а также интеграцию с различными партнерами и финансовыми маркетплейсами.

Таким образом, изменения и нововведения в законодательстве РФ существенно влияют на российский страховой рынок, они стимулируют повышение уровня защиты потребителей страховых услуг.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 20.11.1999 № 204-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_24943.
2. Брызгалов Д. В., Грызенкова Ю. В., Цыганов А. А. Перспективы цифровизации страхового дела в России // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 3. – С. 76–90.
3. Васильева Т. С. Актуальные вопросы развития регионального рынка страхования и его роль в экономике // Проблемы развития территории. 2020. № 3 (107). – С. 103–115.
4. Колтунова Ю. И. Государственное регулирование сферы страхования. // Modern economy success. – 2020. – № 1. – С. 116–121.
5. Савенко О. Л., Болотин Ю. О. Устойчивое развитие страхового рынка в современных условиях: концептуальные основы и инструменты обеспечения // Вестник Евразийской науки, 2019, № 4.
6. Файзрахманова Л. М. Особенности осуществления надзора на рынке страховых услуг. // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10. – С. 47–55.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПРАВ

***Аннотация.** Согласно Конституции Российской Федерации, нематериальные права, а именно: честь, достоинство, деловая репутация, личная неприкосновенность и т. д., представляют собой наивысшую ценность для человека, не имеющую эквивалента в измерении. В современном обществе гражданско-правовая ответственность за нарушение этих прав направлена на восстановление справедливости и компенсацию морального вреда. Однако в практическом применении возникают сложности, тем самым нарушая принципы справедливости и равенства граждан перед законом. Возникает противоречие между высокой социальной значимостью нематериальных прав и несовершенством правовых механизмов их защиты, поэтому тема данной статьи является актуальной.*

***Ключевые слова:** гражданско-правовая ответственность, нематериальные права, законодательство, правонарушение.*

Нематериальные права занимают особое место в системе гражданского права, так как не имеют экономического содержания и неотделимо связаны с человеком. Защита нематериальных прав осуществляется посредством гражданско-правовых механизмов, однако практика применения выявляет ряд проблем. Рассмотрим некоторые проблемы гражданско-правовой ответственности за нарушение нематериальных прав.

Одной из ключевых проблем является определение размера компенсации морального вреда. Моральный вред не поддается точной денежной оценке. Статьи 151, 1101 Гражданского кодекса РФ устанавливают общие оценки, указывают на необходимость учитывать характер причиненных страданий, степень вины нарушителя, требуя разумность и справедливость. Отсутствие четких критериев может приводить к занижению размера компенсации, тем самым ослабляет гражданско-правовую ответственность.

Доктор юридических наук Лидия Михеева отмечает, что размеры компенсации, которые сейчас взыскиваются в России, небольшие, и не достигают «идеальной картинки» законодательства, а, следовательно, не мотивируют правонарушителей к созданию безопасной среды и не отражают действительной ценности личных прав. Она предлагает судьям более глубоко вникать в обстоятельства

дела, попытаться встать на место потерпевшего, оценить всю индивидуальность потерпевшего, весь спектр его особенностей.

Для разрешения указанной проблемы необходимо разработать единую методику определения размера компенсации морального вреда в случае нарушения нематериальных прав. Во избежание необоснованного занижения размер компенсации должен носить определенный размер, ориентир, который мог бы облегчить бы работу судебной власти при разрешении споров, улучшил бы качество судебных решений, что приведет к увеличению ценности нематериальных прав человека.

Следующей важной проблемой является доказательство морального вреда, хотя нарушение нематериального права является причинением страданий гражданину, но на практике суды требуют дополнительные труднодоступные доказательства – медицинские документы, свидетельские показания, подтверждения психологического состояния. Это усложняет защиту прав потерпевших. Вопрос о достаточности доказательной базы остается дискуссионным и нуждается в разработке единых нормативных стандартов.

Решением доказательства морального вреда в юридической литературе звучат предложения по закреплению в разъяснениях Верховного Суда перечня допустимых доказательств морального вреда и презумпцию его причинения при доказанном нарушении нематериального права. Если истец доказал, что в отношении него совершено противоправное действие, то страдания презюмируются, а ответчик уже вправе доказывать обратное.

Особое место в ряду проблем гражданско-правовой ответственности за нарушение нематериальных прав занимает защита прав в условиях цифровой трансформации. Интернет и социальные сети быстро распространяют информацию, в том числе негативную и недостоверную, а последствия могут сохраняться длительный период. Препятствиями для своевременного выявления нарушений и привлечения к ответственности являются: анонимность пользователей, сложность установления ответчика. Примером является клевета в социальных сетях, негативные отзывы с заведомо ложной информацией. Даже после удаления негативной информации ее копии могут сохраняться на отдельных ресурсах, что делает восстановление нарушенного права неполным. В условиях цифровой трансформации общества механизмы гражданско-правовой ответственности недостаточно эффективны. Увеличилось количество киберпреступлений, связанных с нарушением тайной переписки, незаконным использованием персональных данных.

Решение этой проблемы заключается в комплексном подходе. Недостаточно просто совершенствовать законодательство – необходимы технические

механизмы идентификации нарушителей, взаимодействие с провайдерами, и повышение уровня образованности граждан в цифровом пространстве.

Следующей существенной проблемой является проблема баланса между защитой нематериальных прав и свободой выражения мнения, гарантированная ст. 29 Конституции РФ. Чрезмерная защита нематериальных прав способна привести к подавлению критики, ограничению общественных дискуссий. С другой стороны, неограниченная свобода выражения без учета нематериальных прав способна повредить человеку, а именно: клевета, оскорбление, распространение ложной информации.

Идеальный баланс – это принцип соразмерности. Критиковать действия, факты, поступки – можно и нужно. А переходить на личности и распространять заведомую ложь – нельзя. Решение проблемы баланса заключается в пропорциональности – ограничение свободы слова в той мере, в какой необходимо для защиты прав других лиц. Критика должна основываться на фактах, а не распространять заведомо ложную информацию. Законодательное регулирование должно четко определять границы между правом на мнение и зоной ответственности за вред, причиненный другому.

Таким образом, изучив проблемы гражданско-правовой ответственности за нарушение нематериальных прав, можно сделать вывод, что существующие механизмы защиты не в полной мере справляются с современными проблемами. Лишь комплексный подход, а именно: обновление законодательной базы, выработка единообразных подходов, укрепит гарантии защиты нематериальных прав, повысит доверие граждан к правовой системе и будет способствовать формированию культуры уважения к личным неимущественным правам в российском обществе.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

РОССИЙСКАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** Данная статья рассматривает практику регулирования интеллектуального и авторского права.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, интеллектуальное право, авторское право.*

Регулирование интеллектуальной собственности сегодня сложно переоценить. Мы живем в эпоху, где информация и контент стали не просто ценным ресурсом, но и полноценным товаром. Еще 20–30 лет назад вопросы авторского права волновали в основном писателей и ученых, а сегодня с ними сталкивается каждый пользователь интернета: от музыканта, выкладывающего свое творчество, до блогера, использующего чужой видеоряд.

Цель работы – провести сравнительный анализ российской модели регулирования интеллектуальных прав и международных стандартов, выявив основные сходства и противоречия.

Фундамент современного международного авторского права был заложен еще в конце XIX века. Ключевым документом здесь является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Именно она ввела принципы, которые до сих пор являются «золотым стандартом»: автоматическая охрана, т. е. возникновение прав в момент создания произведения, без необходимости регистрации и национальный режим, означающий, что иностранный автор пользуется теми же правами, что и местный.

Однако долгое время международное право было довольно «клубным». Ситуация изменилась с созданием Всемирной торговой организации (ВТО) и принятием Соглашения ТРИПС (TRIPS) в 1994 году. ТРИПС, по сути, привязало защиту интеллектуальной собственности к международной торговле. Если страна хочет торговать с другими участниками ВТО, она обязана обеспечить минимальные стандарты защиты авторских прав у себя внутри. Это заставило многие государства, включая Россию, серьезно модернизировать свои законодательства.

Дальнейшее развитие получило право под влиянием развития технологий. В 1996 году под эгидой Всемирной организации интеллектуальной собственности были приняты «интернет-договоры». Они ввели понятие «право на доведение до всеобщего сведения», то есть размещение в интернете.

В современной международной практике регулирования авторского права сложились такие черты, как гармонизация законодательства, выражающееся в стремлении стран унифицировать правила, чтобы защита работала невзирая на границы; борьба с пиратством; расширение объектов прав.

На данный момент остро стоит вопрос об охране произведений, созданных искусственным интеллектом. Пока международного консенсуса нет: одни страны отказывают ИИ в авторстве, другие рассматривают возможность защиты, если творческий вклад человека был определяющим.

Российская система регулирования интеллектуальных прав прошла долгий путь. В СССР подход был своеобразным: авторские права признавались, но государство могло национализировать произведение или установить жесткие рамки его использования. Переход к рынку в 90-е годы потребовал кардинальных реформ.

Сегодня основой регулирования авторского права является Часть четвертая Гражданского кодекса РФ. Это, пожалуй, один из самых удачных и структурированных кодифицированных актов в этой сфере. Законодатель объединил в одном разделе нормы об авторском праве, смежных правах, патентном праве и средствах индивидуализации.

Нормы международного права тесно сплетены с российским законодательством, т. к. Россия является участницей Бернской конвенции, Соглашения ТРИПС и договоров ВОИС, поэтому российское законодательство в целом соответствует мировым стандартам. Например, в ст. 1259 ГК РФ закреплён принцип автоматической охраны, что полностью копирует подход Бернской конвенции.

В российском праве есть перечень случаев свободного использования произведений (ст. 1273–1280 ГК РФ) – цитирование, использование в учебных целях и т. д. Однако на практике нередко возникают споры о границах цитирования, особенно в интернете, где даже короткий фрагмент видео могут посчитать за переработку.

С 2013 года в России действует так называемый «антипиратский закон», который постоянно расширялся. Изначально он касался только видео, а сейчас распространяется на музыку, книги и софт. Закон позволяет блокировать сайты с нелегальным контентом навсегда по решению суда или досудебно по заявлению правообладателя. Это очень мощный и в некоторых случаях избыточный инструмент, но он эффективно работает против крупных пиратских ресурсов.

Однако несмотря на общую гармонизацию, российская и международная практика имеют ряд различий, которые особенно ярко проявились в последние годы.

В международной практике, особенно в Европе и США, действует принцип исчерпания прав национально или регионально, согласно которому без разрешения правообладателя ввозить товар, купленный за границей, если правообладатель запрещает продажи в этой стране. В 2022 году Россия легализовала параллельный импорт фактически перейдя на международный принцип исчерпания прав, чтобы насытить рынок товарами. С точки зрения защиты интеллектуальных прав это, конечно, шаг назад, но с точки зрения экономики – вынужденная мера.

Также в России огромную роль играют аккредитованные организации по управлению правами на коллективной основе (например, РАО – Российское авторское общество). Они собирают вознаграждение для авторов, даже если те напрямую не заключали договоры с пользователями. За рубежом эта система тоже существует, но в России она часто подвергается критике за непрозрачность распределения собранных средств.

Есть отличия и в судебной практике и размере компенсаций. В России суды чаще взыскивают компенсацию за нарушение авторских прав в твердой сумме, а не упущенную выгоду или доход нарушителя. На западе больше распространены иски о возмещении убытков, которые требуют сложных расчетов или отчисления процентов с реализации интеллектуальной собственности. При этом в США размеры компенсаций могут быть астрономическими, что должно служить устрашающим фактором. В России суммы скромнее, что иногда делает нарушение прав «экономически оправданным» для недобросовестных компаний.

Сейчас как Россия, так и мир столкнулись с новыми вызовами, на которые современное право отвечает с трудом.

Появление нейросетей и генеративного ИИ усложнило установление сторон в разбирательствах. Кто автор: программист, пользователь, написавший промпт, или сама нейросеть? Российские суды пока не могут дать четкого ответа. Был случай с отказом в регистрации прав на картинку, созданную ИИ, так как в ней не было «творческого вклада человека». Мир тоже мечется: в США авторские права на изображения от ИИ не регистрируют, но в Китае уже был прецедент защиты такого контента.

Взимание роялти со музыкальных стриминговых сервисов стало стандартом. Но споры о том, как делить эти деньги между лейблами и независимыми артистами, продолжаются как у нас, так и за рубежом.

Подводя итог, можно сказать, что российская система регулирования интеллектуальных прав изначально строилась по лекалам международной, но со временем обрела уникальные черты, продиктованные национальной спецификой

и политико-экономической ситуацией. Мы находимся в правовом поле Бернской конвенции, что позволяет российским авторам защищать свои права за границей, пусть сейчас это и осложнено санкциями, а иностранным – у нас.

Главная проблема сегодня – это скорость изменений. Технологии развиваются быстрее, чем законодатель успевает писать законы. И в России, и в мире пока нет внятных ответов на вопрос о статусе «творений» искусственного интеллекта или о том, как регулировать использование произведений для обучения нейросетей.

Библиографический список

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (от 09.09.1886) // Собрание Постановлений Правительства СССР, 1973. – № 24. – Ст. 139.
2. Договор ВОИС по авторскому праву (от 20.12.1996) // Сборник международных актов об интеллектуальной собственности. – М.: Норма. – 2003.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52, ст. 5496.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31, ст. 3448.
5. Дубень А. К. Международное сотрудничество в сфере информационной безопасности: общая характеристика и российский подход к изучению // Международное право и международные организации. 2022. № 1. С. 24–30.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности правового регулирования цифровых активов в российском гражданском праве, эволюция понятийного аппарата и анализируются доктринальные споры вокруг правовой природы цифровых прав. Определяется их роль и место в системе объектов гражданских прав. Кроме того, исследуются актуальные проблемы правоприменения: сложности, связанные с токенизацией активов реального мира, а также вопросы, касающиеся ограничения судебной защиты цифровых валют.*

***Ключевые слова:** цифровые активы, цифровые права, цифровые финансовые активы, объекты гражданских прав, Гражданский кодекс РФ, токенизация, судебная практика.*

В современном правовом пространстве проблема правового регулирования цифровых активов занимает одно из центральных мест, что обусловлено стремительной цифровизацией экономических отношений и необходимостью адаптации классических гражданско-правовых конструкций к реалиям технологического развития. Государство в данном процессе стремится найти баланс между стимулированием инноваций и защитой традиционного гражданского оборота. Целью настоящей статьи является не систематизация нормативного материала, а выявление проблемных аспектов имплементации цифровых прав в систему объектов гражданских прав и оценка актуальных тенденций судебной практики.

Исследование вопроса целесообразно начать с ретроспективного анализа дискуссий 2017–2018 годов, предшествовавших принятию профильного законодательства. Изучение материалов того периода позволяет проследить трансформацию подхода законодателя. Первоначальная концепция введения категории «цифровые деньги» (применительно к криптовалютам) была отвергнута, что связывается с консервативной позицией Банка России, направленной на охрану монополии рубля как единственного законного платежного средства. В итоге Федеральный закон № 34-ФЗ от 18 марта 2019 года «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» включил в ГК РФ принципиально иную конструкцию – «цифровые права». Данный момент имеет принципиальное значение для понимания всей последующей правовой регламентации.

Согласно позиции некоторых авторов, цифровые права не являются новым субъективным правом (вещным или обязательственным), а представляют собой новую форму фиксации существующих обязательственных и иных прав. Данный подход узаконен положениями статьи 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровым правом признается названное в таком качестве в законе обязательственное или иное право, содержание и условия осуществления которого определяются в соответствии с правилами информационной системы¹.

В гражданско-правовой доктрине продолжается дискуссия относительно правовой природы цифровых прав. Многие авторы указывают на необходимость строгого разграничения способа фиксации и содержания права. Однако анализ правил информационных систем, используемых операторами цифровых финансовых активов, позволяет сделать вывод о том, что цифровой способ фиксации оказывает существенное влияние на режим оборота соответствующего права. Ключевое значение имеет положение пункта 1 статьи 141.1 ГК РФ, закрепляющее возможность распоряжения цифровым правом только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Данная характеристика создает специфический правовой режим, отличный от режима классических бездокументарных ценных бумаг, где роль посредника (депозитария, регистратора) является неотъемлемой. В юридической литературе встречается метафорическое определение цифровых прав как «бездокументарных ценных бумаг без депозитария», поскольку функции учета и фиксации переходят к самой информационной системе.

Отдельного внимания заслуживает место цифровых прав в систематике объектов гражданских прав, установленной статьей 128 ГК РФ. Цифровые права отнесены к категории иного имущества (имущественных прав). При этом необходимо разграничение родового понятия «цифровые права» (ст. 141.1 ГК РФ) и специальных видов, регулируемых Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ: цифровых финансовых активов (ЦФА) и утилитарных цифровых прав.

Спорный аспект выявляется при анализе изменений, внесенных в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ. С марта 2024 года в статье 1 данного закона закреплено разделение цифровых прав на признаваемые и не признаваемые валютными ценностями.

¹ Прохоров В. В., Рожнов И. П. Цифровые финансовые активы: учебник для вузов // М.: Юрайт, 2026. – С. 70.

Данное разграничение порождает дифференцированный правовой режим: оборот ЦФА между резидентами за рубли регулируется иначе, чем использование цифровых прав в качестве средства платежа по внешнеторговым сделкам, где действуют валютные ограничения. Это создает дополнительные административные барьеры для трансграничных расчетов.

Одной из наиболее дискуссионных тем современного правового дискурса является токенизация активов реального мира. Процесс превращения реального актива (будь то недвижимость или произведение искусства) в цифру с помощью блокчейна. Грубо говоря, создается цифровой слепок актива, который дробится на токены. Каждый токен – это доля. Блокчейн выступает в роли огромной, публичной книги учета, размноженной на миллионах компьютеров. Когда пользователь хочет проверить какую-то операцию (переслать деньги или зарегистрировать сделку), он инициирует транзакцию, и все изменения записываются в эту книгу.

В выступлениях экспертов была обозначена фундаментальная проблема: действующая редакция ГК РФ не предусматривает возможности возникновения абсолютных (вещных) прав из записи в информационной системе¹. Выпуск ЦФА, удостоверяющих право требования на поставку индивидуализированного имущества (золото, нефть), порождает у владельца обязательственное право требования к оператору, а не право собственности на само имущество. Возникновение права собственности на вещь регулируется иными нормами ГК РФ (традиционные способы приобретения права собственности). Смещение указанных режимов создает риски признания сделок ничтожными как противоречащих основам правопорядка. Данная проблема имеет фундаментальный характер и требует законодательного разрешения.

Важным событием судебной практики стало Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года. В рамках данного дела КС РФ рассматривал вопрос о конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливающей зависимость судебной защиты прав на цифровую валюту от факта ее декларирования: «Требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций

¹ Ручкина Г. Ф., Баракина Е. Ю., Демченко М. В. Правовой режим цифровых финансовых активов и цифровых валют: учебное пособие // М.: ИНФРА-М, 2026. С. 193.

с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах¹.

КС РФ признал такой налоговый ценз допустимым, что, по мнению ряда комментаторов, является ограничением права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), оправданным публичными интересами. Данная позиция создает ситуацию правовой неопределенности для владельцев криптоактивов, поскольку сама по себе принадлежность имущества (цифровой валюты) не гарантирует его судебную защиту.

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. Российский законодатель избрал путь включения цифровых объектов в существующую систему обязательственного права, отказавшись от создания принципиально новой правовой категории. Цифровые права по ГК РФ квалифицируются исключительно как права требования. Анализ изменений валютного законодательства и актуальной судебной практики свидетельствует о смещении акцента в сторону контроля и фискальных функций государства в отношении цифровых активов. Вопрос о возможности токенизации вещных прав (прав собственности на реальные активы) остается открытым и не урегулирован на уровне ГК РФ. Существующие экспериментальные правовые режимы не решают данную проблему системно. Таким образом, реформа гражданского законодательства 2019 года стала необходимым этапом легализации цифрового оборота. Однако развитие технологий и правоприменительной практики опережает нормативное регулирование, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования гражданско-правовых механизмов.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Прохоров В. В., Рожнов И. П. Цифровые финансовые активы: учебник для вузов // М.: Юрайт, 2026. 298 с.
3. Ручкина Г. Ф., Баракина Е. Ю., Демченко М. В. Правовой режим цифровых финансовых активов и цифровых валют: учебное пособие // М.: ИНФРА-М, 2026. 301 с.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // СПС «КонсультантПлюс».

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО АРЕНДЕ НЕЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

***Аннотация.** В представленной работе исследуются сложные аспекты гражданско-правового регулирования арендных отношений в сегменте нежилой недвижимости. Опираясь на доктринальные источники и материалы судебной практики, автор подробно разбирает четыре основные группы вопросов: трудности идентификации предмета аренды, проблематику распределения ответственности за скрытые дефекты объекта, спорные ситуации, связанные с досрочным прекращением договора и процедурой возврата помещений, а также нюансы государственной регистрации и влияние обстоятельств непреодолимой силы. Ключевой вывод исследования заключается в том, что основные правоприменительные сложности проистекают не из дефектов законодательной базы, а из столкновения базовых принципов гражданского права и отсутствия унифицированных подходов в судебном толковании. Отдельное внимание уделено анализу применения презумпции профессиональной компетентности арендатора и рискам злоупотребления правами со стороны арендодателя. Обосновывается актуальность формирования более последовательных правовых позиций судов по перечисленным спорным аспектам аренды.*

***Ключевые слова:** договор аренды коммерческой недвижимости, предмет аренды, скрытые дефекты, расторжение договора, неосновательное обогащение, судебная практика.*

Договор аренды основывается на взаимном согласии сторон. Это значит, что для его заключения достаточно достижения общего согласия между сторонами относительно условий сделки. Отличительные черты такого договора – это взаимность и возмездность услуг.

Основополагающие положения по аренде изложены в первом параграфе главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые по умолчанию распространяются на все арендные отношения, за исключением случаев, когда специальные условия определены в иных нормах¹.

Аренда нежилых помещений представляет собой фундамент предпринимательской деятельности. Помещения под офисы, складские и торговые площади

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

являются повседневным инструментом бизнеса. Однако, несмотря на кажущуюся проработанность данной сферы, правоприменительная деятельность периодически сталкивается с неожиданными коллизиями.

Первый значимый блок затруднений традиционно связан с определением предмета аренды. Формально процедура выглядит тривиально: существует помещение с конкретным кадастровым номером, на основе чего заключается соглашение. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что нередко договор содержит лишь адрес строения без четкой индивидуализации самого объекта. Руководствуясь положениями ст. 607 ГК РФ «Объекты аренды», судебные инстанции настаивают на наличии данных, безусловно идентифицирующих передаваемое имущество. Здесь возникает принципиальный вопрос о правовом статусе «нежилого помещения» как объекта. Анализ актуальных разъяснений высших судебных инстанций демонстрирует рост числа споров вокруг аренды частей помещений или объектов, не относящихся к капитальному строительству. Если режим аренды капитальных объектов и требования к регистрации долгосрочных договоров более или менее ясны, то ситуация с частями помещений (например, выделенной стойкой зоной в торговом зале) остается размытой. Подобные объекты сложно квалифицировать как недвижимость в классическом понимании, что делает невозможной регистрацию договора и снижает уровень защиты арендатора. Единообразная судебная практика по вопросу существенных условий для подобных «нестандартных» предметов аренды, как представляется, до сих пор не сформирована¹.

Второй блок проблем, имеющий непреходящую актуальность, касается качества передаваемого в аренду имущества и связанных с этим рисков. Изучение судебных решений подтверждает, что классическая проблема скрытых недостатков остается острой. Распространена ситуация, когда арендатор, осуществив значительные вложения в ремонт, спустя время сталкивается с серьезными дефектами (проблемы с фундаментом, кровлей) либо с невозможностью вести согласованную деятельность из-за нарушений противопожарных норм. Нормы ст. 612 ГК РФ «Ответственность арендодателя за недостатки сданного в аренду имущества» предоставляют арендатору определенный инструментарий защиты, включая требования о проведении ремонта, соразмерном уменьшении платы или расторжении соглашения. Однако подп. 2 п. 2 указанной статьи существенно ограничивает эти возможности, если недостатки могли быть обнаружены при

¹ Суханов, Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. – М.: Статут, 2020. – С 483.

осмотре перед заключением договора. В судебной практике возникает спор: обязан ли профессиональный участник оборота обладать специальными познаниями для выявления скрытых строительных дефектов? Довольно часто суды исходят из презумпции профессионализма арендатора, что представляется небесспорным. В итоге пострадавшая сторона может лишиться защиты, поскольку ее признают способной предвидеть наличие скрытых проблем, что на практике маловероятно.

Третий и, вероятно, самый конфликтный блок связан с расторжением договора и процессом возврата помещения. Финал арендных отношений нередко сопровождается спорами о компенсациях. Ключевым вопросом здесь выступает взыскание неосновательного обогащения после прекращения действия договора. Типичный пример: арендатор освободил помещение, но оставил свое имущество (оборудование, конструкции), что мешает арендодателю передать объект новому нанимателю. Арендодатель инициирует иск о взыскании платы за фактическое пользование, ориентируясь на текущие рыночные ставки, которые могут превышать договорные. Позиция судов, опирающаяся на разъяснения Пленума ВАС РФ № 35, в таких случаях часто поддерживает арендодателя, квалифицируя сэкономленные средства как неосновательное обогащение по рыночной стоимости. Вместе с тем, анализ практики последнего времени выявляет важную развилку. Если сохранение имущества арендатора обусловлено действиями самого арендодателя (например, смена замков, ограничение доступа), то суды начинают применять ст. 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом. Требование платы за период, когда возврат имущества был затруднен самим арендодателем, признается неправомерным. Возникает ситуация, где исход дела напрямую зависит от доказывания добросовестности поведения сторон, что само по себе является сложной задачей.

Четвертый аспект, заслуживающий внимания, – влияние пандемийных ограничений на арендные отношения. Внесенные в период COVID-19 поправки (ст. 19 Федерального закона № 98-ФЗ) обнажили уязвимость законодательства перед форс-мажорами в экономической сфере. Конкретно п. 3 данного закона: «Арендатор по договорам аренды недвижимого имущества вправе потребовать уменьшения арендной платы за период 2020 года в связи с невозможностью использования имущества» связанной с принятием органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии со статьей 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в редакции

настоящего Федерального закона) решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на территории субъекта Российской Федерации». Тем самым государство предоставило возможность требовать снижения платы при невозможности использовать помещение (например, в период закрытия ТЦ) стала серьезным нововведением. Тем не менее, порожденная этим правовая коллизия сохраняет актуальность до сих пор: можно ли считать государственный запрет деятельности обстоятельством, освобождающим от обязательств, и если да, то в каком объеме? Судебная практика по этому вопросу демонстрировала полярные мнения – от полного освобождения арендатора от ответственности до возложения всех рисков на него. Окончательной ясности в этом вопросе достигнуто не было, острота спала лишь в связи с изменением внешних условий¹.

Нельзя обойти вниманием и проблематику государственной регистрации. Классическая ситуация: отсутствие регистрации договора аренды, заключенного на срок более года, влечет его незаключенность для третьих лиц, но не отменяет обязательств между сторонами, если договор фактически исполнялся. Изучение судебных решений показывает, что стороны нередко пытаются аннулировать сделку, апеллируя именно к отсутствию регистрации, чтобы уклониться от ответственности. В настоящее время суды выработали устойчивый подход: наличие подписанного акта приема-передачи и факт внесения арендных платежей свидетельствуют о действительности договора, делая отсутствие регистрации несущественным для внутренних отношений. Однако этот «двойной стандарт» создает серьезные риски, в частности, при банкротстве одной из сторон или смене собственника здания, который может отказаться признавать обязательства по незарегистрированному соглашению.

Подводя итог, следует констатировать, что ключевые сложности в регулировании аренды коммерческой недвижимости обусловлены не отсутствием правовых норм, а конкуренцией фундаментальных начал гражданского права.

1. Принципа свободы договорных отношений.
2. Принципа необходимости защиты экономически более слабой стороны
3. Принципа обеспечения стабильности и предсказуемости имущественного оборота.

Основной вывод проведенного анализа заключается в том, что потребность в новых законодательных актах не является первоочередной. Более востребован-

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – М.: Статут, 2011. – С. 367.

ной представляется выработка высшими судебными инстанциями детализированных разъяснений по вопросам идентификации объекта в некапитальных строениях, перераспределения бремени доказывания по фактам скрытых дефектов и установления четких критериев добросовестности при возврате имущества.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданское право: Учебник: в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова. – М.: Статут, 2020. – 478 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – М.: Статут, 2011. – 779 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ОСАГО)

***Аннотация.** В настоящей статье исследуются системные проблемы функционирования института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в Российской Федерации по состоянию на начало 2026 года.*

***Ключевые слова:** обязательное страхование гражданской ответственности, ОСАГО, натуральное возмещение, страховой случай, убыточность.*

Актуальность темы обуславливается совокупностью факторов. Во-первых, существенная трансформация экономической среды, вызванная санкционными ограничениями, нарушением логистических цепочек поставок запасных частей и значительным ростом цен на комплектующие, привела к невозможности исполнения страховщиками обязательств по организации восстановительного ремонта в том виде, как это предусмотрено законодательством. Во-вторых, сформировалась устойчивая судебная практика, расширяющая границы ответственности страховых компаний за пределы установленных законом лимитов. В-третьих, все больше проявляются незаконные механизмы, использующие институт цессии для извлечения прибыли, что повышает нагрузку на судебную систему.

Целью настоящего исследования является выявление существующих проблем, связанных с институтом обязательного страхования гражданской ответственности, посредством правового анализа действующих норм, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и внедрению необходимых правовых мер.

Для реализации вышесказанной цели необходимо определить перечень важных задач. К таким можно отнести:

- изучение правового регулирования ОСАГО;
- исследование состояния института ОСАГО на современном этапе;
- выявление проблем сверхлимитной ответственности страховщиков и др.;
- исследование проблемы деятельности недобросовестных посредников и институт цессии.

Февраль 2026 года ознаменовался событиями, имеющими потенциально судьбоносное значение для всего страхового рынка: обращение компании

«Т-страхование» в Конституционных Суд РФ с запросом о проверке конституционности сложившейся практики взыскания сверхлимитных выплат, а также серия совещаний в Банке России и Российском союзе автостраховщиков, посвященных модификации либо отмене механизма натурального возмещения. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость комплексного анализа сложившейся ситуации.

Правовое регулирование отношений в сфере ОСАГО базируется на комплексном применении норм ГК РФ и специального Закона об ОСАГО.

Согласно статье 927 ГК РФ, страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых гражданином или юридическим лицом со страховой организацией со страховой организацией. При этом обязательное страхование, к которому относится ОСАГО, осуществляется путем заключения договора страхования лицом, на которое возложена обязанность такого страхования.

ФЗ от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ определяет ОСАГО как страхование риска гражданской ответственности владельцев транспортных средств по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортных средств. Ключевым понятием выступает страховой случай – наступление гражданской ответственности которого застрахован, за причинение вреда, которое влечет за собой обязанность страховщика произвести страховую выплату.

Важнейшей проблемой последнего десятилетия стал законодательный приоритет натуральной формы страхового возмещения (восстановительного ремонта) над денежной выплатой. При этом ремонт должен производиться с использованием новых комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), а расчеты между страховщиком и СТОА осуществляются по единичным справочникам, формируемым профессиональным объединением страховщиков на основе среднерыночных цен.

Однако, как справедливо отмечает П. В. Сокол в своем научно-практическом пособии, эффективность любой конструкции, сколь бы совершенной она ни была с догматической точки зрения, напрямую зависит от ее адекватности реальным экономическим условиям и потребностям участников правоотношений. Именно рассогласование между нормативными предписаниями и объективной реальностью породило комплекс проблем.

По данным РСА. Реальным ремонтом воспользовались менее 10% потерпевших, хотя законодательство данный способ позиционирует как приоритетный. Подавляющее большинство случаев урегулируется денежными выплатами, что возвращает систему к проблемам дореформенного периода (до 2017 года).

Причины носят объективный характер. Санкции привели к разрыву логистических цепочек поставок оригинальных запчастей для автомобильных средств иностранного производства. СТОА либо не могут осуществить ремонт в установленные сроки, либо отказываются работать по ценам справочников РСА, не успевающим за ростом рыночных цен.

Страховщик сталкивается с невозможностью выдать направление на ремонт. П. 16.1 ст. 12 Закона допускает замену ремонта выплатой лишь в случаях полной гибели транспортного средства, отсутствие договоров с СТОА и др. Ситуация, когда ремонт невозможен по объективным причинам. В законе прямо не урегулирована.

Наиболее острая коллизия связана с расхождением между специальными нормами Закона об ОСАГО, ограничивающими ответственность лимитами, и общими положениями ГК РФ о полном возмещении убытков (ст. 15, 393 ГК РФ).

Судебная практика (включая Обзор Верховного Суда РФ от 22.04.2025) исходит из того, что если страховщик не исполнил обязанность по организации ремонта, потерпевший вправе требовать полного возмещения убытков сверх лимита. Для страховщиков это создает существенные финансовые риски. Поскольку суммы взысканий могут многократно превышать полученную премию.

В феврале 2026 года «Т-страхование» обратилось в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке такого подхода. Законодатель указывает на нарушение принципов равенства и баланса интересов, поскольку на страховщика возлагается ответственность за обстоятельства, объективно от него не зависящие. Исход дела определит вектор развития рынка либо рост тарифов и уход мелких игроков, либо корректировка законодательства.

Деятельность автоюристов, использующих институт цессии, выступает дестабилизирующим фактором. Типовая схема: потерпевший уступает права требования посреднику, тот проводит завышенную экспертизу и взыскивает в суде не только основной долг, но и штрафные санкции – неустойку, штраф по Закону о защите прав потребителей, моральный вред, судебные расходы.

По данным РСА, в некоторых регионах доля судебных взысканий достигает 30–40% выплат. Страховщики закладывают эти риски в тарифы, перекладывая бремя на добросовестных страхователей. В Банке России констатировали,

что «неурегулированность создает почву для злоупотреблений». В профессиональном сообществе обсуждается возможность запрета цессии по ОСАГО, что требует тщательной проработки с точки зрения соблюдения прав потерпевших.

Система ОСАГО переживает этап глубокой трансформации, обусловленной внешними экономическими факторами и внутренними правовыми коллизиями. Конфликт между предписаниями о приоритете ремонта и невозможностью его реализации породил каскад проблем: риск сверхлимитной ответственности, дестабилизирующее влияние авантюристов и многое другое. Дальнейшее развитие зависит от способности законодателя и правоприменителя найти баланс между защитой прав потерпевших и обеспечением финансовой устойчивости страховщиков.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.
5. Годин А. М., Фрумина С. В. Страхование: Учебник. – М.: Дашков и К, 2024. – 256 с.
6. Обзор практики рассмотрения дел по спорам, связанным с защитой прав потребителей : обзор Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2025 г. № 5 // КонсультантПлюс : справочная правовая система (дата обращения: 15.03.2026).
7. Сокол П. В. Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Научно-практическое пособие – М.: Деловой двор, 2013. – 168 с.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТАНОВКИ

***Аннотация.** В данной работе речь будет идти о том, что в настоящее время необходимо уделять особое внимание вопросу правовых проблем освобождения от наказания в связи с изменением обстановки. Будут рассмотрены конкретные проблемы, требующие решения.*

***Ключевые слова:** уголовное право, институт освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, деятельное раскаяние.*

Актуальность исследования правовых проблем освобождения от наказания в связи с изменением обстановки обусловлена тем, что в условиях гуманизации уголовной политики государства особое значение приобретают институты, позволяющие минимизировать применение мер уголовной репрессии. Статья 80.1 УК РФ является одним из таких институтов, однако ее потенциал используется не в полной мере.

Целью данного исследования является выявление существующих проблем, связанных с институтом освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, посредством правового анализа действующих норм, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и внедрению необходимых правовых мер.

Несмотря на кажущуюся простоту законодательной конструкции, правоприменение сталкивается с серьезными трудностями. Статья 80.1 УК РФ применяется крайне редко в отношении лиц, которым вынесено итоговое решение по уголовному делу. Столь низкий показатель свидетельствует не столько о редкости жизненных ситуаций, подпадающих под действие нормы, сколько о сложности ее толкования и нерешенности ряда фундаментальных правовых проблем.

Одни авторы (например, В. В. Мальцев) полагают, что перемещение нормы было ошибочным, поскольку изменение обстановки как объективный фактор должно исключать саму постановку вопроса об ответственности, а не только о наказании. Другие (Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев) считают такое решение оправданным, так как освобождение от наказания применяется после вынесения обвинительного приговора, когда факт совершения преступления уже констатирован судом, и речь идет лишь о нецелесообразности назначения наказания.

Последствия законодательного решения оказались весьма значительными. Статистика свидетельствует о резком сокращении применения нормы после 2003 года. Если ранее по ст. 77 УК РФ ежегодно освобождались тысячи лиц, то сейчас применение ст. 80.1 УК РФ носит единичный характер.

Однако, как показывает анализ практики, суды не всегда проводят четкое различие между указанными категориями. В одних случаях суды признают достаточным основанием призыв на военную службу или заключение брака, в других отказывают в применении статьи при аналогичных обстоятельствах. Указывая на отсутствие связи с общественной опасностью деяния.

Отсутствие легального определения понятия «изменение обстановки» порождает существенные сложности в судебной практике. Как справедливо отмечается в научной литературе.

В различных уголовных делах будет возможность найти веские основания для освобождения от уголовного наказания, если такие нормы были бы приняты за образец. Бывает, что одни и те же действия лица рассматриваются и как изменение обстановки. К примеру, если лицо после совершения преступления устроилось на работу и таким образом доказало свое исправление, это можно трактовать и как изменение обстановки, поскольку изменилась среда, в которой находится лицо, и как деятельное раскаяние, поскольку лицо активно подтверждает свое исправление.

В судебной практике при наличии признаков деятельного раскаяния суды, как правило, применяют именно статью 75 УК РФ. Поскольку она содержит более конкретные условия. В результате статья 80.1 УК РФ используется лишь тогда, когда лицо не предпринимало активных действий, но объективные обстоятельства изменились таким образом, что необходимость в наказании отпала.

Традиционно доктрина рассматривала призыв лица в Вооруженные Силы РФ как одно из оснований для вывода об утрате общественной опасности. Однако судебная практика не всегда следует этому подходу.

По одному из дел суд отказал в ходатайстве об освобождении от наказания в связи с призывом на военную службу, указав, что сам по себе факт призыва не свидетельствует о том, что лицо утратило общественную опасность; необходимо также учитывать обстоятельства совершения преступления, отношение к службе и т. п.

В связи с принятием Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ, введшего ст. 78.1 УК РФ, возникает вопрос о соотношении этой нормы со ст. 80.1 УК РФ. Представляется, что ст. 78.1 УК РФ является специальной нормой, и при наличии оснований для освобождения от ответственности применение ст. 80.1 УК РФ исключается.

В судебной практике при наличии признаков деятельного раскаяния суды, как правило, применяют именно статью 75 УК РФ, поскольку она содержит более конкретные условия. В результате статья 80.1 УК РФ используется лишь тогда, когда лицо не предпринимало активных действий, но объективные обстоятельства изменились таким образом, что необходимость в наказании отпала.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт освобождения от наказания в связи с изменением обстановки, предусмотренный статьей 80.1 УК РФ, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Главным тормозом применения нормы остается отсутствие легальных критериев «изменения обстановки». Суды вынуждены оперировать оценочными категориями, что порождает противоречивые решения. Необходимо дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 разъяснениями о том, какие именно обстоятельства (например, увольнение с должности, связанной с преступлением, или объективные изменения в социальной среде) могут признаваться значительными и необратимыми.

Норма сформулирована таким образом, что ее применение на практике вызывает значительные трудности. Отсутствие четких критериев оценки изменения обстановки, неопределенность в разграничении со смежными институтами, проблемы доказывания и широкое судебское усмотрение приводят к тому, что данная норма применяется крайне редко.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Бриллиантов А. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2018. № 3. – С. 10–14.
3. Мальцев В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2008.
4. Прошляков А. Д. О применении статьи 80.1 УК РФ на различных этапах производства по уголовному делу и при исполнении приговора // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. № 1. – С. 45–52.
5. Тыдыкова Н. Проблемы определения понятия «изменение обстановки» в ст. 80.1 УК РФ // Юрислингвистика. 2020. № 15. – С. 55–59.

ЭВОЛЮЦИЯ ТУРИЗМА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция туризма в России как социально-экономического явления от советской плановой модели до современного рыночного сектора. Выделены ключевые этапы развития отрасли. Особое внимание уделено влиянию государственных решений, инфраструктурных преобразований, цифровизации и внешних кризисов на динамику туристических потоков.*

***Ключевые слова:** туризм, советский период, переходный период в туризме, внутренний туристический поток, въездной и выездной туризм, вызовы, цифровизация.*

Туризм как социально-экономическое явление в России имеет глубокие исторические корни, эволюционируя от организованного отдыха в советскую эпоху к динамичному рынку услуг в постсоветский период.

Зарождение массового туризма в СССР связано с 1930-ми гг., когда появились первые внутренние программы комсомольцев и Всесоюзные пионерские лагеря такие как: «Артек», «Орлёнок», «Океан». Взрослое население предпочитало Черноморское побережье Кавказа и Крым. В тот период туризм позиционировался как оздоровительный процесс, а не коммерческая отрасль. Система значков «Турист СССР» стимулировала активный отдых, а бюро «Спутник» обеспечивало молодежный обмен с социалистическими странами такими как: Болгария, Чехословакия, Югославия, Венгрия [1].

В результате проведенного исследования выделим основные этапы развития туристической отрасли, а также раскроем ключевые препятствия и механизмы государственного регулирования.

Советский период: институционализация и массовый оздоровительный туризм

В советской модели туризма доминировала идеологическая и оздоровительная функция, подчинённая задачам физического воспитания трудящихся и укрепления коллективизма. Туризм регулировался Постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 мая 1969 г. № 411 «О дальнейшем развитии туризма и организованного отдыха трудящихся», которое институционализировало профсоюзный контроль над инфраструктурой.

Центральный совет по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ) координировал сеть туристско-оздоровительных баз (ТОБ), баз отдыха и спортивных лагерей. К 1980-м гг. функционировало свыше 18 тыс. объектов, обеспечивших отдых 80 млн человек ежегодно по данным Госкомтуризма СССР.

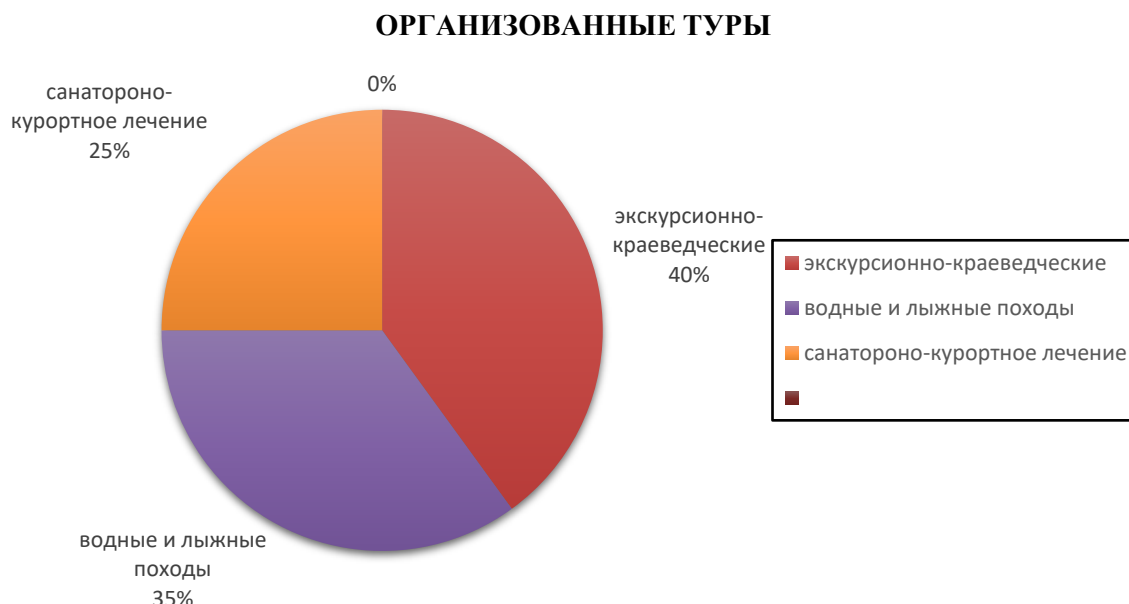

Рисунок 1 – Доля организованных туров в советский период стране

Источник: [составлен авторами].

На диаграмме рисунка 1 представлены преобладающие доли организованных туров: экскурсионно-краеведческие (40%), горные, водные и лыжные походы (35%), санаторно-курортное лечение (25%).

Региональная специфика отражала географическое разнообразие: на Кавказе – это минеральные воды, в Прибалтике – морской климат, на Байкале – экскурсии. Туризм способствовал социальной мобильности, но оставался планово-дефицитным, с ограниченным доступом к зарубежным поездкам, так как Intourist обслуживал 1–2% населения.

Переходный период «перестройки» и реформы 1990-х гг.: кризис и институциональные трансформации

Распад СССР в 1991 г. спровоцировал системный кризис туризма: гиперинфляция, приватизация и утрата монополии государства привели к падению турпотока на 70%, по данным статистики эти цифры достигли с 40 млн до 12 млн человек в 1995 г.

Рисунок 2 – Показатели турпотока в период с 1991–1995 гг.

Источник: [составлен авторами].

Профсоюзная инфраструктура деградировала: 60% туристско-оздоровительных баз закрылись или перепрофилировались. Государственная политика эволюционировала от планового регулирования к либерализации, что подтверждает Указ Президента РФ № 1284 от 22 декабря 1995 г. «О развитии туризма в Российской Федерации» и Постановление Правительства РФ № 177 от 26 февраля 1996 г. закрепили рыночные принципы. Федеральный закон № 132-ФЗ от 24 ноября 1996 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» ввёл понятия коммерческого туризма, лицензирования и стандартов качества. Федеральная целевая программа «Развитие туризма в Российской Федерации (1995–2005 гг.)», которая была утверждена Постановлением Правительства РФ № 1041 от 29 сентября 1995 г., обеспечила инфраструктурные инвестиции. Рынок диверсифицировался, в результате рост въездного туризма увеличился с 0,7 млн до 2,3 млн иностранцев к 2000 г. за счёт Европы и СНГ, отмечался приток частных операторов, среди них такие как «Интурист», «Нева» и др.

2000-е гг.: институционализация и экспортно ориентированный рост

В период с 2000–2008 гг. руководство страны консолидировала туризм как приоритетный сектор развития, закрепив за Федеральным агентством по туризму координировать федеральные программы по развитию туризма в стране.

Необходимо отметить, что ВВП-эффект туризма вырос с 1,5% в 2000 г. до 3,4% в 2013 г., а турпоток – до 33 млн человек. Выездной туризм с целью туризма был интенсивней чем въездной поток, что подтверждает данные статистики этого периода.

Основными доминирующими направлениями выездного туризма до 70% стали Турция и Египет. Внутренний сегмент активизировался за счёт Краснодар-

ского края, Золотого кольца и Алтая. Экономический кризис 2008–2009 гг. выявил уязвимости, и требовал значительных мер в решении туристической отрасли.

Экономический кризис поставил перед туристическими организациями следующие трудности: снижение продажи туров по зарубежным направлениям, особенно на экзотические путешествия; угроза отказов от забронированных туров и ужесточение штрафных санкций за отказ от забронированных туров зарубежными туроператорами и др. [2]

2014–2023 гг.: импортозамещение и цифровизация, поддержка отрасли

Геополитические вызовы, с которыми столкнулась туристическая отрасль с 2014 г., а также в 2020 году пандемия COVID-19 сократили выездной туризм на 90%, но активизировали внутренний поток, данные представлены на рисунке 3. На рисунке диаграммы видно, что внутренний туристический поток в 2023 году увеличился на 22% по сравнению с 2019 годом.

Рисунок 3 – Показатели внутреннего турпотока в 2019 г. и 2023 г.

Источник: [составлен авторами].

До 2022 года Ростуризм, а затем Минэкономразвития РФ с 2021 по 2024 гг. реализовали нацпроект «Туризм и гостеприимство», в рамках которого развивалась туристическая инфраструктура – более 1000 км дорог, которые связаны с туристическими маршрутами были приведены в нормальное состояние, запустили новые отели, увеличился номерной фонд, а приоритетными регионами стали: Краснодарский край, Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Иркутская область.

Геополитическая ситуация, санкции, цифровизация в туризме – все это подтолкнуло к развитию и созданию отечественных приложений и сервисов для путешественников, таких как «Яндекс Путешествия», «Суточно.ру», «Туту.ру», РЖД и др., что повысило доступность к самостоятельному бронированию и путешествиям по России. Стали активно развиваться новые форматы туризма – экотуризм на Алтае и Байкале, агротуризм на Кубани, событийный туризм, ярким примером можно назвать – «Таврида-Арт». С 2022 г. внутренний туризм стал основным акцентом развития туристической отрасли в России, а также расширение сотрудничества и партнёрства с Китаем, Таиландом, Вьетнамом, странами ЕАЭС.

Необходимо отметить фискальные меры, которые были введены для поддержки отрасли:

- 1) до 31 декабря 2030 года продлена нулевая ставка НДС для отелей;
- 2) в 2025 года введен туристический налог, взамен на курортный сбор, который может взиматься с выручки от гостиничной деятельности по решению властей региона или городов федерального значения.

Основными целями Стратегии развития туризма РФ на период до 2035 года, которая утверждена в 2019 году Правительством РФ, заключаются в комплексном развитии внутреннего и въездного туризма в РФ и усилении его социальной роли [4].

Эволюция российского туризма отражает макроэкономические трансформации: от советской плановой модели оздоровления к рыночному комплексу с экспортным потенциалом. Переходные кризисы в 90-е сменились институционализацией в 2000 г. и адаптацией к вызовам в период с 2014–2023 гг. через диверсификацию, цифровизацию и государственное стимулирование. Перспективы роста связаны с инфраструктурными инвестициями, внутренним спросом и интеграцией с дружественными рынками, обеспечивая устойчивый вклад в экономику.

Библиографический список

1. Шульгина О. В., Шульгина Д. П. Советский период в истории развития туризма в России: интеграция культурного наследия, государственной политики, идеологии, экономики // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2021.3.36062. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36062.

2. Гайдукевич Л. М. Развитие туризма в условиях мирового финансового кризиса [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/1234567-89/30386/1/gaidukevich_2012_Trudy.pdf.
3. Халтурина О. А., Терешкина Н. Е. Туризм в России: итоги реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства // вестник алтайской академии экономики и права. – 2025.– № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://s.vaael.ru/pdf/2025/2-1/3993.pdf>.
4. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р О стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. // Документы ленты ПРАЙМ:ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb8a4b084460e-064e787d6f199dba82e/strategiya_razvitiya_turizma.pdf?ysclid=mm7o8dxv1460312725.
5. Биржаков М. Б. Введение в туризм: учебник / М. Б. Биржаков. – 9-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Издательский дом Герда, 2014. – 544 с.
6. Воскресенский, В. Ю. Международный туризм : учебное пособие / В. Ю. Воскресенский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 463 с.
7. Джанджугазова, Е. А. Инновационное развитие туризма: трансформация и цифровизация / Е. А. Джанджугазова. – Москва : Русайнс, 2022. – 176 с.
8. Соколова, М. В. История туризма : учебник / М. В. Соколова. – 9-е изд., стер. – Москва : Академия, 2014. – 352 с.

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ

***Аннотация.** Данная научная работа посвящена исследованию наследственных правоотношений, которые регламентируются разделом 5 ГК РФ. Было уделено внимание принципам наследования, включая свободу завещания, универсальное правопреемство и охрану интересов семьи наследодателя. Также упомянуты виды перехода имущества и процедуры принятия и отказа от наследства. Представлен процесс оформления наследственных прав.*

***Ключевые слова:** ГК РФ, наследство, наследование, наследственные отношения, наследование по закону, наследование по завещанию, завещатель, нотариус, наследственная масса, открытие наследства, принятие наследства, отказ от наследства.*

Одной из важнейшей составляющей гражданского права можно выделить наследственные отношения. Наследственное право имеет свою социальную значимость, так как затрагивает интересы граждан и обеспечивает стабильность гражданского оборота.

В Гражданском кодексе РФ наследственным отношениям посвящен раздел 5 «Наследственное право». Из данного раздела вытекает следующее определение. Наследство – имущество гражданина, которое согласно составленному им завещанию после его смерти переходит к другим лицам.

Институт наследственного права обладает своими фундаментальными началами.

1. Принцип свободы завещания предполагает, что гражданин обладает правом самостоятельно распорядиться своим имуществом путем составления завещания на случай его смерти.

2. Принцип охраны законных интересов семьи наследодателя – законодательство устанавливает определенный круг наследников, который состоит из родственников наследодателя.

3. Принцип универсальности – наследник приобретает наследственную массу полностью, включая права и обязанности.

Кодексом предусмотрен запрет на полное лишение обязательной доли, критерии «необходимых наследников», расчет обязательной доли и судебная за-

щита, что создает баланс между свободой завещания и защитой прав нетрудоспособных наследников, в связи с этим закрепляется принцип недопустимости произвольного лишения наследства.

Ознакомившись с законодательной базой, выделяется два вида наследования. Первому посвящена глава 62 ГК РФ, закрепляющая распоряжение имуществом после смерти оформляется через завещание или наследственный договор. При их отсутствии применяется второй способ – наследование по закону, которому посвящена глава 63 ГК РФ.

Гражданское законодательство устанавливает два способа принятия наследства. Фактическое вступление во владение наследственным имуществом и подача нотариальному органу по месту открытия наследства заявления о принятии наследства. Следует отметить, что со дня открытия наследства данные действия наследникам нужно выполнить в течении полугода.

Пропуск установленного срока влечет утрату права наследования. Тем не менее закон допускает продление указанного срока судом при наличии уважительных причин.

Допускается случай, если все остальные наследники, которые уже вступили наследство, согласны на то, чтобы наследственная масса была принята после истечения 6-месячного срока в и без обращения в суд.

Оформление свидетельства о праве на наследство играет ключевую роль, а также является правом, но не обязанностью наследника. Чтобы приобрести этот документ необходимо по месту открытия наследства соответствующего заявления обратиться в нотариат. В дальнейшем свидетельство будет выдано всем наследникам по их усмотрению.

Как уже могло упоминаться ранее процесс принятия наследства это сложный процесс, имеющий четко регламентированный характер, где несоблюдение сроков или ошибки в документах могут привести к потере имущества. Однако законодательство учитывает интересы граждан, поэтому предлагает возможность гражданам защитить свои интересы в суде. Глубокое понимание и знание принципов наследования поможет справиться с этим наиболее эффективно.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Амичба Л. Р., Бакалдин Ф. Г. Наследственные отношения – Моя профессиональная карьера. журн. 2025 № 29. – С. 312–316.
5. Абраменко М. С. Наследственное право: Учебник. – М.: Юрайт. 2025. – 239 с.
6. Бобкова Е. Е. Наследование по завещанию. Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия. 2021. С. 51.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится обзор правоприменительной практики по спорам о неосновательном обогащении на основе судебных актов 2025 – начала 2026 года. Рассмотрены актуальные конфликтные ситуации, возникающие при внутрисемейных переводах, несостоявшихся сделках с задатком и дистанционных покупках.

Ключевые слова: глава 60 ГК РФ, неосновательное обогащение, срок исковой давности, подсудность, внутрисемейные переводы, задаток.

Законодательная база о возврате средств или имущества, полученных по ошибке, играет ключевую роль в современной системе гражданского права.

Документом, регулирующим данный аспект, является статья 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Она вступила в силу 1 марта 1996 года вместе с принятием второй части кодекса.

Е. Л. Невзгодина справедливо отмечает важную деталь. По ее мнению, никто не вправе обогащаться за счет другого без достаточных оснований, причем независимо от формата невиновности [6].

Указанная позиция подробно раскрывается научными деятелями Н. А. Аблятиповой и В. Г. Масюткиным. Они считают, что перемещение имущества и имущественных благ от одного субъекта к другому при наличии неосновательного обогащения образует экономическую подоплеку [5].

Раньше суды опирались только на документы, но сейчас они также учитывают все обстоятельства дела и добросовестность участников спора.

Например, часто возникают споры о переводах денег между родственниками. Суды в течение 2025 года стали внимательнее относиться к таким делам. Даже если факт перевода зафиксирован, это не всегда означает, что деньги должны быть возвращены. Судебные органы применяют исход из презумпции доверительности семейных отношений и распределяют бремя доказывания иначе, чем в иных спорах.

Имеет значение определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 апреля 2025 года № 32-КГ25-3-К1 [2]. В 2022 году пожилая женщина Желнова В. А. продала квартиру за 3,5 млн рублей и перевела 1975000 рублей своей снохе Желновой Е. В.

После переезда в Саратовскую область, а затем в Оренбург, она потребовала возврата этих денег. Иск был частично удовлетворен судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, которые указали на отсутствие доказательств безвозмездности передачи средств. Верховный Суд подтвердил решения нижестоящих судов, отметив, что для возврата неосновательного обогащения ответчик должен доказать наличие законных оснований для удержания денег. В данном случае таких доказательств представлено не было.

Родственные связи и совместное проживание не опровергают презумпцию возмездности передачи средств. При отсутствии письменного договора дарения или других доказательств безвозмездности, полученные деньги признаются неосновательным обогащением, при внутрисемейных переводах бремя доказывания безвозмездности лежит на получателе средств.

Еще одна категория споров, вызывающих трудности на практике, связана с определением юридической природы денежных средств, переданных в качестве задатка в случае несостоявшихся или расторгнутых сделок. Часто сторона, потерявшая интерес к сделке, стремится вернуть уплаченные деньги, считая их неосновательным обогащением, поскольку основной договор не был заключен. Однако в 2026 году судебные органы придерживаются иного мнения: задаток выполняет функцию обеспечения, и его дальнейшая судьба зависит от того, кто виноват в срыве сделки.

Этот подход ясно показан в определении Первого кассационного суда в 2026 году [3].

После торга с истцом был подписан договор аренды. Задаток был зачтен как часть платы, в соответствии с условиями договора.

Тем не менее физическое лицо (арендатор) принял решение отменить договор аренды. Он попросил вернуть деньги, которые он уже заплатил заранее. Этот человек сказал, что арендодатель получил слишком много денег, потому что договор фактически не был выполнен.

1-м Кассационным судом был отмечен факт успешного прохождения торгов (наличие законности), а также зафиксирован факт победы истца. Заключение договора аренды и внесение задатка были правомерными.

Задаток выполнял обеспечительную и платежную функции, зачитываясь в счет арендной платы. Односторонний отказ арендатора не делает полученные арендодателем деньги неосновательным обогащением, так как они были использованы по назначению. Суд признал, что риск отказа от сделки лежит на арендаторе.

В судебной практике также наблюдается рост числа споров, касающихся онлайн-покупок. Увеличение объема электронной коммерции приводит к росту конфликтов, когда покупатель переводит деньги, но не получает товар, соответствующий заявленным характеристикам, или товар не поступает вовсе.

На первый взгляд, такие случаи должны вести к возврату необоснованно полученных средств. Однако суды применяют более строгие требования: если истец не может подтвердить, какой именно товар был заказан и на каких условиях осуществлялся перевод средств, его иск может быть признан необоснованным.

Примером служит определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 сентября 2025 года № 88-20332/2025 [4]. Истец приобрел на «Авито» двигатель за 60 000 рублей. Однако продавец отправил ему другой, неподходящий агрегат. Покупатель отказался платить и подал иск о неосновательном обогащении продавца.

Суд первой инстанции отклонил иск. Апелляционная и кассационная инстанции оставили это решение без изменений. Кассационный суд отметил следующие обстоятельства: Истец не смог доказать неосновательность обогащения.

Ответчик получил деньги за определенный товар – двигатель. В платежном документе не были указаны марка, модель и характеристики двигателя, а в переписке между сторонами упоминания о подробностях имущества также не было. 4-й кассационный суд подтвердил, что в таких случаях покупатель будет сталкиваться с невозможностью доказывания подлинного предмета сделки.

Еще раз отмечается правило о возврате неосновательного обогащения, регулируемое главой 60 ГК РФ. На основе приведенных выше Определений отмечается преобладание индивидуального подхода над формальным ознакомлением с фактическими обстоятельствами при рассмотрении дел.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 апреля 2025 г. № 32-КГ25-3-К1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2026 г. № 88-112/2026 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).

4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 сентября 2025 г. № 88-20332/2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).

5. Аблятипова Н. А., Масюткин В. Г. Основания возникновения обязательств из неосновательного обогащения // Ермен.Global. 2026. № 70. – С. 143–151.

6. Невзгодина Е. Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения // Вестник ОмГУ. Серия право. 2018. № 4. – С. 86–94.

ИНСТИТУТ ЭСКРОУ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье исследуется правовой институт условного депонирования (эскроу). Рассматривается субъектный состав договора, правовой статус эскроу-агента и объект депонирования. Выявляются пробелы в регулировании данного института. Представлены возможные предложения по его совершенствованию путем внесения поправок в ГК РФ.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, гражданское право, институт эскроу, договор условного депонирования, эскроу-агент, депонент, бенефициар, денежное имущество.

Ознакомившись с положениями ГК РФ, а именно со статьей 860.7 «Договор счета эскроу» и главой 47.1 «Условное депонирование (эскроу)», представляется возможным дать следующую характеристику изучаемому институту. В соответствии с действующими нормами, под эскроу понимается соглашение, в котором участвуют три стороны.

1. Депонент – инициатор сделки, передающий имущество на хранение.
2. Бенефициар – получатель, в пользу которого средства блокируются и перечисляются после наступления оговоренных условий.
3. Эскроу-агент – как правило, кредитная организация, выступающая гарантом сохранности и выполняющая функции специального счета для учета и заморозки средств до момента выполнения обязательств.

По своей сути договор эскроу является консенсуальным, взаимным и может быть как возмездным, так и безвозмездным для эскроу-агента.

Современное гражданское законодательство, регулируя отношения по условному депонированию, фактически обходит вниманием фигуру эскроу-агента как центрального элемента данных правоотношений. Изучение норм главы 47.1 ГК РФ позволяет констатировать отсутствие специализированных критериев к субъекту, выступающему в роли эскроу-агента. Законодатель ограничивается общим требованием о наличии у такого лица дееспособности, не уточняя его профессиональную принадлежность или имущественное положение.

Перечень потенциальных эскроу-агентов является неисчерпывающими включает:

- физические лица;

- юридические лица;
- индивидуальные предприниматели, для которых деятельность в роли эскроу-агента может быть как профильной, так и единоразовой.

В отличие от смежных правовых институтов, механизм эскроу не предполагает обязательного привлечения профессиональных финансовых посредников. Это расширяет границы применения договора условного депонирования, делая его доступным для широкого спектра гражданско-правовых отношений – от простых бытовых договоренностей между гражданами до сложных корпоративных проектов. Вместе с тем, подобная свобода выбора возлагает на участников сделки повышенную ответственность при определении кандидатуры эскроу-агента, так как именно от его порядочности и устойчивости зависит сохранность переданных на депонирование активов.

Необходимо выделить категории лиц, для которых следует ввести запрет на осуществление функций эскроу-агента.

1. Лица, имеющие судимость за преступление против собственности, за злоупотребление должностными полномочиями, превышение полномочий, а также коррупционные деяния.
2. Юридические лица, деятельность которых составляет менее четырех лет.
3. Граждане и организации, которые могут быть связаны общими интересами с депонентом или бенефициаром.

По общему правилу заключение договора условного депонирования нуждается в нотариальном удостоверении, что является прямым требованием закона. Исключение составляют случаи, когда предметом депонирования выступают бездокументарные ценные бумаги или безналичные денежные средства.

В соответствии с пунктом 3 статьи 926.1 Гражданского кодекса, к объектам, которые могут быть переданы на депонирование, относятся:

- движимые вещи;
- безналичные денежные средства;
- бездокументарные ценные бумаги.

Представляется обоснованным дополнить приведенный перечень еще одной категорией гражданских прав – цифровыми правами. Это позволит применять общие положения об условном депонировании к сделкам, совершаемым с цифровыми активами.

Ключевая особенность договора эскроу заключается в обособлении переданного имущества и наделении его своеобразным «имущественным иммунитетом».

Сложность представляет собой процесс проверки эскроу-агентом на наличие условий для передачи активов бенефициару – закон устанавливает формальный характер подобной проверки. При этом ни нормативные акты, ни сложившаяся судебная практика не определяют четких границ этой формальной процедуры. Единственным выходом для сторон является максимально подробная регламентация порядка проверки в тексте договора (ст. 926.3 ГК РФ). В данном случае риски, сопряженные с полнотой и достоверностью проведенной проверки, полностью возлагаются на бенефициара.

Еще одной проблемной зоной является регламентация процедуры возврата имущества депоненту при расторжении договора. Например, когда бенефициар выполнил свои обязательства перед депонентом, но не смог своевременно представить подтверждающие документы – к этому моменту договор эскроу уже прекратил свое действие. Подобные обстоятельства формируют зону повышенного риска для бенефициара. В связи с этим видится необходимой законодательная фиксация обязанности эскроу-агента при наступлении оснований для прекращения договора, перечисленных в ГК РФ, установить факт наличия или отсутствия условий для передачи депонированного имущества бенефициару.

Договор условного депонирования представляет собой действенный инструмент, который позволяет с высокой степенью надежности обеспечить исполнение взаимных обязательств и минимизировать потенциальные угрозы для сторон. Несмотря на то, что практика применения эскроу не столь обширна, в перспективе данный институт имеет все шансы занять прочные позиции в деловом обороте.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 ноября 2001 г. № 14-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Батин В. В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования – Юридическая наука № 2. 2014. С. 68–69.
4. Захаркина А. В. Договор условного депонирования (эскроу) как основание нового сложного обязательства. – 2019. № 4. С. 68–77.
5. Кархалев Д. Н. Договор счета эскроу в гражданском праве. – Нотариус. 2021. № 3. С. 11.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** В настоящей статье рассматривается система способов защиты гражданских прав, закрепленная в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации. Автор анализируется правовая природа и классификация способов защиты, подробно раскрываются наиболее распространенные из них. Особое внимание уделяется проблеме правильного выбора способа защиты как ключевому фактору эффективности судебной защиты, исследуются последствия его ненадлежащего определения.*

***Ключевые слова:** гражданское право, способы защиты гражданских прав, судебная защита, самозащита, выбор способа защиты.*

В гражданском праве любое субъективное право имеет значение только в том случае, если его можно защитить. Следует отметить, защита права является не просто дополнительной функцией, а незаменимым атрибутом. Ещё В. П. Грибанов в своих трудах подчеркивал, что данная возможность является не чем иным, как особым правомочием, органично включённым в структуру гражданского права и представляющим собой закрепленную за управомоченным лицом способность задействовать правоохранительные механизмы. Сегодня, когда гражданский оборот становится сложнее, а количество нарушений прав растёт, вопросы правильного выбора методов защиты выходят на первый план [2, с. 134].

Настоящая статья ставит перед собой цель детально разобрать те способы защиты, которые перечислены в действующем законодательстве. Для наиболее полного погружения в тему следует раскрыть их сущность и практическое предназначение, а также остановиться на проблемных моментах, с которыми сталкиваются юристы при определении наиболее эффективной модели поведения.

Говоря о способах защиты гражданских прав, нужно понимать, что это понятие очень объемное и включает в себя целый набор юридических инструментов. Этот комплекс, предусмотренных законом мер, направлен на достижение нескольких главных задач таких, как пресечение противоправных действий, предупреждение их возникновения, ликвидация последствий правонарушения, возобновление первоначального положения потерпевшего, а также возмещение убытков, понесенных вследствие посягательства.

Если рассматривать инструменты защиты прав с практической точки зрения, то все их можно разбить на несколько больших групп в зависимости от того, какой результат они дают человеку, чьи права нарушены.

К первой группе относятся та называемые восстановительные меры. Их сущность заключается в ликвидации последствий правонарушения и возвращении управомоченного лица в первоначальное положение, которое существовало до факта нарушения его субъективных прав.

Пресекательные способы защиты, относимые ко второй группе, ориентированы на оперативное прекращение текущих противоправных действий. Ключевая особенность данной группы состоит в том, что их основная функция – превентивная, а не реституционная. Т.е. на первое место ставится недопущение правонарушения, на второе возмещение вреда.

Наконец, третья категория объединяет компенсационные механизмы. Они ориентированы на сглаживание или полное устранение негативных последствий, как материального, так и морального характера, понесенных потерпевшим.

Основополагающие нормы определяющие перечень способов защиты гражданских прав, выступает в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Признание права представляет собой обращение лица в суд с требованием официально подтвердить наличие у него определенного субъективного права (например, права собственности на квартиру). Этот способ применяется в ситуациях, когда право уже возникло, но кем-то оспаривается либо существует неопределенность в правоотношениях. Целью применения служит устранение разногласий между участниками гражданского оборота относительно их прав и обязанностей, создание правовой определенности.

Возмещение убытков является универсальным способом защиты гражданских прав, который может применяться как в договорных, так и во внедоговорных отношениях. В соответствии с пунктом 2 статьи 15 ГК РФ под убытками понимаются:

- реальный ущерб – расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества;
- упущенная выгода – не полученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Судебная практика демонстрирует рост требований к доказательственной базе при взыскании убытков. Для удовлетворения иска необходима документально подтвердить наличие и размер убытков, противоправность поведения нарушителя, а также причинно-следственную связь между ними. Недостаточность доказательств любого из указанных элементов влечёт отказ в иске.

Основным принципом института является полное возмещение убытков. Потерпевший должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы право не было нарушено [4].

Следующим стоит отметить самозащиту права. Самозащита – это самостоятельные действия лица, направленные на охрану своих прав и интересов. Такой механизм защиты не требует обращения лица в государственные или иные органы, именно в этом заключается главная особенность такого способа.

Важно подчеркнуть, что действующее законодательство не ограничивает субъектов выборов способа защиты нарушенного права. Согласно статьям 9, 11, 12 ГК РФ, лицо, обращающееся за защитой нарушенного права, может выбрать способ защиты по своему усмотрению [3, с. 210].

Главная цель, преследуемая способами защиты, – восстановление нарушенного положения. К сожалению, практика несоответствующего выбора инструмента защиты показывает высокий процент. В результате чего усилия суда оказываются бесполезными, а взамен долгожданного восстановления права приходят разочарование и дополнительные юридические риски.

Во-первых, определиться с конечной целью. Здесь важно честно ответить себе на вопрос: а чего мы добиваемся? Прекратить противоправные действия, вернуть утраченное, получить компенсацию, или устранить неопределенность в отношении какого-либо объекта? От ответа на эти вопросы и будет зависеть дальнейшая стратегия.

Во-вторых, разобраться в природе правоотношений. Нельзя выбирать способ защиты, не понимая, из чего именно возник спор, каждая из ситуаций требует своего подхода, и то, что отлично работает в одном случае, может оказаться абсолютно бесполезным в другом.

В-третьих, оценить возможность комбинирования требований. Закон в целом не запрещает использовать сразу несколько механизмов воздействия на ответчика. Более того, иногда это даже необходимо для полноценной защиты. Прежде чем заявлять комплекс требований, стоит убедиться, что их одновременное применение не вступает

в противоречие с сутью сложившихся отношений и не нарушает принципы разумности и справедливости.

Таким образом, можно сделать вывод, что российское законодательство содержит достаточно широкий перечень возможностей для защиты гражданских прав, но эффективность применения зависит от выбранного способа защиты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Грибанов В. П. осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут. 2022. – 414 с.
3. Груздев В. В. Способы защиты гражданских прав: Учебник – М.: Юрайт. 2025. – 350 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М.: Юрайт. 2024. – 680 с.

ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

***Аннотация.** В данной работе рассматривается процессуальное положение прокурора как особого участника гражданского судопроизводства. Анализируется двойственная правовая природа его статуса: с одной стороны, как лица, участвующего в деле и пользующегося всеми правами стороны, а с другой – как представителя государства, выполняющего функцию надзора за соблюдением законности. Подробно исследуются две основные формы участия прокурора в гражданском процессе: возбуждение дела путем подачи искового заявления (в защиту прав других лиц, неопределенного круга лиц или публичных образований) и вступление в уже начатый процесс для дачи заключения по делу.*

***Ключевые слова:** прокурор, гражданский процесс, надзор за законностью, исковое заявление, дача заключения.*

К вопросу о процессуальном статусе прокурора в цивилистическом процессе: поиск баланса между буквой закона и правовой природой участия.

В фокусе данного исследования находится одна из самых дискуссионных проблем современного гражданского процессуального права – определение места и роли прокурора в состязательном механизме правосудия. Анализ нормативной базы, доктринальных источников и правоприменительной практики приводит к выводу о назревшей необходимости законодательной конкретизации фигуры прокурора как самостоятельного, уникального участника процесса, чей статус не должен растворяться в терминологии, применимой к сторонам спора.

При рассмотрении любого гражданского дела суд обязан, прежде всего, квалифицировать процессуальное положение каждого из участников. Презумпция равенства процессуальных прав и обязанностей (ст. 12 ГПК РФ) является фундаментальной, однако она не нивелирует функциональных различий между истцом, ответчиком и лицами, участвующими в деле в ином качестве. Эволюция общественных отношений, характеризующаяся сокращением прямого государственного патернализма, парадоксальным образом обострила потребность в квалифицированном публичном посреднике. Именно таким посредником, призванным обеспечить «паритет» частного и публичного интереса, традиционно выступает прокуратура, хотя сам термин «паритет» в данном контексте, на мой взгляд,

требует оговорок, ибо интерес прокурора лежит в иной плоскости, нежели интерес конкретного индивида.

Анализ действующего законодательства выявляет определенную рассогласованность. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» говорит об участии прокурора в судах общей юрисдикции в самом общем виде, делегируя конкретизацию процессуальному закону. Статья 45 ГПК РФ, напротив, детализирует механизм: право на обращение в суд в защиту прав граждан, неопределенного круга лиц или публичных образований. Однако законодатель, устанавливая основания (недееспособность, уважительные причины), не наделяет гражданина правом требовать такого обращения, оставляя решение на дискреционное усмотрение прокурора. Эта «опционность» уже порождает первый пласт вопросов о природе его статуса.

Доктринальная дискуссия по данному вопросу имеет многолетнюю историю, однако единая концепция до сих пор не сформировалась. В разные периоды прокурор рассматривался и как «сторона особого рода», и как «представитель государства», и как «процессуальный истец». Например, И. И. Головкин акцентирует внимание на лексике законодателя: употребление термина «пользуется» правами применительно и к стороне (ч. 3 ст. 38 ГПК РФ), и к прокурору (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ) указывает на сходство их процессуального инструментария. С этим трудно спорить формально-юридически.

Однако, как справедливо отмечает Е. М. Артамонова, любая деятельность прокурора в процессе – это, по сути, экстерииоризация его надзорной функции. Обращение в суд с иском зачастую является логическим завершением проверочных мероприятий, итогом надзора за исполнением законов государственными органами и соблюдением прав человека. Иными словами, прокурор приходит в суд не за победой в споре, а за восстановлением законности. В этом ключевое различие.

Именно поэтому отождествление прокурора с «процессуальным истцом», на мой взгляд, является доктринально уязвимым. Прокурор самостоятелен и независим в своем процессуальном поведении; его главная цель – установление истины и защита закона, а не удовлетворение материально-правовых притязаний лица, в чьих интересах формально подан иск. Такая подмена понятий проистекает из несовершенства законодательной техники и буквального, а порой и поверхностного, толкования норм. Статья 38 ГПК РФ недвусмысленно определяет истца как лицо, в интересах которого дело начато. Иного не дано. Прокурор же действует от имени Российской Федерации, реализуя публичную функцию.

В этом контексте убедительной представляется позиция В. М. Годона, А. Ф. Клейнмана и К. С. Юдельсона, рассматривающих прокурора как особого участника – представителя государства, реализующего надзорные полномочия. Современные исследователи, такие как С. А. Лаврененков и Т. В. Ярошенко, также настаивают на самостоятельности этого статуса, предостерегая от смешения его с положением стороны.

Различие статусов прослеживается по целому ряду критериев.

1. Характер интереса: прокурор стремится к законности и правопорядку; истец – к удовлетворению личной потребности (например, восстановление на работе, взыскание долга).

2. Отсутствие личной заинтересованности: прокурор не выигрывает ничего материально от решения суда.

3. Финансовое бремя: прокурор освобожден от судебных расходов.

4. Распорядительные права: прокурор не вправе заключать мировое соглашение, ограничен в праве на отказ от иска (он обязан продолжать дело, если этого требует защита публичных интересов).

5. Основание полномочий: специальная правоспособность прокурора производна от его должности, а не от воли частного лица.

Интересно, что правоприменительная практика подтверждает этот теоретический вывод. В ходе опроса сотрудников прокуратуры Приморского района г. Санкт-Петербурга респонденты единодушно отметили, что не идентифицируют себя с какой-либо из сторон процесса. Их задача, по собственным ощущениям, – удостовериться в законности будущего решения и добиться восстановления нарушенного права как такового. Это «внутреннее ощущение» функции ярко иллюстрирует разрыв между формальным статусом (наделение правами истца) и сущностной ролью (блюститель законности).

Конечно, нельзя отрицать, что цели прокурора и истца могут совпадать в части конечного результата (восстановление права). Но природа этой заинтересованности принципиально различна. Для истца – это жизненная необходимость, для прокурора – служебный долг.

Подводя итог этому небольшому исследованию, приходится констатировать: несмотря на то, что ГПК РФ содержит отдельную статью, посвященную прокурору, его процессуальное положение остается размытым. Это порождает не только теоретические споры, но и приводит к разночтениям в судебной практике, что, безусловно, снижает эффективность участия прокуратуры в отправлении правосудия.

Представляется, что назрела необходимость нормативного закрепления статуса прокурора как самостоятельной стороны гражданского судопроизводства. Целесообразно использовать в ГПК РФ термин «прокурор» именно в этом, узко-процессуальном значении, отделяя его от фигуры истца. Это позволит, сохранив широкое понимание прокурора как должностного лица, четко определить его цель (защита закона и публичного интереса) и задачи в рамках конкретного дела.

Актуальность этого вопроса, к сожалению, подкрепляется не только теорией, но и социальной практикой. Уровень правовой культуры и правосознания граждан остается низким. Это видно по статистике обращений в прокуратуру Санкт-Петербурга за 2019 год: из 161 244 обращений разрешено по существу лишь 53 925. Остальным заявителям было отказано, зачастую ввиду некомпетентности самого заявителя (обращение не в тот орган, неправовой характер вопроса).

В таких условиях особенно важно, чтобы граждане понимали разницу между функцией прокурора и функцией адвоката или представителя. Сегодня, сталкиваясь с обоснованным отказом прокуратуры в принятии мер (например, ввиду необходимости обратиться напрямую в суд), люди зачастую воспринимают это как равнодушие, что порождает правовой нигилизм и недоверие к институтам власти. Четкое законодательное определение статуса прокурора в процессе могло бы способствовать и повышению уровня правовой грамотности, формируя верное понимание предназначения этого института.

Библиографический список

1. Современные вопросы Специальной части уголовного кодекса. Учебное пособие. / ред. Подройкин И. А., Улезько С. И. – Москва: Изд-во Проспект, 2020. – 768 с.
2. Арсенова А. А. Исследование вопросов пожизненного заключения в контексте российской уголовно-правовой системы // Цифровое академическое издание «Наука. Общество. Государство». – 2017 г., выпуск 5, номер 4. – Доступно по ссылке: [http:// esj.pnzgu.ru](http://esj.pnzgu.ru) (посещено 30.09.2022).
3. Иногамова-Хегай, Л. В., Комиссарова, В. С., Рарог, А. И. и др. Российское уголовное право: Общая часть. 4-е изд., перераб. и доп. В 2 томах. Том 1. Москва: Проспект, 2019. 462 с.

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию качества обслуживания как ключевого фактора конкурентоспособности гостиничного предприятия в современных условиях. Рассматривается взаимосвязь между уровнем сервиса, удовлетворённостью гостей и формированием их лояльности. Рассмотрена значимость цифровых инструментов контроля, в том числе мобильных чек-листов и автоматизированного аудита.*

***Ключевые слова:** качество, качество обслуживания, качество гостиничных услуг, лояльность клиента, конкурентоспособность.*

В современных условиях развитие мировой индустрии гостеприимства характеризуется высокой динамикой и интенсификацией конкурентной среды. Данные процессы обуславливают трансформацию потребительских предпочтений и ужесточение требований, предъявляемых к качеству сервисного продукта. В условиях избыточного предложения выбор потребителя в значительной степени детерминирован репутационным капиталом отеля и консолидированным мнением референтных групп потребителей. Следовательно, стратегическим приоритетом менеджмента становится не только обеспечение соответствия установленным стандартам, но и непрерывное совершенствование системы управления качеством, направленное на превентивное выявление и нивелирование сервисных несоответствий.

Теоретический анализ и эмпирические данные подтверждают гипотезу о прямой корреляции между качеством обслуживания и показателями лояльности клиентов. Если первичный акт потребления услуг может быть инициирован маркетинговыми инструментами (аттрактивность интерьера, гастрономическое разнообразие), то формирование долгосрочной лояльности и обеспечение повторных продаж возможны исключительно при достижении высокого уровня удовлетворенности [1]. Последняя определяется степенью конгруэнтности ожидаемого и фактического уровней сервиса, включая культуру персонала, техническое состояние номерного фонда, соблюдение санитарно-гигиенических регламентов и исправность инженерных систем.

Важно отметить, что категория «качество» не тождественна понятию «роскошь» или ценовому сегменту. В научной литературе качество интерпретируется

как мера полноты удовлетворения потребностей в соответствии с целевым назначением услуги. Таким образом, уровень качества является производной от степени интеграции субъективных представлений потребителя о желаемом сервисе и реального опыта взаимодействия с гостиничным предприятием.

Инвестиции в качество следует рассматривать как долгосрочный вклад в нематериальные активы предприятия. Экономическая целесообразность данных вложений подтверждается закономерностями маркетинга отношений: затраты на привлечение нового клиента в среднем в пять раз превышают издержки на удержание существующей аудитории. Эффективность стратегии повышения качества базируется на следующих аспектах:

- минимизация маркетинговых расходов за счет высокого коэффициента удержания клиентов, что способствует росту операционной рентабельности;
- активация механизма неформальных маркетинговых коммуникаций на основе «сарафанного радио» со стороны удовлетворенных потребителей.

Качество гостиничных услуг является многофакторной величиной, зависящей от компетенций человеческого капитала, инновационной активности менеджмента и состояния материально-технической базы [2]. Несмотря на сложность количественного измерения гостеприимства как абстрактной категории, возможна объективная оценка удовлетворенности через анализ следующих групп критериев.

1. Материально-технические параметры: архитектурно-планировочные решения, эргономика помещений, техническая оснащенность и состояние текстиля.
2. Процессуальные параметры: клининг-менеджмент, эффективность процедур check-in/check-out, вариативность платежных систем.
3. Персонализированные параметры: профессиональная компетентность сотрудников, коммуникативная культура, скорость реагирования на запросы.

Ключевым инструментом обеспечения конкурентоспособности выступает система управления качеством, предполагающая исполнение жестких стандартов, непрерывное обучение персонала и мониторинг бизнес-процессов. Однако наряду с позитивными факторами существуют деструктивные элементы, препятствующие росту эффективности. Основным барьером выступает управленческий консерватизм, порождающий ряд системных проблем:

- гетерогенность сервиса: отсутствие единообразия в предоставлении услуг из-за дефицита стандартизации;

– вертикальная асимметрия информации: отсутствие эффективных каналов обратной связи между линейным персоналом и топ-менеджментом. для преодоления данного барьера целесообразно использование цифровых инструментов аудита (например, системы мобильного контроля CheckOffice), позволяющих автоматизировать мониторинг соблюдения регламентов и оперативно аккумулировать данные о нарушениях;

– искажение причин проблем: неспособность выявить фундаментальные причины сервисных сбоев (например, принятие недостатков обучения за личную недисциплинированность сотрудника);

– неэффективная работа с ошибками: превалирование поиска виновных лиц над анализом системных ошибок процесса;

– персонификация управления: избыточная зависимость бизнес-процессов от личности конкретного руководителя вместо выстраивания автономной системы;

Современным решением указанных проблем является цифровая трансформация управления через внедрение внутрикорпоративных информационных сетей и специализированного ПО. Использование мобильных приложений для автоматизации чек-листов и структурирования операционных данных позволяет деперсонализировать контроль, повысить производительность труда и обеспечить независимость стандартов от субъективного фактора.

Подводя итог, можно утверждать, что преодоление консервативных подходов в менеджменте в пользу инновационных цифровых систем мониторинга и ориентации на обеспечение высокого качества услуг, с целью удовлетворения потребностей клиента, является необходимым условием обеспечения финансовой устойчивости гостиничного предприятия в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Котлер, Ф. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз. – М.: Юрайт, 2019.

2. Коменденко М. Т., Чаусов Н. Ю. Развитие цифровизации в гостиничном бизнесе: влияние на операционные процессы, качество сервиса и конкурентоспособность гостиниц // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 4 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovizatsii-v-gostinichnom-biznese-vliyanie-na-operatsionnye-protsessy-kachestvo-servisa-i-konkurentosposobnost>.

3. Петрова Е. С. Влияние качества сервиса в гостиничном бизнесе на выбор клиента // Вестник науки. 2019. № 4 (13) [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kachestva-servisa-v-gostinichnom-biznese-na-vybor-klienta>.

4. Скобкин, С. С. Менеджмент в индустрии гостеприимства и туризма / С. С. Скобкин. – М.: КНОРУС, 2021.

5. Чудновский, А. Д. Управление индустрией туризма и гостеприимства / А. Д. Чудновский, М. А. Жукова. – М.: КНОРУС, 2021.

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация.** В статье анализируется понятие справедливости в гражданском праве РФ, приводятся различные точки зрения авторов по определению этой правовой категории.*

***Ключевые слова:** понятие справедливости, гражданское законодательство, гражданское право, оценочные понятия, принципы гражданского права.*

В системе правовых ценностей, составляющих фундамент юридической науки, центральная роль отведена категории справедливости. В теории гражданского права это явление воспринимается не только как текстовая составляющая законов, но и как глубинный принцип, задающий тон и направление эволюции законодательства. Примечательно, что даже без прямого упоминания в нормативных актах, идея справедливого устройства выполняет двойную задачу: помогает разрешать конкретные правовые конфликты и определяет стратегию обновления гражданско-правовых норм, позволяя закрывать существующие пробелы. В условиях современных реформ именно вопросы того, как понимать и применять этот принцип на практике, становятся приоритетными.

Нормотворец, разумеется, неявно использует идеи справедливого устройства при создании множества правовых институтов, однако легального определения этого термина до сих пор нет. Такое положение дел создает определенные угрозы для правоприменения, где справедливость должна быть не второстепенным, а ключевым критерием.

Если обратиться к истории права, то видно, что взгляды на справедливость существенно менялись: в разные периоды времени в это понятие вкладывали разный смысл. Однако неизменным остаются закрепленные в праве идеи справедливости и свойство нормативности, а право тем самым становится справедливым и нравственно обоснованным.

Нельзя игнорировать и конституционный уровень данной проблематики. Д. С. Бурцева и А. А. Селезнева акцентируют внимание на том, что «основой всех отраслей права... является Конституция РФ, которая в преамбуле... закрепила то, что многонациональный народ российского государства чтит веру в... справедливость». Этот факт говорит о том, что в российском обществе существуют устойчивые (либо ожидаемые нормами) представления о справедливом устройстве.

С научной точки зрения верно делить восприятие справедливости на объективное и субъективное. Объективный аспект показывает, насколько реальная система отношений соответствует идеалу «справедливого государства», а субъективный – отражает то, как эти отношения оценивают различные социальные группы и отдельные граждане.

Роль данного понятия может меняться в зависимости от ситуации: оно выступает то как принцип, то как цель, то как критерий оценки, то как самостоятельная категория права.

Ключевым субъектом наполнения смысла справедливости являются суды. Поэтому изучение того, как работает этот принцип в российском гражданском праве, невозможно без рассмотрения судебной практики.

Материалы судебной практики подтверждают регулярное использование данной категории. Например, Верховный Суд РФ в Определении от 27.02.2018 указывает на необходимость расчета убытков «исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности». Позиция Конституционного Суда РФ (Постановление от 21.04.2003 № 6-П, п. 2 мотивировочной части) подчеркивает, что защита гражданских прав должна строиться на балансе интересов и пропорциональности, что следует из Конституции и общеправового принципа справедливости. Похожий подход виден и в решениях Московского городского суда (Определение от 19.04.2018), где при расчете компенсации вреда учитываются требования разумности и справедливости.

Первым шагом для правильного толкования стало бы внесение поправок в первую статью Гражданского кодекса РФ где понятие справедливости трактовалось как устоявшаяся в общественном правосознании система требований к распределению прав, обязанностей и социальных благ, отражающая правомерность оценки действий участников гражданских правоотношений и обеспечивающая баланс их законных интересов на основе равенства, соразмерности и разумности.

Подобное законодательное нововведение даст возможность:

- сделать гражданско-правовое регулирование более определенным;
- унифицировать судебную практику благодаря четким критериям для оценочных понятий;
- укрепить ценностную основу гражданского права в духе Конституции;
- создать базу для дальнейшего научного изучения принципа справедливости.

Вместе с тем, закрепление определения не должно лишать принцип гибкости, необходимой для учета специфики отдельных случаев. Оптимальным видится такой вариант формулировки, который сочетает ясность содержания с возможностью адаптивного толкования в реальной правоприменительной работе.

Библиографический список

1. Максимов, Л. В. К понятию справедливости: аналитические заметки / Л. В. Максимов // Этическая мысль. – 2017.
2. Чечельницкий, И. В. Принцип справедливости в российском праве / И. В. Чечельницкий // Социально-экономические явления и процессы.
3. Рябых, Д. И. Принцип справедливости в налоговом праве / Д. И. Рябых.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблемных аспектов исполнения денежных обязательств в условиях современного правоприменения.*

***Ключевые слова:** денежное обязательство, момент исполнения, сальдирование, зачет, неустойка, статья 333 ГК РФ, безналичные расчеты, злоупотребление правом, инфляционные риски.*

Денежные обязательства традиционно считаются сердцевиной гражданского оборота. Классики цивилистики, от Шершеневича до Иоффе, рассматривали их как наиболее простую и понятную конструкцию: должник обязан передать кредитору определенное количество денежных знаков. Однако простота эта – кажущаяся. Развитие платежных систем, цифровизация финансов и, как ни странно, турбулентность экономических процессов последних лет обнажили целый пласт проблем, которые не могли быть в полной мере осмыслены в момент принятия первой части ГК РФ.

Цель настоящей работы – не просто обозначить эти проблемы, но и предложить пути их решения, опираясь на анализ новейшей судебной практики и доктринальные источники последних трех лет.

Вопрос о том, с какого момента денежное обязательство считается исполненным при безналичных расчетах, казалось бы, урегулирован статьей 316 ГК РФ и Федеральным законом «О национальной платежной системе». Деньги считаются уплаченными с момента зачисления на счет кредитора. Однако на практике эта формула порождает коллизию интересов, особенно остро проявившуюся в период участвовавших случаев отзыва лицензий у банков.

Представим ситуацию: добросовестный должник дает платежное поручение в свой банк. Банк списывает деньги с его счета, но до счета кредитора они не доходят, так как банк должника «лопается». Кто несет риск? По буквальному смыслу закона – должник, ибо обязательство не исполнено (деньги не зачислены кредитору). Но насколько это справедливо, если должник выбрал банк, который на момент платежа выглядел абсолютно надежным?

Анализ определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ за 2023 год показывает интересную динамику. Суды высшей

инстанции все чаще обращают внимание на добросовестность выбора банка. Если должник докажет, что он действовал разумно и проявил должную осмотрительность (отсутствие у банка проблем на момент платежа, отсутствие аффилированности и т. д.), суд может возложить риск на кредитора, обязав его требовать деньги непосредственно с банка в рамках конкурсного производства. Но это, скорее, исключение, чем правило.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которую в литературе называют «платежным рулеткой». Кредитор, не получивший деньги, вынужден либо снова требовать их с должника (который уже уплатил их своему банку), либо вступать в сложные процедуры банкротства. Законодатель, к сожалению, до сих пор не предложил механизма, который бы четко распределял эти риски, отсылая правоприменителя к категории «добросовестности», что лишь множит судебные споры. Думается, было бы разумно закрепить презумпцию ответственности банка плательщика перед кредитором в случае, если должник действовал без признаков недобросовестности.

Зачет, сальдирование и иные способы «ухода» от обязательств.

Вторая группа проблем связана с активным использованием должниками механизмов прекращения обязательств, граничащих со злоупотреблением правом. Речь идет о разграничении зачета и сальдирования.

Долгое время суды боролись с «техническими» зачетами, когда должник, предвидя банкротство, «покупал» на подконтрольную структуру право требования к себе (часто по той цене) и заявлял о зачете. Высшие судебные инстанции отреагировали на это, выработав позицию о недопустимости зачета при наличии признаков банкротства, если он нарушает очередность.

Однако должники перешли к более тонкой материи – к сальдированию. Напомню, что сальдирование – это не сделка и не волевой акт, а способ подсчета итогового обязательства в рамках длящихся отношений (подряд, поставка). Логика проста: стороны не предъявляют встречных требований, они просто считают, кто кому сколько должен в итоге.

Проблема возникла тогда, когда под видом сальдирования должники стали «схлопывать» обязательства, возникшие из разных договоров или даже из разных периодов, не имеющих технологической связи.

Неустойка и статья 333 ГК РФ: судебский патернализм против договорной свободы.

Наиболее дискуссионной темой последних лет остается применение статьи 333 Гражданского кодекса, позволяющей суду уменьшить неустойку при ее явной несоразмерности последствиям нарушения. Казалось бы, цель благая – не

допустить обогащения кредитора. Но на практике статья 333 превратилась в «волшебную палочку» для недобросовестных должников.

Выборочный анализ полутора сотен решений арбитражных судов г. Москвы за 2024 год показал, что ходатайства о снижении штрафных санкций удовлетворяются (полностью либо частично) в 78% случаев. При этом судьи нередко ориентируются на ключевую ставку ЦБ, игнорируя тот факт, что контрагенты, будучи профессиональными участниками оборота, намеренно согласовали более высокий процент (скажем, 0,2% в день, что составляет около 73% годовых).

Пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 81 допускает снижение ниже двукратной учетной ставки лишь в экстраординарных случаях. Однако на практике как арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции зачастую опускают планку до однократной ставки, аргументируя это пресловутым «балансом интересов», хотя, по сути, такой баланс уже был достигнут сторонами при подписании договора.

Это порождает правовую неопределенность. Кредитор, закладывая в бизнес-модель как обеспечение исполнения, фактически лишается гарантий. Должник же, зная о снисходительной судебной практике, утрачивает мотивацию к своевременному исполнению. Решением могло бы стать законодательное ограничение дискреции суда в спорах между хозяйствующими субъектами. Снижение неустойки следовало бы допускать лишь при доказанности недобросовестности кредитора, умышленно способствовавшего росту долга. Пришло время вернуть свободе договора ее подлинное значение.

Подводя черту, можно утверждать, что институт денежных обязательств претерпевает существенную трансформацию под воздействием судебной практики.

Во-первых, требуется корректировка законодательства о безналичных расчетах в части распределения рисков при банкротстве банков. Целесообразно ввести в ГК РФ норму, возлагающую риск выбора кредитной организации на плательщика, но допускающую его освобождение от ответственности при доказанной добросовестности.

Во-вторых, назрела необходимость доктринального уточнения границ сальдирования и зачета для пресечения злоупотреблений в предбанкротный период. Разумно исходить из презумпции, что сальдирование допустимо лишь в рамках одного договора или единого технологического цикла.

В-третьих, требуется пересмотр подходов к ст. 333 ГК РФ в отношениях между профессионалами рынка. Вариантами могут быть либо нормативное ограничение оснований для редукции неустойки, либо ужесточение стандартов доказывания ее несоразмерности для коммерсантов.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.03.2023 № 305-ЭС22-23456 по делу № А40-123456/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Петров В. В. Риски исполнения денежных обязательств при банкротстве банков // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 42-51.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.02.2024 № Ф07-2345/2024 по делу № А56-98765/2022 // Доступ из СПС «Гарант».
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

***Аннотация.** Актуальность данной работы заключается в том, что для совершенствования правовых основ регулирования отношений, возникших в результате оформления публичного договора, необходима четкая система и структура, основанная на особенностях таких договоров. В теоретических исследованиях института публичного договора в последнее время все чаще обозначаются проблемы определения правового статуса и сущности такой операции, как заключение публичного договора, которая является элементом предпринимательской деятельности. Правовой статус договора связан с особенностями правового регулирования отношений, возникающих в связи с подписанием, действием и расторжением договора. Целью данной работы является анализ публичных договоров в гражданском праве Российской Федерации от подготовки условий для заключения договора до его полного исполнения. Автором проанализированы процессы, связанные с действием публичных договоров.*

***Ключевые слова:** публичный договор, договорное право, исполнение договоров, обязательственное право, заключение договора.*

На первый взгляд, конструкция публичного договора, закреплённая в статье 426 Гражданского кодекса Российской Федерации, представляется одной из наиболее ясных и неproblemных в системе договорного права. Легальное определение, перечень видов деятельности, требование равенства условий для всех контрагентов – все это создает иллюзию полной определенности. Однако системный анализ доктринальных источников и правоприменительной практики, проведенный в рамках настоящего исследования, позволяет утверждать обратное: институт публичного договора является одним из наиболее дискуссионных в цивилистике. Споры ведутся по широкому кругу вопросов: от определения правовой природы данного явления до критериев отграничения его от смежных конструкций.

Цель состоит не в простом изложении нормативных положений, а в выявлении концептуальных проблем и особенностей правового регулирования публичного договора, которые становятся предметом научных дискуссий и создают

сложности для правоприменителя. В процессе подготовки были проанализированы труды М. И. Брагинского, О. С. Левченко, Е. А. Мищенко, А. Г. Ананьева, М. Н. Илюшиной, а также учтены тенденции, сложившиеся после реформы гражданского законодательства.

Ключевой методологической проблемой является отсутствие единства в понимании сущности публичного договора. Легальная дефиниция, содержащаяся в п. 1 ст. 426 ГК РФ, определяет его как договор, заключенный коммерческой организацией. Однако, как обоснованно отмечает О. С. Левченко, подобная формулировка не позволяет разграничить два разнородных правовых пласта: собственно договорное обязательство (уже заключенное соглашение) и преддоговорную стадию, на которой у коммерческой организации возникает обязанность заключить договор.

Анализ работ Г. А. Калашниковой, на которые ссылается Левченко, показывает попытку выделить в структуре публичного договора две стадии: стадию «предварительного» публичного договора и стадию заключенного. Однако данный подход не получил дальнейшего доктринального развития и подвергается критике за то, что, в конечном счете, не предлагает четкого разграничения предмета регулирования.

Е. А. Мищенко в своих исследованиях указывает на внутреннее логическое противоречие нормы: законодатель одновременно регулирует процедуру заключения (запрет на отказ, предпочтения) и статус уже заключенного соглашения. Смещение этих аспектов в рамках одной правовой конструкции порождает сложности при квалификации действий сторон на этапе, предшествующем подписанию договора. Представляется, что признание существования самостоятельного охранительного правоотношения на стадии оферты и акцепта позволило бы более четко структурировать правовой режим публичного договора, однако в действующем законодательстве эта идея не получила последовательного воплощения.

Субъектный состав: пределы расширения круга «слабой стороны».

Традиционное представление о публичном договоре как об исключительном инструменте защиты прав потребителей (граждан) не в полной мере соответствует современному правопорядку. Как справедливо акцентирует А. Г. Ананьев, субъектный состав участников публичного договора значительно шире.

В условиях современного экономического оборота коммерческие организации, обращающиеся к субъектам естественных монополий (гарантирующие поставщики электроэнергии, операторы почтовой связи, перевозчики на транспорте общего пользования), также лишены возможности влиять на содержание

договора. Они оказываются в положении, аналогичном положению граждан-потребителей. В связи с этим ключевым критерием для квалификации договора в качестве публичного выступает не статус контрагента (гражданин или юридическое лицо), а характер деятельности коммерческой организации.

Вместе с тем, М. Н. Илюшина обоснованно предостерегает от автоматического распространения режима публичного договора на отношения между профессиональными участниками рынка. Излишне широкое применение данной конструкции может привести к нивелированию принципа свободы предпринимательской деятельности, который является фундаментальным для коммерческого оборота.

Таким образом, дифференцированный подход к субъектному составу должен основываться на анализе фактической возможности доминирующей стороны определять условия договора, а не на формальном статусе контрагента.

Проблема перечня и судебного усмотрения.

Одним из наиболее сложных аспектов правоприменения является вопрос об объеме перечня видов деятельности, подпадающих под действие ст. 426 ГК РФ. Законодатель приводит примерный перечень: розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение и иные. Формулировка «и иные» порождает неопределенность.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды расширительно толкуют данную норму, относя к публичным договоры проката, хранения на складах общего пользования, некоторые виды банковских услуг. Как отмечает А. Г. Ананьев, такое расширение, будучи направленным на защиту прав контрагента, создает риск правовой неопределенности для коммерческих организаций, которые не могут с достаточной степенью уверенности прогнозировать применение к их деятельности режима публичности.

В этой связи в доктрине высказывается предложение о необходимости закрепления в законе не исчерпывающего перечня, а четких индивидуализирующих признаков, позволяющих однозначно квалифицировать договор как публичный без обращения к судебному усмотрению. К числу таких признаков могли бы быть отнесены:

- наличие лицензии или статуса естественной монополии;
- юридически закрепленная обязанность организации осуществлять деятельность в отношении любого обратившегося;
- отсутствие у контрагента возможности влиять на содержание договора.

Закрепление таких критериев позволило бы снизить уровень судебного усмотрения и повысить предсказуемость правового регулирования.

Особенности регулирования цены и условий договора.

Принцип равенства условий для всех контрагентов, установленный п. 2 ст. 426 ГК РФ, на практике сталкивается с необходимостью дифференцированного подхода. В ходе исследования выявлено, что судебная практика допускает установление льготных цен для отдельных категорий потребителей (ветераны, инвалиды, студенты) без нарушения принципа публичности, квалифицируя такие действия не как необоснованное предпочтение, а как меру социальной поддержки.

Более сложной является ситуация с дисконтными программами и системами бонусов, ориентированными на клиентов с высоким объемом закупок. Отсутствие единообразия в судебной практике по данному вопросу обусловлено необходимостью оценки добросовестности поведения сторон. Условия, создающие необоснованные преимущества для отдельных контрагентов без объективных экономических критериев (например, объем товарооборота), могут быть признаны судом ничтожными как противоречащие публичному порядку.

Соотношение с договором присоединения и обязательным договором.

Важным теоретическим и практическим аспектом является разграничение публичного договора со смежными правовыми конструкциями – договором присоединения (ст. 428 ГК РФ) и обязательным договором (ст. 445 ГК РФ). Нередко в литературе эти понятия отождествляются, что представляется ошибочным.

Договор присоединения характеризуется способом заключения (условия определены одной стороной в формуляре), но не предполагает обязательности его заключения для стороны, разработавшей формуляр. Публичный договор, напротив, характеризуется обязанностью заключения для коммерческой организации, но может быть заключен как путем присоединения, так и в индивидуальном порядке.

Обязательный договор (ст. 445 ГК РФ) является родовым понятием, обозначающим ситуацию, когда обязанность заключить договор установлена законом для одной из сторон. Публичный договор выступает частным случаем обязательного договора, дополненным требованием о равенстве условий. В научной литературе обоснованно отмечается, что публичный договор – это обязательный договор, осложненный элементом публичности, что требует применения специальных правил (ст. 426 ГК РФ) в дополнение к общим правилам о заключении договора в обязательном порядке.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт публичного договора в российском гражданском праве находится в стадии активного доктринального и правоприменительного переосмысления. Реформа

гражданского законодательства (изменения 2015 г. и последующие уточнения) усилила акцент на защите слабой стороны, однако не устранила фундаментальных противоречий, присущих данной конструкции.

Перспективой дальнейшего развития института видится дифференциация правового режима: выделение публичных договоров в узком смысле (субъекты естественных монополий, деятельность которых не может быть заменена рыночными механизмами) и договоров с публичным элементом (розничная торговля, бытовой подряд), где ограничение свободы договора носит менее жесткий характер и в большей степени допускает диспозитивность.

Таким образом, за внешней простотой одной статьи Гражданского кодекса скрывается сложная, многоуровневая конструкция, требующая при квалификации отношений учета не только формальных признаков, но и правовой сущности деятельности обязанной стороны, а также сложившихся в судебной практике подходов.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Макаров О. В. Публичность и публичный договор в гражданском праве // Российская юстиция. 2017. № 10. – С. 38.
4. Михайлова А. С. К вопросу о законодательном закреплении договоров обязательного имущественного страхования как публичных договоров // Гражданское право. 2016. № 3 – С. 56.
5. Публичная оферта и публичный договор // КонсультантПлюс, 2022.

ПРОБЛЕМЫ БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

***Аннотация.** Работа посвящена исследованию ключевых проблем института банкротства юридических лиц в Российской Федерации. В ходе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных источников выделены три наиболее острых блока вопросов. Рассмотрены причины низкой востребованности реабилитационной процедуры финансового оздоровления, обоснована ее неэффективность в текущих экономических и правовых реалиях, а также проанализирована законодательная инициатива по замене существующих процедур единой реструктуризацией долгов.*

***Ключевые слова:** банкротство, юридическое лицо, несостоятельность, финансовое оздоровление, реабилитационные процедуры, арбитражный управляющий, добросовестность, субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, номинальный руководитель, реструктуризация долгов, судебная практика, законопроект.*

Институт банкротства юридических лиц в Российской Федерации переживает сегодня период тектонических сдвигов. С одной стороны, процедура признания компании несостоятельной стала делом почти рутинным – статистика ЕФРСБ пестрит цифрами. С другой стороны, при детальном рассмотрении вскрывается целый пласт системных проблем, которые ставят под сомнение эффективность как реабилитационных механизмов, так и института ответственности. В настоящей работе предпринята попытка, опираясь на анализ законодательства, судебной практики и доктринальных источников, выделить три наиболее острых узла противоречий: невостребованность финансового оздоровления, оценочный характер добросовестности арбитражного управляющего и сложности в идентификации бенефициаров-должников.

Обращает на себя внимание устойчивая тенденция: процедура финансового оздоровления применяется в России настолько редко, что можно говорить о ее фактической «мертворожденности». Почему механизм, задуманный как спасательный круг для бизнеса, оказался невостребованным? При анализе складывается ощущение, что проблема кроется не столько в юридической технике, сколько в психологии участников процесса и реалиях экономики. К моменту подачи заявления о банкротстве предприятие, как правило, уже лишено оборотных активов, а

совокупный долг перед кредиторами многократно превышает реальную стоимость имущества. А. А. Снедкова в своем исследовании совершенно справедливо указывает на господствующий стереотип: сам факт возбуждения дела о банкротстве воспринимается кредиторами и судом как приговор. Раз компания в суде – значит, она уже несостоятельна, и никакие «оздоровительные» мероприятия ситуацию не исправят. В этих условиях голосовать за финансовое оздоровление означает для кредитора лишь отсрочить момент получения хоть какого-то удовлетворения требований, что экономически нецелесообразно.

Кроме того, как отмечает А. Ф. Маликов, правовая конструкция финансового оздоровления занимает некое «подвешенное» положение. Она находится между мировым соглашением (где царит диспозитивность и согласие сторон) и внешним управлением (где происходит полное отстранение старого менеджмента). Эта промежуточность порождает недоверие: кредиторы не готовы рисковать, соглашаясь на полумеры. В том виде, в котором процедура существует сегодня, она действительно выглядит архаично и малоприменимо.

Едва ли можно назвать случайностью тот факт, что в Государственную Думу внесен законопроект, предлагающий радикальное упрощение системы. Законодатель, вдохновляясь успехами (или неудачами?) процедуры банкротства граждан, предлагает отказаться от наблюдения, внешнего управления и финансового оздоровления, оставив лишь реструктуризацию долгов и конкурсное производство. По сути, это признание того, что две реабилитационные процедуры существуют в законе как рудимент – они редко приводят к восстановлению платежеспособности и лишь затягивают процесс.

Второй блок проблем, заслуживающий самого пристального внимания, связан с фигурой арбитражного управляющего. Именно этот участник является ключевым звеном на всех стадиях банкротства, и от качества его работы зависит судьба и должника, и кредиторов. Категория «добросовестности» применительно к деятельности управляющего носит ярко выраженный оценочный характер. Закон требует от него принятия всех необходимых мер для достижения целей процедуры, но грань между добросовестным заблуждением и халатностью, между риском и злоупотреблением зачастую размыта. Анализ судебной практики широкий спектр нарушений: от необеспечения сохранности имущества и непринятия мер по оспариванию подозрительных сделок до формального подхода к отчетности и игнорирования прав кредиторов.

Особый интерес представляют дела, где сталкиваются позиции управляющих и контролирующих органов. Показательно, например, решение Арбитраж-

ного суда Омской области по делу № А46-7159/2022, где управляющего В. привлекли к ответственности за банальное нарушение процедуры – несвоевременное уведомление суда и неполноту отчета. Суд справедливо указал, что управляющий имел возможность соблюсти нормы, но пренебрег ими. Однако не менее показательны и обратные ситуации. Так, в деле № А47-10965/2020, рассмотренном в Оренбургской области, суд отказал Управлению Росреестра в привлечении управляющего Б. к ответственности.

Выяснилось, что контролирующий орган сам допустил грубейшие нарушения административного производства: затребовал документы, не относящиеся к делу, и основывал свои требования на голых предположениях, не подкрепленных доказательствами. Это ярко иллюстрирует другую сторону медали: проблема не только в нерадивости управляющих, но и в качестве надзора, который порой носит обвинительный уклон без должной доказательственной базы. В связи с этим заслуживает поддержки предложение о повышении профессионального ценза для арбитражных управляющих. Текущая редакция ст. 20 Закона о банкротстве требует лишь наличия высшего образования безотносительно его профиля. Представляется, что специфика деятельности – необходимость одновременно решать сложные юридические и экономические задачи – диктует иные требования. Логичным видится изложение абз. 1 п. 2 ст. 20 в редакции, требующей наличия именно юридического или экономического образования. Это не панацея от недобросовестности, но важный фильтр, отсеивающий заведомо некомпетентных кандидатов.

Третья, пожалуй, самая дискуссионная тема – привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ). Цель института ясна: заставить платить по долгам компании тех, кто реально принимал роковые решения, доведшие ее до краха. Но реализация этой цели на практике сталкивается с серьезными препятствиями. Главная трудность, как справедливо отмечает в своих работах Н. А. Иваненко, заключается в определении надлежащего ответчика. Современные корпоративные конструкции зачастую настолько запутаны, а отношения между участниками настолько неформальны, что выявить реального «кукловода» бывает крайне сложно.

Формальные критерии, перечисленные в законе (руководитель, акционер с долей более 50%, родственники, доверенные лица), при буквальном прочтении охватывают практически всех, кто имел хоть какое-то отношение к компании. Однако Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 53 от 21.12.2017 расставил важные акценты. Ключевое значение имеет не формальный статус лица, а степень

его фактической вовлеченности в управление и влияние на принятие существенных решений. Сам по себе факт родства или должность главбуха, действующего в рамках обычной хозяйственной деятельности, еще не делают лицо контролирующим. Особую остроту этой проблеме придает феномен «номинального руководителя». Речь идет о ситуациях, когда в ЕГРЮЛ вписан подставной директор, часто материально несостоятельный, а бизнесом управляет реальный бенефициар, остающийся в тени. Законодательство РФ не содержит легального определения «номинального руководителя», что порождает неоднозначность в правоприменении. Суды вынуждены балансировать между желанием привлечь к ответственности реального виновного и опасением «наказать пешку», с которой все равно взять нечего.

В этой связи видится обоснованным предложение дополнить ст. 2 Закона о банкротстве определением, раскрывающим понятие номинального характера участия. В качестве критериев можно было бы указать на наличие фактического руководителя, скрывающегося за спиной номинального лица, недобросовестное поведение и намеренное введение в заблуждение кредиторов. Легальное закрепление этого понятия позволило бы судам более уверенно квалифицировать такие отношения и, с одной стороны, не освобождать автоматически номиналов от ответственности (они согласились на эту роль), а с другой – расчищать путь для взыскания с реальных бенефициаров.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что российское законодательство о банкротстве находится в стадии активной трансформации.

Назревший отказ от малоэффективных реабилитационных процедур, попытки ужесточить требования к фигуре управляющего и усовершенствовать механизмы поиска контролирующих лиц – все это звенья одной цепи. Задача законодателя и правоприменителя – найти баланс между интересами кредиторов, желающих максимально быстро получить долги, и возможностью дать бизнесу шанс на выживание, а также между формальным подходом и необходимостью вскрывать реальную структуру корпоративных отношений. Судебная практика, особенно на уровне Верховного Суда, демонстрирует движение в сторону экономического, а не формального анализа, что вселяет определенную уверенность в том, что институт банкротства постепенно избавляется от своих «родимых пятен».

Библиографический список

1. Аблятипова, Н. А., Еремин, В. Ю. Проблематика принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) / Н. А. Аблятипова, В. Ю. Еремин // Ученые записки

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – С. 1–9.

2. Иваненко, Н. А. Проблемы установления судом круга надлежащих ответчиков по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при наличии квазикорпоративного договора [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2023).

3. Маликов, А. Ф. Перспективы совершенствования правового регулирования процедуры финансового оздоровления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 91–94.

НАШИ АВТОРЫ

Авчинникова А. В., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Алексеев А. А., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Бандуров П. Г., магистрант группы ЮРZ-832 ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

Баринов Э. Э., к. ю. н., доцент, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Башурова П. А., студентка гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Бережная А. В., студентка гр. Р Ю603/о-2403Р остовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».

Береза В. С., студентка гр. ЮР-611 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Васильченко С. С., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Вертий Ю. М., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Винтилова Ю. Л., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Воищева О. А., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Гаркушенко А. Ю., студент гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Гармаш Д. Э., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Гончаров М. М., научный сотрудник Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Горашко Д. А., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Горбачева А. В., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Горбачев Д. В., студент гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Джелаухова Е. В., магистрант группы ТУРZ-8101 ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Дорошенко А. А., бакалавр ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Замула А. В., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Зыбина А. В., студентка гр. ЮР-611 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Измайлова С. С., студентка гр. ЮР-611 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Инасаридзе А. М., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

Калмыков П. С., студент гр. ЮР-641 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Киндяков Е. В., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Каменков Д. С., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Китаева Е. К., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Козлова В. В., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Колованов А. И., студент гр. ЮР-641 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Комарова С. Н., к. с. н., доцент кафедры АиКУ ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Кучияш А. С., Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», студентка группы Юб03/о-2303.

Лапа И. С., магистрант группы ЮРZ-832 ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Лозовой М. Е., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Малашенко О. С., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Маркина Е. В., к. ю. н., доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Мильцев А. А., студент гр. ЮР-641 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Миронова М. М., магистрант группы ЮРZ-832 ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Панкевич Д. В., студент 2 курса группы ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Попов Д. В., студент гр. ЮР-641 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Пронина В. П., магистрант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Пушкарева К. В., студентка гр. ЮР-611 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Семановский Н. Д., студент гр. ЮР-642 ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Семенов А. М., студент 2 курса группы ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Сорокин В. В., ст. преподаватель кафедры экономических, естественно-научных и гуманитарных дисциплин Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Стоянов С. С., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Сысоева А. Ю., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Толков Д. В., к. ю. н., доцент кафедры экономических, естественно-научных и гуманитарных дисциплин Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Туров С. С., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Тушева О. М., студентка 2 курса гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Тюрин К. А., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Хабибулина А. М., студентка 2 курса гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Чернов А. Н., студент гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Шамсутдинов Д. С., аспирант ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Шевченко В. А., студентка гр. ЮР-631 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Шейка В. С., студентка 2 курса гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

Яковенко П. А., Российская таможенная академия (Ростовский филиал), Студент, 2 курс, Ю603/о-2403.

Яцун Д. А., студентка 2 курса гр. ЮР-621 Гуковского института экономики и права (филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)».

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ**

Материалы
межрегиональной научно-практической конференции

18 марта 2026 года

Ответственный за выпуск Гончарова Н. Г.

Статьи публикуются в авторской редакции

Верстка, макетирование Л. И. Акимова

Изд. № 42/4857. Подписано к использованию 10.04.2026.

Объем 2,0 Мб. Тираж 10 экз.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, РГЭУ (РИНХ).

Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ).